

Центр содействия реформе
уголовного правосудия

Трудные взрослые — трудные дети

О домашнем насилии и подростковых
правонарушениях

МОСКВА

2014

УДК 34.096=021(060.1/9)“0/2”-058.56
ББК 67.408 (2)
Т78

Трудные родители — трудные дети. О домашнем насилии и подростковых правонарушениях: [для широкого круга читателей]. — М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. — ил. — 192 с. — ISBN 978-5-91759-239-8.

Сборник составлен из статей психологов и социологов, специалистов, занимающихся проблемами домашнего насилия и подростковой преступности, из материалов интервью и опросов, а также из писем и сочинений воспитанников детских колоний. Книга поможет по-новому взглянуть на проблему нарушения детьми и подростками общественных норм и будет интересна широкому кругу читателей, включая родителей, педагогов, воспитателей, психологов и социальных работников.

Издание осуществлено при поддержке Программы малых грантов Посольства США в Российской Федерации.

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия» несет полную ответственность за содержание данной публикации, которая не может расцениваться как мнение Посольства США или американского правительства.

УДК 34.096=021(060.1/9) “0/2”-058.56
ББК 67.408 (2)

ISBN 978-5-91759-239-8

- © РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013
- © Оригинал-макет ООО «Издательский дом “Самокат”», 2014
- © Улицкая Л., предисловие, 2013
- © Дзядко Н., текст, 2013

*Памяти Валерия Абрамкина, основателя и бессменного руководителя
Центра содействия реформе уголовного правосудия с 1988 по 2013 год*

Предисловие

Последние десятилетия во всем мире пишут много научных статей, инструкций и исследований на тему наказания. Рядом с ней постоянно стоит рядом и другая тема — насилия. В нашей стране много оснований, чтобы этим вопросом серьезно заниматься. Известно, что тюремное население в России составляет 487 человек на 100 тысяч населения*. Опережают нас по численности заключенных только США (716 чел. на 100 тыс. населения**). Сейчас население детских колоний уменьшилось, как и число колоний (2,2 тысячи подростков содержится в 46 детских воспитательных колониях). Надо признать, что в последние годы государство увеличило финансирование на содержание тюрем и колоний и положение постепенно улучшается. Но что у нас никак не улучшается, это понимание обществом природы насилия — невероятно высокого уровня насилия в доме, в семье, на улице, в детских учреждениях, в армии... Между тем, никакие усилия государства не изменят морального климата в стране, если сами граждане страны

* По оценке Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2013 года в России было 143 347 059 жителей; по данным ФСИН России, в учреждениях УИС на начало года содержалось 701 900 человек.

** Россия находится на 7 месте по информации на конец 2011 года. Между нами и США, которые на первом месте, такие страны как Руанда и Куба, Сейшельские и Вирджинские острова и др. [International Centre for Prison Studies. URL: http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/wpb_country.php?country=190].

не научатся осознанно относиться к насилию, жестокости, не поймут, что есть полезные механизмы, которые помогают родителям справляться с трудными подростками, что при внимательном отношении и любви многие из детских преступлений не были бы совершены.

Данная книга составлена из материалов, полученных педагогами и психологами в процессе работы с воспитанниками детских колоний, их писем и сочинений, из статей специалистов — работников самой исправительной системы, педагогов, воспитателей, ученых, добровольцев, потративших много лет жизни и сил на помощь «малолеткам», сбившимся с пути.

Сборник очень полезно будет прочитать тем, у кого есть проблемы, пока еще небольшие, с подрастающими детьми. Кому-то эти сведения помогут практически, кого-то заставят задуматься. Некоторым — мы так надеемся — удастся избежать тех ошибок, которые до них совершали другие родители.

Не все трудные дети совершают преступления и попадают под суд, в исправительную колонию. Есть множество таких, которым удастся удержаться на опасной грани, но их отношения с семьей и окружающими разрушены, а без семейной поддержки каждому человеку труднее решать его жизненные задачи. Здесь же, рядом, еще одно большое место нашего общества — разрушающаяся семья. Больше половины детей, совершивших преступления, начинают свои сочинения с сообщения о том, что родители развелись... Кризис семьи, происходящий сейчас во всем мире, особенно тяжело проживается теми детьми, родители которых пьют, употребляют наркотики, ведут асоциальную жизнь. Мы имеем дело с целым клубком проблем, но никогда нельзя забывать, что за всеми этими разговорами стоят несчастные, лишенные любви, внимания, подвергающиеся насилию со стороны родителей и окружающих беззащитные дети: Маша, Таня, Сережа или Руслан... И если они становятся преступниками, то в этом и наша доля вины.

Людмила Улицкая

Как появилась эта книга

Центр содействия реформе уголовного правосудия уже более 15 лет занимается малолетними правонарушителями, уделяя особое внимание тем, кто находится в воспитательных колониях. Для них еще в 1997 году выпущена книга «Подросток в местах заключения»*, задачами которой было помочь осужденному подростку осознать сложившуюся ситуацию, разобраться в себе, узнать о своих правах и выйти из заключения здоровым человеком, имеющим твердые ориентиры в будущей жизни на свободе.

Мы постоянно посещаем детские колонии, в основном Можайскую и Новооскольскую, а с 2012 года — Рязанскую. А еще раньше встречались с воспитанниками Ардатовской и Арзамасской, Бобровской и Казанской, Калининградской и Томской, Челябинской и Архангельской, Валуйской и Шаховской, Брянской, Невельской, Колпинской...

Сначала мы приезжали в воспитательную колонию, чтобы привезти ребятам сласти и мыло, но постепенно ситуация изменилась — в тюрьмах улучшились материально-бытовые условия, кормят ребят сейчас прилично. И последние десять лет мы приезжаем не только для того, чтобы спросить, чего не хватает в повседневной

* Подросток в местах заключения. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997.

жизни, но и чтобы узнать, как и почему подросток попал за решетку, чем можно помочь ему в будущем, на свободе.

Мы не благотворительная организация, хотя обязательно привозим конверты и конфеты и стараемся помочь решить насущные проблемы тех, кому скоро освободиться. Но главная наша задача, как громко и очень правильно сказано нашим основателем Валерием Абрамкиным, «быть посланцами воли». Мы приезжаем и говорим с ребятами о воле, как они просят: «Рассказывайте, вот вы вышли из дома и...»

Но речь идет не только о новых станциях метро и «тактильных» (адаптированных для незрячих) плитках на тротуарах Москвы, но и о том, как слагают стихи и пишут книги, как рисуют картины и ставят спектакли.

С нами приезжали поэты (Наталья Горбаневская, Дмитрий Веденяпин), писатель (Сергей Каледин), сценаристы (Роман Перельштейн, Карен Арутюнянц), художники (Виктория Ломаско, Вера Калганова), фотографы (Владимир Райтман, Елена Брегович, Михаил Игошин), дизайнер (Денис Драгилев), психологи (Марина Поливанова, Наталья Вуль, Римма Чиркина), сотрудники лаборатории ювенальных технологий МГППУ*, преподаватели английского (Ирина Горелова, Агафья Ткаченко, Наталия Кутина), отец Федор Котрелев, тогда еще не рукоположенный, архитекторы (Зураб Сабанадзе, Ксения Васильева), Наталья Кузнецова и Михаил Агафонов — представители Церковной комиссии**, ученики и учителя Московской киношколы, сценаристы, режиссеры и актеры Театра.doc***. О других странах рассказывали переводчицы Анна Воронкова, Марианна Айдинова и сотрудница «Фонда Людмилы Улицкой по поддержке гуманитарных инициатив» Галина Финарди, о правах человека с ребятами беседовали сотрудник нашего Центра Валентина Фридман и Светлана

* МГППУ — Московский городской психолого-педагогический университет.

** Церковная комиссия — комиссия по церковной социальной деятельности при Епархиальном совете г. Москвы.

*** Театр.doc — московский театр документальной пьесы.

Рейтер, Сапар Кульянов, создатель и руководитель приюта «Незнайка» — активный участник профилактической программы Центра «Осторожно, тюрьма!».

Тюремное устройство сложное, оно не только ограничивает твоё физическое пространство, но и подчиняет тебя самого, каждую твою клеточку; распорядок дня в колонии очень жесткий. Свободного времени никогда не хватает, побыть один не можешь, вокруг постоянно одни и те же лица... Несмотря на то что к воспитанникам, особенно в колонии, расположенные близ Москвы, постоянно приезжают с концертами, фильмами, а то и с подарками — но это в праздники, а в будни — школа, ПТУ, производство, обязательное общение с тюремными психологами, наряды, построения. Они устают здесь, и когда спрашиваешь о том, как проведут первые дни на свободе, говорят: «сначала отдохну».

Но это потом, а пока нам так хочется, чтобы смыслом было наполнено их существование за решеткой, и мы расспрашиваем об их жизни, просим написать нам о себе, о своих родителях, о том, что привело их сюда.

Мы просили заполнить совсем небольшую анкету и, когда увидели, что дети легко и свободно отвечают на наши вопросы (спасибо воспитанникам Брянской воспитательной колонии 1999 года), стали спрашивать побольше и даже оставили четыре строки пустых с просьбой написать о том, о чем мы еще не спросили.

С этого и началось коллекционирование детских текстов — частично они были опубликованы в семи выпусках сборников «Дети в тюрьме».

Как пишет Людмила Альперн, организатор конкурса сочинений среди несовершеннолетних осужденных: «Мы хотели, чтобы они продумали то, что все еще хаотично вертится в их сознании: обдумали бы свои дальнейшие шаги, освободились бы от тяжелой ноши своих ошибок и заблуждений. Групповая реабилитационная работа в тюрьме, без посредников — условием проведения конкурса был

прямой контакт с воспитанниками, мы сами раздавали бланки сочинений с перечнем возможных тем, присутствовали во время работы, сами собирали сотворенное. Эти условия оказались чрезвычайно плодотворными — уровень доверия к нам был так высок, а потребность поделиться с теми, кто не имеет прямого отношения к тюрьме, так глубока, что искренность и информативность сочинений, написанных колонистами, намного превысила уровень обычных школьных сочинений^{*}. Ребята пишут сочинения на самые разные темы; мы хотим как можно больше узнать о них, о «малолетках»: как прошло их детство, о чем они мечтают, что потеряли (или приобрели) в заключении, чем тюремный опыт может помочь в дальнейшей жизни.

Вот так с 1999 года Центр активно работает с воспитанниками детских колоний, стараясь использовать накопленный ими опыт и их язык для разговора с подростками группы риска: уже осужденные подростки рассказывают своим сверстникам о своем пути в «места не столь отдаленные» на понятном для ровесников языке^{**}. И, надо сказать, на эти «профилактические рассказы сверстников» подростки на воле откликаются куда более охотно, чем на увещевания взрослых, — они размышляют, переживают, начинают понимать, что угождать в тюрьму легче, чем кажется, а находиться там очень тяжело.

Цитаты из «колонских» сочинений использовались при создании сборника «Осторожно, тюрьма!»^{***} (2005), а потом и одноименной профилактической выставки (2009, 2012), ставшей продолжением, «детским» вариантом нашей большой выставки «Человек и тюрьма»^{****}, основа которой — огромный архив писем, интервью, других

* Дети в тюрьме. Вып. 2. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001.

** Программа «Осторожно, Тюрьма»/Центр содействия реформе уголовного правосудия. www.prison.org/projects/prison.

*** Осторожно, тюрьма. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2005.

**** Выставка «Человек и тюрьма» с 1999 по 2004 годы успешно демонстрировалась в Москве в Фотоцентре на Гоголевском бульваре и в Политехническом музее, потом в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и других городах.

текстовых и фотодокументов, накопившийся в Центре со времени его основания в 1988 году, — это отражение наших знаний о тюрьме и человеке в местах заключения.

Ребята из Можайской колонии — наши первые читатели и критики, мы с ними сделали комикс «Свобода — это рай», сборники «Едем на Можай» и «Колония за Можаем», они были первыми читателями и рецензентами повести И. Митина «Гопник»*.

За годы работы с детьми в тюрьме у нас собралось огромное количество сочинений и историй их жизни. Когда их читаешь, первое, что бросается в глаза, — невероятная неграмотность. Но затем, преодолев удивление от неграмотности, замечаешь, что во многих, слишком многих историях, так или иначе говорится о домашнем насилии. Оказывается, что прежде чем преступить границы личного пространства другого человека — обворовать, избить — многие подростки сначала побывали жертвами насилия: физического, эмоционального, сексуального. А затем усвоили модель такого «взрослого поведения».

Так нам и пришла в голову мысль, пусть и несколько утопичная: не ограничиваться профилактикой среди подростков, находящихся в зоне риска, а пойти дальше, в семьи, рассказать как можно большему количеству людей о том, что корень подростковой преступности лежит в домашнем насилии, которое, увы, очень распространено у нас в стране, рассказать о том, что такое домашнее насилие, как обходиться без него в своей семье и что делать, когда видишь его в семье чужой.

* * *

В данном сборнике, в отличие от предыдущих, публикуются тексты не только тех, кто сейчас за решеткой или был там когда-то. Среди авторов — психологи, социологи, специалисты по ювенальным технологиям, но также и просто родители и даже те, кто только собирается ими стать. Кем бы мы ни были, у нас одна страна, общие корни,

* Митин И. Гопник. М.: Самокат, 2010.

общие традиции. И за решеткой — наши с вами дети. (Как-то эту свою нехитрую мысль я высказала вслух при сотрудниках колоний. И один из них тут же возмутился: «Ну уж нет, моих детей там нет...»).

Мы рассказываем о детстве наших детей: «колонских» и не только. О наказаниях за первые проступки, которые часто чрезмерны и оказывают значительное влияние на дальнейшее поведение детей — а взрослые этого не понимают, действуя жестко и думая только о ближайшем времени. Государство тоже часто поступает, как недобрый родитель, и, не создавая достаточные условия для решения подростковых проблем, подталкивает несовершеннолетних группы риска сначала в «малолетку», а потом и во взрослую колонию, сокращая их шансы на благополучное возвращение в общество до минимума.

Сборник состоит из двух частей: в первой звучат голоса детей — тех, кого наказывают и наказывали родители или государство, и голоса взрослых — тех, кто наказывает. Во второй мы собрали статьи специалистов, рассказывающие о домашнем насилии и пенитенциарных практиках.

Наталья Дзядко

ЧАСТЬ 1
От первого лица

Невозвратимая пора детства

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!

Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?

Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу
и служат для меня источником лучших наслаждений.

Л. Толстой. Детство

Однажды мы просили ребят из колоний просто написать о своем детстве — никакой конкретной темы мы не называли. И как же были поражены, когда очень многие сдали тексты, в которых рассказывалось об идеальном детстве. Или даже не просто идеальном: детство многих колонистов, судя по описаниям, было средоточием беззаботных развлечений и невинных радостей (чаще у девочек): «Я очень любила воздушные шарики, мороженое, попкорн, шоколад, чупа-чупс»^{*} или историей настоящей дружбы (у мальчиков): «Ты всегда оказывал мне помощь в разных ситуациях, наша дружба важнее, чем это железо».

Детство многие ребята противопоставляют нынешней, тюремной, взрослой и несчастной жизни: «Училась я в гимназии. Была отличницей. Очень любила спорт. Занималась футболом. И так было до 12 лет. Потом мое детство закончилось...». И, подзреваем мы,

* Здесь и далее: отрывки из сочинений печатаются с сохранением орфографии и пунктуации автора — *Примеч. ред.*

часто его приукрашивают: кто-то немного, а кто-то откровенно сочиняет. Мы не пытаемся допытываться, насколько истории выдуманные. Выдумывают, ну и пусть. Как бы то ни было, эти воспоминания о счастливом и безмятежном детстве им — подросткам, совершившим преступление и сидящим в тюрьме, — сейчас необходимы. Как способ продержаться, как способ удержать равновесие.

Мое детство было очень веселым, радостным, красивым, интересным.

Когда мне было 3 года, мама мне купила очень красивое платье — белое с розочками, оно у меня до сих пор осталось. Меня водили на карусели, ездили в гости, на природу, в деревню, играли в песочнице, ездили на шашлыки на природу.

Я очень любила воздушные шарики, мороженое, попкорн, шоколад, чупа-чупс. Я очень любила ездить в гости в деревню к своей бабушке. Деревня называлась Малые Чепурники.

Вот такое было мое счастливое детство.

*Ольга Г., 18 лет
Рязанская ВК, 2012*

Мое детство было очень веселым и счастливым! Когда мне было 3 года, я очень любила танцевать и петь. В 5 лет родители отдали меня на гимнастику ☺. Мне очень нравилось туда ходить. Там я познакомилась со своими подружками, в садик я ходить не любила. Всегда притворялась, что у меня болит живот, но меня все равно отправляли туда.

Я очень любила, да и сейчас люблю гулять на природе ☺, кататься на качелях, играть в песочнице, а еще я очень люблю мыльные пузырьки и мороженое. В детстве мне всегда все позволялось. Меня очень баловали, ну это мне так кажется ☺ ... Ну и ладно. Всех должны баловать, когда мы маленькие ☺.

В детстве мы с родителями всегда ездили в разные города, были даже за границей в Эмиратах ☺. Там очень красиво, мне очень

нравилось отдыхать☺. Я очень люблю свое детство. Вот каким оно было☺.

Всё.

*Эльвина С., 18 лет
Рязанская ВК, 2012*

Боже мой, мне уже 17 лет. Уже закончила 10 классов и всё, дальше взрослая жизнь. Учеба в институте, карьера, а потом все дальше, и больше, семья, дети. Если бы у меня был такой момент, как вернуться в детство, я бы его, скорее всего, использовала. Ведь детство — это же мир, в котором тебе легко, светло... Вот детство я вспоминаю таким, когда в деревне у моей любимой бабули просыпашься утром, а петушки уже кукарекают, солнышко своими прекрасными, теплыми лучами щекочет твои маленькие нежные реснички. Когда на кухне пахнет молоком и мягкими блинами, помазанными сметаной и вареньем из клубники. А на крылечке сидит кошечка белая, пушистая и гладит своих четырех котят. А на деревьях птицы поют. За домом у оврага река необъятная, чистая, синяя.

Вот это мое золотое, прекрасное время детства.

*Валя К., 17 лет
Рязанская ВК, 2012*

Мое детство проходило в городе Камышине. Росла я с мамой и папой в полноценной семье без каких-либо недостатков. Детство мое я помню, когда мне было 8 лет, оно было замечательным, т. к. все дети ходят в школу, ну и я в том числе тоже ходила на тот момент во 2 класс, училась я хорошо, на 4 и 5, помню даже, была контрольная работа, я села под парту и написала все на 5, а учитель был удивлен и очень шокирован моим поступком. Вот сейчас даже вспоминаю всё это со смехом. А еще помню, какая я была любознательная, всё мне было интересно, особенно про животных. Я даже по какому поводу ходила в «Юннаты» — это такое место, где много

разных животных, за которыми нужен был уход, мы вместе с мамой или со всем своим классом ходили туда и ухаживали за этими маленькими беззащитными существами. Я очень рада тому, что у меня было такое столь незабываемое детство!!!

*Кристина А., 16 лет
Рязанская ВК, 2012*

Детство... Это то время, когда тебе все позволялось, даже когда тебе запрещалось.

Мое детство я помню не очень хорошо до приезда с мамой и папой с Казахстана. Я была совсем маленькая, в пеленках. Помню так отрывками, когда мне было 4 года или 5, где-то в этом районе.

Я училась на даче прыгать на скакалке, я очень громко смеялась, потому что у меня не получалось, и я то и дело падала на мягкую, пушистую, как ковер, траву, кувыркалась по ней, а когда ко мне подбежала мама и начала меня щекотать, я еще громче смеялась, а потом прилегла со мной рядом, я навалилась на нее, начала целовать ее лицо и говорить, что она у меня лучше всех на свете и я ее очень люблю. Засунув в рот палец, как обычно я делала, прежде чем уснуть, обняв ее за шею, я уснула.

У меня было веселое детство, в компании я всегда была лидером. Меня все во дворе боялись и в то же время любили играть со мной в прятки, потому что искали меня очень долго, а когда находили, я спала с пальцем во рту☺. Друг меня постоянно приносил на руках домой, а мама говорила: «Опять в прятки играли?!»

Когда я просыпалась, то была обижена на всех, что меня не будили и не говорили, что я вожу.

Очень любила играть в футбол с мальчишками, но... да... бывало, что и на воротах я тоже засыпала. Меня постоянно называли соней, а я как всегда надувала губы, бормотала себе под нос что-то и обижалась.

Помню в моем детстве еще то, что я не умела даже кататься на трехколесном велосипеде, умудрялась как-то с него падать☺,

после чего я научилась кататься на обычном велосипеде в 13 лет, и то моя подруга резко отпустила велосипед и я полетела в крапиву. Научилась, только год еще не садилась на него.

Мое детство очень было веселым, добрым и лучистым. Несмотря на то, что я любила спать☺.

Люблю вспоминать свое детство, оно у меня очень хорошее, и моменты в нём.

Элеонора Д., 18 лет

Рязанская ВК, 2012

Росла я с мамой и бабушкой. У меня было самое замечательное детство. Ведь растили меня самые лучшие, любимые, дорогие мои родненьки.

С первого класса я была заинтересована в учебе, во всяких праздничных играх и конкурсах. Мои тетради висели на доске лучших учеников. За красивый почерк и грамотность. У меня было 2 любимых хобби — это животные и большее времяпрепровождение на кухне за плитой с мамулей и приготовление разных вкусностей!☺

У меня дома был салон красоты, меня часто посещали мои родители. Был очень весело и забавно. Они тоже готовили для меня разные сюрпризы и забавы.

Помню, маленькая бабулю покрасила, едем в троллейбусе и я кричу: «Моя бабуля самая красивая в мире! Ясно?» Вспоминаю сейчас, так смешно! Детство у меня было красочным и светлым, и по сей день, ведь потому что у меня есть самые замечательные родители в мире, и я их люблю больше жизни!

Лена Т., 18 лет

Рязанская ВК, 2012

Мое детство можно назвать вполне счастливым☺.

Родилась я в самом красивом городе в мире, в Санкт-Петербурге. С самого детства моим воспитанием занималось очень

много родственников. Бабушка, дедушка по папиной линии, дедушка по маминной и, конечно же, мамочка с папочкой. Когда мне было 4 годика, родители развелись, но я не теряла с ними связи. На будних днях жила у мамы, а все выходные и каникулы проводила с отцом. На лето меня забирал папка на дачу, там же были и бабуля с дедулей. У меня есть братишка, он младше меня на 3 года, зовут Василек. Он всегда был со мной. Еще на даче с нами была наша двоюродная сестра Настя. Мы ходили на рыбалку, в лес за грибами, постоянно лазили по деревьям, купались. Просто отдыхали от городских забот.

А мамочка и дедушка (ее отец) прививали мне любовь к культуре, образованию. Меня растили патриотом своей страны и города. С самого детства я объездила все музеи своего города. Хотя, может, и не все, т.к. их очень много. Очень хорошо изучила историю и культуру Петербурга. Училась в гимназии. Была отличницей. Очень любила спорт. Занималась футболом. И так было до 12 лет. Потом мое детство закончилось...

*Елена С., 17 лет
Рязанская ВК, 2012*

ДРУГ ДЕТСТВА

Однажды летом, поздней ночью, мы с другом Сашей поехали на рыбалку. Это было примерно в начале лета прошлого года.

Саша — он мой друг детства, мы с ним всегда были лучшими друзьями, всегда друг за друга были горой.

И вот мы с ним решили съездить на мотоциклах на рыбалку на ночь, у меня был ИЖ Планета 5, а у него Минск. И вот мы собрались, удочки приготовили, взяли снасти и поехали.

До крутого склона ехать примерно около получаса, и вот по дороге на речку у Санька лопнуло колесо, он ехал еле-еле и удержал управление, а я думал: «Все, упадет». Но не тут-то было, я слез с мотоцикла и быстрее побежал к другу. Пока я бежал до него я упал

и повредил очень сильно колено. Саня увидел, что я лежу на земле и бросив мотоцикл подбежал ко мне. В то время у меня лилась кровь, и я не мог встать. Саша, подбежав ко мне и осмотрев рану, снял с себя футболку, порвал ее и перебинтовал ногу. На тот момент, как назло, я забыл сотовый телефон, а у Санька села батарейка. Он недолго думал, взяв мой мотоцикл, завел его и посадил меня на сиденье. По дороге домой он все спрашивал, как у меня нога, я отвечал: «Все в порядке».

Вот мы приехали к дому, он мне помог дойти до дома, попросился со мной и потом пошел один до того места, где у него лопнуло колесо. Мама мне обработала рану и забинтовала ногу.

На следующее утро ко мне пришел Саша и первое, что он сказал: «Как у тебя нога?». Я ответил: «Все хорошо». Потом сказал: «У меня вчера, когда я пошел забирать мотоцикл, его украли. Я пришел туда, но ни мотика, ни вещей не было». Я расстроился и сказал ему: «Это все из-за моей ноги, если бы я не упал, все было бы хорошо». Но Саша перебил меня и сказал: «Мотоцикл можно купить, а ногу нет, для меня важнее ты. Ты всегда оказывал мне помощь в разных ситуациях, наша дружба важнее, чем это железо».

Для меня эта речь была невероятной, я не ожидал, я пожал ему руку и сказал спасибо, и мы ко мне пошли пить чай.

*Максим С., 17 лет
Можайская ВК, 2012*

Я вырос в Московской области, жил в поселке городского типа. Я часто ходил играть в футбол с друзьями, а поскольку я жил в воинской части, мы иногда играли в футбол с солдатами.

У меня был лучший друг Андрей, мы с ним часто на велосипедах ездили на канал (им. Москвы). Там мы ныряли с пристани, а иногда мы просто гуляли по городу. Потом у меня был скутер, и мы с Андреем часто на нем катались. С Андреем мы были «не разлей вода».

Часть 1 *От первого лица*

Потом я работал в корпорации О.А.О. «Пепсико Холдинг» грузчиком, помогал маме. А потом я начал выпивать, связался с «плохой» компанией, стал воровать и попал в тюрьму.

Владимир К., 17 лет

Можайская ВК, 2012

«Несчастен не потому, что виноват»

Мне отрадно думать, что я несчастен не потому, что виноват, но потому, что такова моя судьба с самого моего рождения...

Л. Толстой. Детство

Рассказывая о своем детстве, подростки много говорят о любви.

О любви детей к родителям и родителей к детям. Часто — о любви потерянной.

Развод родителей, появление отчима или мачехи становится для них рубежом, после которого детство заканчивается, а начинается новая, тяжелая жизнь.

Они чувствуют себя брошенными, ревнуют, протестуют — и убегают из дома, становятся наркоманами, попадают в «плохую компанию». А потом — за решетку.

Родители сами с Илекского р-она. Мои родители самые хорошие и самый лучший: Папа. Он всю свою жизнь работал в колхозе, мама была дояркой, у мамы нас было 6 человек. Они крутились, вертелись как могли, чтоб накормить своих детей, но нам хватало всего. Но получилось так, что мама попала в места лишения, и нас забрали, и ее лишили родительских прав. Но так она и не смогла забрать

нас с детского дома, но мы знали, что она нас любила, и мы ее и папу ни в чем не виним.

*Нина Г., 27 лет
Женская ИК (Ардатов), 2012*

У меня детство было тяжелое, но счастливое! Всё свое детство я прожила с бабушкой. Мои родители — без вести пропавшие. Когда мне было 2 года, они уехали на заработки и больше не вернулись.

Но, несмотря на это, у меня было прекрасное, как у всех детей, детство ☺.

У меня замечательная, заботливая бабушка. И даже сейчас, когда жизнь дала небольшую трещину, только она смогла меня вытащить из этого «болота», которое меня так сильно засасывало.

Я очень благодарна своей бабулечке за то, что она у меня есть!

Теперь буду очень стараться, чтобы у моих детей было по-настоящему счастливое детство!!!

*Надежда В., 17 лет
Рязанская ВК, 2012*

Мое детство самое хорошее, я помню, что когда мне было 4 года, мама давала деньги на карманы и смотрела за мной. Я ее очень любила, но когда мать связалась с мужчиной, она запила и перестала смотреть за мной. Но потом мы ее закодировали, мама опять была со мной, мы с ней гуляли у речки, нам было очень хорошо, мы везде были с ней вместе. Но мама запила и испортила мое детство, то, что я помню, только плохое, которое и писать-то неохотно и стыдно очень. На этом я закончу.

*Алина Г., 16 лет
Рязанская ВК, 2012*

Могу сказать, что мое детство было с одной стороны счастливым, а с другой, не очень. В детстве меня воспитывала бабушка, она очень баловала меня, любила и хотела, чтобы я выросла счастливой

и образованной девушкой. Но прошло время, и бабушка перестала меня так баловать, т. к. она начала очень болеть, да и в силу возраста уже не было сил на такой надзор. И я начала гулять, пить, курить. Дома начались проблемы, руганки. Мама с бабушкой пытались меня остановить, но уже было что-то делать поздно. И вот 1-й раз я ушла из дома, мне было всего 9 лет, и уехала в другой город к знакомым моего отца. Мне было хорошо, свободно пила, курила, а дома ждала мама. В это время она поседела и очень сильно переживала. Через 1 месяц меня нашла милиция и вернула домой. Ну и так все продолжалось до тех пор, пока я не совершила свое преступление, меня посадили. Я очень рада, что попала именно сюда, и что я смогла остановиться.

*Оксана К., 18 лет
Рязанская ВК, 2012*

Мое детство, как мне кажется, ничем не отличалось от других детей, или мне так кажется...?

Я родилась 06 марта 1995 года в городе Королев Московской области в семье наркоманов. Моя мама употребляла наркотики во время беременности и после родов меня срочно госпитализировали и еле откачали. Папа в это время отбывал наказание за хранение наркотиков. Родная моя мама меня не воспитывала и отдала на воспитание меня моей 78-летней бабушке и 17-летней сестре. Они меня воспитывали как могли 4 года. Мать изредка появлялась, а отец всё сидел...

В один прекрасный день, когда я гуляла на улице, меня увидела моя приемная мама Галя. Ей стало меня жалко, и она решила меня удочерить. Они жили с папой Женей, детей у них не было и вот в их жизни появилась Я. Проблем, чтобы меня удочерить, не было. Мать мою лишили родительских прав, а отец еще не освобожден. И вот я дома и приобрела себе семью. Все, вроде, хорошо, мама Галя отдавала последнее, чтоб дочка была довольна. Папа Женя работал на заводе водителем,

а мама при православной церкви в Москве. В общем, семья ни в чем не нуждалась. Я пошла учиться в гимназию, мама всё оплачивала, но из-за моего поведения меня выгнали из нее спустя 2 года. Я перевелась в другую школу и в 11 лет встретила «плохую» компанию. Мама долго ругалась со мной, закрывала дома, чтобы я никуда не уходила, но все ее труды были напрасны. Меня тянуло на улицу к друзьям. Казалось, что родители желают мне плохого, а друзья хорошего. Это, наверное, пережил каждый 2-й подросток в России. Когда мне было 12 лет, я познакомилась с мальчиком. Ну не сказать, что это была первая любовь, просто именно с этим человеком меня мама отпускала погулять. И вот я забеременела. Это был желанный ребенок и мы его очень хотели. На тот момент, как мне кажется, это был просто каприз. Мама, когда узнала об этом, против не была или просто побоялась, что после первого аборта я не смогу забеременеть. У меня родители не очень молодые... Во время беременности я жила очень хорошо. Мама купила однокомнатную квартиру для меня и моего мальчика. Я на седьмом месяце легла на сохранение, УЗИ показало, что у меня дистрофия плода. За десять дней отношения с моим мальчиком испортились и мы расстались.

Мне кажется, что 1 листа не хватит обо всем вам рассказать. Забегая вперед, скажу: 26 марта 2008 года я родила мальчика Антошку, здорового, красивого и самого лучшего!

В 2010 году 15 августа умерла мама Галя, ей было 60 лет. Сразу как она умерла, я подседа на наркотики и бросила ребенка на воспитание моему папе Жене. Что с родной мамой, я не знаю, а вот с папой познакомилась в прошлом году, до отсидки. Ну, ничего хорошего я там не увидела.

*Кира Ш., 17 лет
Рязанская ВК, 2012*

Здравствуйте, дорогие читатели, хотелось бы рассказать вам немного о своем детстве...

Росла я, в принципе, во вполне состоятельной семье, всегда все, что бы я ни хотела, у меня было, но это было не всегда так.

Однажды родители поругались из-за того, что отец пришел пьяный с корпоратива, она его выгнала. Т. к. всегда была папиной любимой дочкой, отец забрал меня с собой.

Мы пошли жить к бабушке, отец запил сильно, но не переставал меня баловать, каждый день, приходя с работы, он мне давал крупную сумму денег, но воспитанием моим он совсем не занимался. Его друзья, которые были авторитетами в районе, вот они занимались моим воспитанием. Они воспитали из меня пацана, несмотря на то, что я была девочкой.

С отцовской пьянкой его предприятие пошло коту под хвост. Ну, а со мной ничего уже не поделаешь, я привыкла, что у меня есть всё, что я хочу. Я стала забирать у всех всё то, что мне надо, всё, что я хочу. Из-за этого я совершила преступление...

Но со временем у меня появились подруги, которые стали меня тормозить. Я так думаю, если бы они были бы у меня раньше, я бы не совершила преступление.

*Ш. Е., 18 лет
Рязанская ВК, 2012*

Родился я в Наро-Фоминской обл пос Селятино, прож в Моск обл Оденцовский р-он, пос. Кубинка. В Кубинке я провел все свое время, когда мне было года 2 нас с Мамой и Сестрой бросел Отец. Мама сторалась изо всех сил штоб я с сестрой росли как подобаем для детей. Она всегда работала и сторалась для нас, в своем дедстве я часто ходил на рыбалку, увлекался легкой атлетикой. Когда мама работала, нас некому было воспетать. поэтой причине я почти всё свое время проводил на улице, бабушка иногда брала меня либо на дачу, либо в деревню, потом я бросил учебу, влез в плахую компанию, начал курить, пить, красть, угонять машины и меня изоэтого в 10 лет поставили на учет, потом когда эти друзья разехались, я начал учиться, и взялся за голову. Но патом ани вернулись и началось

всё заново, и по этим дурным привычкам, и к слабости к алкоголю, я начал также красть ну и т. д. Потом я сел в тюрьму а там уже и лагерь, вот такое у меня веселое было детство.

*Рустам N., 17 лет
Можайская ВК, 2012*

Мое детство было не очень счастливым и веселым.

Я родилась в благополучной и обеспеченной семье. Меня родители воспитывали примерно до 14 лет. В 15 лет у меня родители развелись и у каждого появилась новая семья. Отец уехал жить в другой город. Я и младшая сестра остались жить с матерью и отчимом. После чего я стала часто сбегать с дома, т. к. не могла найти общий язык с отчимом. Отец меня воспитывал только по телефонным разговорам и деньгами. Я с мамой не могла даже пообщаться о чем-либо, т. к. она все свое время проводила с отчимом и сестренкой, мне было очень обидно. И тогда я хотела покончить жизнью, я пыталась повеситься (не получалось), а потом я стала резать вены, приговаривая, что я никому не нужна, меня никто не любит и т. п. Потом нашла способ, как мне свалить и не видеть никого. Пошла подралась, в общем, натворила делов и в данный момент я здесь, в ВК. Я здесь многому научилась и многое поняла. А главное, я стала ценить свободу и любовь моей матери ко мне. Я уже строю небольшие планы на будущее, после освобождения. И у меня теперь все хорошо, меня дома ждут и любят. Так же, как и я их.

Ну и все в детстве у меня ничего нет — не было такого веселого и классного!!! Я очень рада, что повернулось всё именно так, а не иначе.

Я очень сильно люблю и дорожу своей семьей!!!

*Ирина Т., 18 лет
Рязанская ВК, 2012*

Мое детство было сложным. После того, как я родилась, от мамы ушел папа. Года 2 я росла без папы. Растила мама как могла. Потом

мама встретила молодого человека, ну и они начали вместе жить. Он начал помогать маме. В 5 лет я назвала его «папа». Родители даже не ожидали такого. И вот с трех лет он растил меня. Потом родился братик и меня посадили.

*Татьяна М., 15 лет
Рязанская ВК, 2012*

Здравствуйте! Мое детство было не совсем таким, как у многих детей... Начнем с того, что я помню свое детство лет с 6, даже раньше, лет с 5, у меня в начале было все как у всех, мама, папа, ну, в общем, счастливая семья, было всё, и они меня баловали, и прогулки в парке тоже были, но всё резко изменилось после ухода отца из семьи, я долго не осознавала, что он ушел, просто не понимала, да и мама не говорила мне...

Сначала всё было хорошо, вроде бы держались мы, но мать вдруг начала пить, я постоянно была у бабушки, я по неделям не появлялась дома, так как меня всего лишь навсегда не забирала мать! Потом вроде бы всё наладилось, я пошла в 1-й класс, с матерью я на тот момент не общалась... потому что не позволяла бабушка...

И вот мне 13 лет, я учусь в 8 классе, учусь очень хорошо, на 4 и 5☺. В школе мероприятие Новый год, что ли, я уже не помню, я выступала, пела песню, все было так спокойно, все сидели по своим местам и вдруг в зал заходит женщина, она почему-то сразу привлекла внимание у меня, она была очень красиво, опрятно одета, волосы уложены, аккуратный макияж. Это оказалась моя мать... После концерта мы поговорили с ней, мать рассказала, что больше не пьет, она переехала в другой город и работает там, я сразу ей поверила. Она предложила переехать к ней... и я, конечно, согласилась, не знаю, что меня так в ней привлекло, но я быстро собрала вещи у бабушки и ушла, проблем с бабушкой не было, она всегда знала, что я вспыльчивая и могу натворить все что угодно...

Мы приехали к ней в город, у нее большая квартира, у нас было всё, все было так, как когда-то лет в 6. И прогулки в парке, и кафешки,

и кино☺, но все быстро закончилось, мы начали очень часто ругаться, мы не находим общего языка, я часто убегала из дома, ночевала у подруг... Но и это тоже закончилось, мать лишили родительских прав, меня отдали в детдом, бабушка меня не взяла, она была слишком сильно на меня обижена☺. С отцом я не виделась лет с 7, поэтому на него даже не надеялась. В детдоме я поняла, что детство мое закончилось, что всё, я уже взрослая, я уже должна самостоятельно отвечать за свои поступки и за себя саму! А бабушка меня простила, а потом через 1 месяц пришла за мной в детдом, как оказалось, она собирала документы на то, чтобы быть моим опекуном!!! Я поняла, что она единственный дорогой и близкий мне человек☺.

Ну, а детство всегда остается у нас в душе, какими бы взрослыми мы ни были, всегда найдется тот случай или момент, когда ты ведешь себя как ребенок☺.

*Настя Г., 17 лет
Рязанская ВК, 2012*

«И ненависть, и страх, и животный ужас»

Отец не спеша снимет этот гадкий ремешок,
сложит вдвое, посмотрит на сына;
лицо отца нальется кровью,
и почувствует, бесконечно сильно почувствует мальчик,
что самый близкий ему человек может быть страшным и чужим,
что к человеку, которого он должен и хотел бы только любить до обожания,
он может питать и ненависть, и страх, и животный ужас,
когда прикоснутся к его щекам мягкие, теплые ляжки отца,
в которых зажметса голова мальчика.
Н. Гарин-Михайловский. Детство Темы

В России детей бьют. В семьях с любым образованием, с любым достатком. Дети постоянно подвергаются и эмоциональному насилию — им угрожают, их запугивают. Воспитание через страх быть побитым или униженным до сих пор считается нормой. А дети тем временем усваивают модели, которые передают им родители: кто сильнее, тот и прав; сильный может нарушать границы чужого пространства; гнев можно вымещать на окружающих...

Польский психоаналитик и писатель Алиса Миллер, известная своими работами о насилии над детьми и о том, как полученный в детстве опыт влияет на жизнь взрослого человека и общества в целом, пишет в предисловии к своей книге «Вначале было воспитание»:

- «1. Каждый ребенок рождается, чтобы развиваться, жить, пытаться реализовать себя, чтобы любить и выражать свои чувства и потребности, стремясь защитить себя и свой внутренний мир.
2. Взрослые обязаны относиться к ребенку с уважением, воспринимать его всерьез, оберегать его внутренний мир и, отбросив любые лицемерные отговорки, помогать ему ориентироваться в этой жизни. Иначе он не сможет развиваться.
3. Подавление жизненно важных потребностей ребенка в интересах взрослых, манипулирование или откровенное пренебрежение ими вкупе с побоями, наказаниями и обманом приводят к серьезным повреждениям душевной сферы ребенка. Иногда, правда, положение исправляет своевременное вмешательство посторонних лиц.
4. Гнев и боль — нормальная реакция на душевную травму. Но поскольку причинившие эту травму наложили запрет на любое открытое выражение недовольства, а переносить душевную боль в одиночестве просто невыносимо, ребенок вынужден подавлять эти чувства, вытеснять их в подсознание и идеализировать своих мучителей. Со временем он забывает о произошедшем.
5. Гнев, тоска, ощущение бессилия, отчаяние, страх и боль, причины которых человеком не поняты, находят выражение в разрушительных действиях по отношению к другим людям (преступность, геноцид) или самому себе (потребление наркотиков, алкоголизм, проституция, различные проявления психических заболеваний, суицид).
6. Жертвами очень часто становятся собственные дети, которым отводится роль козлов отпущения. Совершать над ними насилие в скрытой форме в нашем обществе пока еще можно на вполне законных основаниях, особенно когда его высокопарно именуют воспитательным процессом.

Еще раз повторяю: нынешних родителей побуждает бить своих детей подспудное нежелание дать волю чувствам

и открыто излить гнев на собственных родителей, которые когда-то так же измывались над ними.

В этом и заключается трагедия.

7. Чтобы подвергшийся психическому насилию ребенок не стал преступником или душевнобольным, нужно, чтобы ему хоть раз в жизни встретился человек, твердо знающий: безумен не избиваемый ребенок, безумны его близкие родственники.

Общество, в котором отсутствует понимание этого, вольно или невольно способствует медленной гибели многих своих членов. Наоборот, публично сказанная горькая правда может спасти им жизнь. И здесь очень многое зависит от родственников, адвокатов, судей, врачей и тех, кто в силу своего профессионального долга должен заботиться о ребенке. От них требуется открыто встать на сторону детей и поверить им.

8. До сих пор общество защищает взрослых и обвиняет их жертвы. Оно как бы поражено слепотой. Одна из причин слепоты — теории, согласно которым в полном соответствии с архаичными педагогическими принципами и методами воспитания наших предков, ребенок рассматривается как лукавое, одержимое злом существо, склонное ко лжи, агрессивное по отношению к ни в чем не повинным родителям или даже испытывающее по отношению к ним сексуальные чувства.

В действительности дети склонны винить во всем себя, снимая с родителей ответственность за жестокое обращение с ними*.»

Рассказы наших подопечных из колоний — горькие иллюстрации к тезисам Алисы Миллер.

В первом классе поставили единицу, забыла за что, папа достал армейский ремень с пряжкой, я под диван залезла, он диван поднял, вытащил меня, но не бил, жалко стало что ли... А потом, с папой

* Миллер А. Вначале было воспитание /Алиса Миллер; [пер. Розанова И. В., Силаевой И. В.]. М.: Академический проект, 2003.

не жили уже, мне 12–14, брату 8–11, когда я ночевать не приходила, мать разденет нас голеньких, поставит в подъезде, мы просимся домой, мать нас пожалеет, обнимет, целует: «Беды мои!» Или начнет нас бить, а мы хохочем, она сердится...

*Таня Ф., 19 лет
Новооскольская ВК, 2011*

Проблемы мои начались, когда мать развелась с отцом и уехала в другой город. Моя мама пошла на работу медсестрой в больницу. Потом познакомилась с одним мужиком и стала жить с ним. Первое время вроде ничего. А потом он запил, домой стал приходиться поздно. Начал руки распускать. Бил меня, бил мою маму. Мы с мамой не выдержали — выкинули его вещи. И не пустили его домой.

Потом через некоторое время моя мама, работая в больнице, познакомилась с другим мужиком, который и стал моим отчимом. Был он инвалид, с одним глазом, а другой ему в детстве мальчишка какой-то выбил нечаянно. Но ничего страшного. Один раз мама привела его домой, и он показался мне хорошим.

Некоторое время спустя мама с ним поженилась. Без моего ведома. Тут и началась моя мука. Он кричал на меня по пустякам, потом стал бить за то, что ему не нравилось. И по нескольку часов читал мне морали. Объяснял, каким я должен быть. Но я-то от другого отца: я же не им, отчимом, с младенческого возраста был воспитан. Я не мог быть таким, каким он хотел.

Потом, когда он стал меня бить солдатским ремнем, я не пришел домой в первый раз. После этого, как избьет он меня, я уходил из дому. Ночевал в подъездах, голодал, практически не ел ничего.

А теперь об истории моего преступления. Один раз (это было ночью), гуляя по темному двору, я подошел к машине и попробовал за ручку открыть дверь. У меня это получилось. Дверь машины открылась, и я решил залезть в нее. Сидя в машине, я увидел магнитола и подумал, что если ее продать, то у меня будут деньги, и я смогу купить себе еду. Вот это и толкнуло меня на первое преступление.

После этого я стал ходить и пробовать — открывать машины и воровать из них вещи, которые можно было продать. Чтобы купить еды. Так я и попал в тюрьму.

Но был и есть сейчас у меня на воле друг: он мне выносил чего-нибудь поесть, когда я голодал, и сейчас он пишет мне письма*.

З. С.

Шаховская ВК, 2000

Когда я родилась, я была очень маленькая. Было много игрушек. Потом папа бросил маму. И мама начала меня воспитывать одна. Но при этом у меня был старший брат! Однажды, когда я пошла в 5 класс, я связалась с плохой компанией. Но, смотря на эту компанию, мама меня ругала, я плакала. Отправляла меня в разные лагеря! Ездила на соревнования. Но я постепенно отдалялась от этого и начала как все дышать клей, наркоманить. Естественно, мать моя об этом не знала! Но появился у меня отчим. Он меня бил, я убежала, дома не жила месяцами! Я искала своего папу! Потом у отчима терпение лопнуло и он с матерью стали сажать меня на цепь к батарее! Я много раз была на ней, но я постоянно убегала с нее, выбивала двери. Самое главное для меня были наркотики!

Потом нашла папу. И стало у меня все нормально! Но наркотиками я увлеклась, ходила по клубам. Были проблемы — звонила папе. Он решал мне все проблемы! Но однажды залетела и папа сказал — рожай. Я самовольно пошла в больницу на 4 мес. (берем.) и сделала вызываемые роды. Вот в тот же день папа с моим мужем (гражданским) сильно избили, ругали!

Маму не видала уже 2 года!

Новый год встретила!

И попала сюда!

Ольга К., 16 лет

Рязанская ВК, 2012

* Дети в тюрьме. Вып. 2. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001.

Мое детство сложилось не самым удачным образом. С самого раннего детства я видела только боль и слезы матери... вечные побои пьяного отца, жизнь казалась сплошным ужасом. Но в сердце маленькой девочки сохранилась доброта, эмпатия, несмотря на то, что с детства я была в недостатках всего — вещей, еды и любви... И почему-то я всегда ревновала папу к старшему брату, ведь он его любил больше, да и в общем, папа никогда не хотел иметь дочерей, а мне хотелось иметь доброго и заботливого папу. Но его у меня не было...

Маминой любви у меня было очень много, она всегда была со мной рядом, всегда поддерживала меня в трудные минуты моей маленькой детской жизни. Я до сих пор помню ее слова: «Доченька, не обижайся на своего отца, ведь я же тебя очень люблю, а то, что папа говорит, что не любит тебя, это со зла, он очень любит тебя, ведь ты же его плоть и кровь». После ее слов у меня на лице появлялась яркая улыбка, я верила маминым словам. Но когда я начала взрослеть, я поняла, что папиной любви у меня не будет никогда...

Я с детства не считалась умницей, воспитала улица наполовину, наполовину мать с «отцом». Я часто уходила со старшим братом на улицу, если точнее, на уличную жизнь, мы воровали и грабили, так мы начали зарабатывать на жизнь. Принося деньги домой, мама спрашивала: «Откуда вы взяли деньги?». Мы что-то придумывали, говорили, что помогли разгрузить грузовик возле магазина, нам и заплатили.

Так и протекало мое детство. Мне было 13 лет, когда я узнала, что такое наркотики. Я стала употреблять сама и продавать их, денег было очень много, мама не знала, откуда столько много денег, но она была счастлива, что у нас теперь есть всё, всё, чего так не хватало... Но ее здоровье стало ухудшаться, начались частые головные боли, она пошла в больницу на обследование. Она узнала, что у нее «киста головного мозга», позже она узнала, что у нее «рак молочной железы» и уже 4 стадия... Начался новый ужас в моей жизни... Я постоянно находилась с ней в больнице. Целый год напролет... Мне

исполнилось 14, и на меня завели настоящее уголовное дело... Это было серьезно, но мама не знала. Не знаю, каким образом, но нам с папой удалось это утаить, уже на суде она узнала всё, всё, что вытворяла я, и чего не делала... Меня посадили на 3 года. Вот и кончилось мое детство, а к чему оно меня привело — к Зоне.

А все из-за недостатка еды, вещей, денег, и самого главного — папиной любви.

*Аня А., 16 лет
Рязанская ВК, 2012*

Родилась я 4 декабря 1988 г. в Оренбургской обл., г. Бугуруслан. До 5 лет я проживала в этом городе с папой, мамой, рядом всегда была бабушка и другие родственники. Мама меня постоянно оставляла с бабулей, т. к. отец работал, а сама уходила к другому мужчине, от которого родила сестренку. Много она пила, может, она меня и любила, но я не помню таких моментов. Вся любовь ко мне исходила от бабушки и папы. Но и любовь отца ко мне стала гаснуть, когда мама умерла. Ей было 23 года. Мне 5 лет. Меня забирает бабуля к себе, в Бузулук. Я росла до 14 лет послушной внучкой, дочкой, бывало, что хулиганила, но это как и все дети в этом возрасте. Что творилось дома, вот, наверное, это на меня и повлияло. Каждый день пьянки, скандалы, я убегала из дома. Жила у подруг, знакомых. В 14 лет меня определили в интернат г. Бузулук. Через год 2 мая я в первый раз встретилась с родным братом. В сентябре я оказалась вместе с ним под стражей и была осуждена на 4 г.

Вот тогда мое детство закончилось.

*Настя Г., 24 года
Женская ИК (Ардатов), 2012*

В детстве моем хорошего ничего нет. Драки, пьянки, скандалы, мужчины разные и разные дети.

*Надежда Г., 35 лет
Женская ИК (Ардатов), 2012*

Историю всей моей жизни писать не буду.

Напишу одну историю из детства. У моих родителей нас двое. Я и младший братик. Я нисколько не любила братика. Для меня он был не младшим братиком, а соперником во всем. Мама с папой старались покупать всё одинаковое, сладости делили поровну. И все равно я каждый раз кричала: «Нечестно. Сереже дали конфету лучше!» Родители объясняли мне, что любят меня не меньше, чем братика. Я, вроде, кивала головой, соглашалась, но через какое-то время снова начинала терроризировать брата: щипать, бить, обзывать. А однажды как-то раз я разбила бабушкину чашку и прибежала к маме и сказала, что это сделал братик. Родители старались не обращать внимания на мою ревность. За это меня постоянно ругали и ставил в угол. И после этого я еще больше ненавидела брата.

Прошло уже достаточно много лет, а эта ревность во мне до сих пор процветает. Так получилось, что мои родители разошлись, и я осталась с папой, а братик с мамой. И мы до сих пор ревнуем друг друга, только уже по-взрослому.

Ольга К., 28 лет

Женская колония (Ардатов), февраль 2012

В ноябре 2011 года мы встретились с девушками, которые когда-то отбывали наказание в воспитательной колонии Нового Оскола, а после 19 лет были переведены во взрослую колонию в Челябинск. Мы спросили их о наказаниях, и каждая рассказала о каком-то эпизоде из своего детства. Почти у каждого подростка в колонии есть что рассказать о домашнем насилии.

3-й класс, не пошла в школу. Сосед говорит: «Чего не пошла?» Говорю: «Мама заболела, одуванчиков попросила». Папа проснулся: «Чего?» Ударил, я заплакала специально, после этого не прогуливала до 8-го класса. Потом не захотелось в школу идти, уроки не готовы, хотелось по магазинам.

Света Ш., 19 лет

ИК-5 (Челябинск), ноябрь 2011

Тогда жили в деревне, в школу не ходили, держали скотину. Старший брат говорит: «Посмотри за телкой, молодой коровой». А я заигралась с дочкой брата старшего — не усмотрела, телка сбежала. Брат (22 года): «Ты мне нервы сделала!!!» — и налупил, поставил в угол, потом положил спать. Наутро во сне увидела — телка стоит у ворот (а телка ушла с табуном).

Наташа М., 21 год

ИК-5 (Челябинск), ноябрь 2011

В 13 лет дома не ночевала, ушла с подружкой Таней Шапкиной. Танина мама забрала Таню, а одной чего сидеть, я вернулась. Папа отлупил и неделю не пускали гулять, а тогда для нас очень сложно было неделю дома быть.

Настя М., 19 лет

ИК-5 (Челябинск), ноябрь 2011

1-ый класс, 1 сентября — соорудила себе безумную прическу, которая не понравилась маме. Я убежала от мамы, а та догнала, выпала ремня, надела на меня комбинезон, сделала «шишечку».

Рита Д., 19 лет

ИК-5 (Челябинск), ноябрь 2011

Маленькие были — мы со шпаной по крышам хранилища лазили. Мать один раз шлангом побила. Больше не била, дед не давал, а как начнет, дед выходит: «Внучка моя, иди сюда, не дам...»

Ира С., 20 лет

ИК-5 (Челябинск), ноябрь 2011

Не хотела в садик идти, была истерика, и папа так потряхнул меня и тряс. Мне и раньше попадало: в углу, например, стояла. Один раз за младшего брата наказывали (он деньги угнал) — сестра держала, мама лупила, но мягким ремешком, не больно было...

Ира, 21 год

ИК-5 (Челябинск), ноябрь 2011

Несмотря на то, что в детстве их били, почти все подростки из колонии считают физическое наказание допустимым. А некоторым кажется, что эмоциональное насилие более физического: «Получить ремнем — это можно стерпеть. А вот если слова наговорят унижительные, это запомнится на всю жизнь».

Меня ставили на горох, били проводом от утюга, а своих детей я не буду бить. Ну только если будет за что: за спиртные напитки, курение. То есть, если ему будет лет 17–18, я его бить не буду. У меня, вообще-то, дочь, ей два года сейчас, так я ее бить не буду, а был бы пацан, нашел бы за что. На дочь я бы просто накричал, и всё, у меня бы рука не поднялась.

С., 17 лет

Можайская ВК, 2012

Ребенка можно бить с восьми до восемнадцати лет, до семи лет ребенок — ангел, его трогать нельзя.

Каким должно быть справедливое наказание? Ну, ребенок покурил лет в девять. Ну с ним можно один раз побеседовать, другой, а на третий не у всех терпения хватит. Можно в чем-то ограничить, компьютера лишить, под домашний арест. Хотя меня сколько раз отец под домашний арест закрывал, я убегал. У меня, допустим, ключи были. Или со второго этажа прыгал. Ну, приходил через неделю домой, у брата неделю жил, получал лупанцы хорошие. Потом отец устанавливал правила, я их соблюдал, а потом всё растекалось.

Каир, 18 лет

Можайская ВК, 2012

Да наказание не так важно! Получить ремнем — это можно стерпеть. А вот если слова наговорят унижительные, это запомнится на всю жизнь. Плохое оставляет больший осадок, чем хорошее. Вот

ты всю жизнь будешь помнить, что ты здесь [в колонии] был. А вот то, что ты хорошего делал лет пять назад, ты и не помнишь уже.

А., 17 лет

Можайская ВК, 2012

Нашлось всего несколько человек, которые рассказали о том, что бунтовали против «неправильного» наказания или возмущались из-за криков и угроз.

Когда я был еще маленький, папа наказывал меня за все мои проступки, и я считал, что он меня наказывал не правильно, и поэтому я часто убегал из дома. На день, на два, на неделю, и даже мог не появляться дома месяцами. У меня была какая-то гордость, я думал, что я не должен идти домой и просить прощения, а он сам должен искать меня и извиняться. Когда я уходил из дома, мне нужны были деньги, чтобы питаться и одеваться. И я решил, что их легче украсть, чем заработать. На тот момент мне было 12 или 13 лет. И когда я попался с кражей, я испугался, что меня посадят, но меня только поставили на учет в КДН, и тогда я понял, что легко отделался, и мне все сошло с рук, и стал заново воровать.

Но когда мне исполнилось 14 — меня посадили за: ст. 158. ч. 3 — кража; ст. 161 ч. 1–3 шт. грабеж; ст. 162 ч. 2 — разбой и ст. 163 ч. 1 — вымогательство, и дали 3 года и 4 месяца.

За те полтора года, что я отсидел, на свободе произошло много страшных вещей. Убили моего подельника, второй умер от передоза героина, третий умер в реанимации — его сбила машина. Из восьми моих подельников, которых я отмазал, остались в живых только двое. Я не знаю, что было бы со мной, если бы я не сел. Может быть, и меня бы нашли в каком-нибудь подьезде мертвым со шприцем в руках.

Ф., 17 лет

Можайская ВК, 2008

На учет я стал в 13 лет, совсем, по моим мыслям, за смешной поступок. Мы с товарищем просто залезли на крышу пищеблока. И вдруг я увидел, что заработала сигнализация. Я обернулся в сторону и увидел, что идет милиционер. Ну, мы, конечно, спустились по дереву. И нас тут же поймали. На следующий день пришла бумага, чтобы явиться на учет по делам несовершеннолетних. Я пришел туда с бабушкой. Мне в комиссии по делам несовершеннолетних сказали, что если попадусь еще раз, то они меня избьют ремнем. Я, конечно, сказал, что такое больше не повторится. В следующий раз я опять попался. Но в этот раз я просто не пришел на комиссию. И вот мне исполнилось 14 лет, я совершил две кражи, ну, конечно, с этим меня тоже поймали. И вот мы пошли на суд: я, мамка и сестра. Пришли мы туда в 10 часов утра, а ушли только в пять часов вечера. И вот мне дали 1 год условно. Я стал ходить отмечаться. Когда я пришел в первый день к инспектору, она начала на меня орать. Конечно, мне это не понравилось, но ничего не поделаешь, приходилось ее терпеть. Каждый месяц я приходил к ней отмечаться. И она, заставляла меня писать, что я делал за это время, пока не ходил к ней отмечаться. Честно говоря, условный срок кого-то учит, а кого-то нет. Лично меня он ничему не научил. Условный срок я не отходил совсем чуть-чуть. Мне оставалось его отходить ровно неделю. И вот мы с одноклассниками сделали ложный звонок. И вот теперь я здесь из-за своей глупости. Ложный звонок я устроил на трезвую голову. Так как я очень мало принимал спиртных напитков.

*Константин А., 19 лет
Можайская ВК (вторая судимость)*

Когда мы разговаривали о наказаниях в семье, беседа то и дело сби- валась на обсуждение наказания за преступление. Большинство ребят сходилось на том, что государство наказывает слишком жестоко.

Я считаю, что меня слишком жестоко наказали. Я токсикоманил на воле, пошел с приятелем, потоксикоманил, упал, очухался,

и когда пришел в себя, этот приятель рядом лежал, мертвый. Я пошел в общежитие, оттуда сообщили в милицию, я к ним сам пришел, и милиция никакого следствия не повела, народ не опросили. Даже сам прокурор и судья со своих мест повставали и сказали: «Вы что творите, придурки? Тут судьба ребенка решается!». Никаких доказательств моей вины нет, но дали мне три года. И никого не опросили, хотя у нас, в Коломне, очень многие токсикоманили, кроме меня и того парня.

С., 17 лет

Можайская ВК, 2012

На суде все были против того, чтобы меня сажали. Это я про вторую судимость говорю. Кража со взломом у меня была. Потерпевшие — мама и двое детей. Я им имущество вернул, мне их жалко стало. Они звонили несколько раз на телефон, который я из их дома украл, но я не отвечал, просто слушал, что они говорят. Ну, они такое говорили, что мне их жалко стало. И я решил им всё отдать, не дожидаясь того, чтобы меня закрыли. Моральный ущерб мой отец заплатил. И потерпевшие на суде сказали, чтобы меня не сажали. Но мне дали два года.

Каир, 18 лет

Можайская ВК, 2012

Мне очень много дали. Я набуцал мужику и телефон у него забрал. Он меня домой к себе тянул, а я в пьяном виде был, и у меня третья судимость была, я его побил, а оказалось, он мой сосед был. Ну, у меня три условных судимости было, мне и дали 4 года реального срока.

С., 18 лет

Можайская ВК

Как я наказывал. Признания взрослых

Когда Johann делал глупости, папенька говорил:
«С этим ребенком Карлом мне не будет минуты покоя!»,
меня бранили и наказывали.

Когда сестры сердились между собой, папенька говорил:
«Карл никогда не будет послушный мальчик!»,
меня бранили и наказывали.

Одна моя добрая маменька любила и ласкала меня.
Часто она говорила мне: «Карл! подите сюда, в мою комнату»,
и она потихоньку целовала меня.

«Бедный, бедный Карл! — сказала она, — никто тебя не любит,
но я ни на кого тебя не променяю.

Об одном тебя просит твоя маменька, — говорила она мне, —
учись хорошенько и будь всегда честным человеком,
бог не оставит тебя!»

Л. Толстой. Детство

Алиса Миллер пишет: «Многочисленные исследования доказали, что хотя с помощью телесных наказаний и можно вначале добиться послушания, но затем, если только специалисты не помогут своим вмешательством, наступают тяжелые последствия: расстройства характера и нарушение поведения. Рядом с Гитлером, Сталиным, Мао и другими тиранами не было людей, которые могли бы им помочь. Поэтому они с детства рассматривали жестокость как норму, что и сделало возможным уничтожение миллионов людей. Другие миллионы людей, воспитанные также в духе насилия, им помогали при совершении злодеяний.

Детей нельзя использовать для того, чтобы срывать на них накопившуюся злобу. У нас по-прежнему часто отстаивают мнение, что мягкие наказания, например подзатыльники, безвредны, ибо мы, как и наши родители, очень рано усвоили это. Такая установка помогает ребенку не так серьезно относиться к своему страданию. Вред, однако, заключается как раз в широком распространении этого мнения. В результате все новые и новые поколения родителей унижают детей, избивая их, и это никого не возмущает.

Когда в 1977 году в Швеции вступал в действие закон о запрете телесных наказаний, 70% опрошенных граждан были против. В 1997 году таких оставалось только 10%. Эта статистика показывает, что за какие-то 20 лет менталитет населения сильно изменился. Практике, разрушающей личность ребенка, удалось положить конец с помощью законодательства. Тем временем и другие европейские страны (Австрия, Дания, Норвегия, Финляндия, Кипр, Латвия, Италия) ввели запрет на телесные наказания*.

Так обстоят дела в Европе. А что у нас? Судя по всему, «воспитание силой» по-прежнему пользуется популярностью. Мы расспросили взрослых, которые так или иначе работают с подростками в тюрьме и на воле, о том, как они относятся к наказаниям.

NN, воспитатель колонии для несовершеннолетних:

— Родители могут нормально наказывать. В целях воспитания можно ударить. Мы здесь все прочитали книгу Макаренко, и мы поняли, что ребенка можно ударить, но нельзя унижить. Но ударить за что, как? У родителей тоже бывают такие случаи, когда они могут ударить своего ребенка, и это нормально, но смотря как это происходит и в какой семье. Если мама выпивает, папа выпивает и у них

* Миллер А. Вступительное слово к русскому изданию // Вначале было воспитание / Алиса Миллер; [пер. Розанова И. В., Силаевой И. В.]. М.: Академический проект, 2001.

абсолютно наплевательское отношение к ребенку, в чем он пошел в школу, поел он или нет, как он пришел, как он учился. Естественно, ребенок предоставлен сам себе. А что у него в голове? У него в голове ветер. Он пошел с друзьями, он на ночь не пришел домой, а родителям все равно. Он бродяжничал, его не искал никто. Если бы он не пришел... и ему ремешка дали бы хорошего, то, может быть, он на следующий раз бы сделал какие-то выводы.

Необходимо отслеживать, как ребенок учится, чтобы контроль был почти что за каждым его шагом. Тогда, может быть, будут какие-то результаты. В качестве наказания перекрывать Интернет, забирать телефон, гулять отпускать только в определенные дни и определенное время... Но рукоприкладство, я считаю, самая крайняя мера. Дети ведь не всегда понимают с первого раза. Когда уже ничего совсем не помогает, то можно... Но это не значит, что надо бить ногами, пинать... По определенному месту можно один раз ударить. Я думаю, это будет даже хорошо, когда папа возьмет, снимет ремень и один раз ударит — ничего страшного. Когда ребенок понимает, что он за дело получил, ему не настолько обидно будет. Конечно, если ни за что ребенка бить, каждый день его пинать, то ему будет обидно, у него будет агрессия к родителям, он не будет хотеть с ними жить, общаться, он будет уезжать из дома.

Отец Михаил (Резин), протоиерей Знаменского собора Нижегородской епархии, почетный житель города Ардатова:

— По-моему, у премудрого царя Соломона есть такая фраза, что тот ненавидит свое дитя, кто жалеет для него ремень. С этим трудно не согласиться, поскольку в этом изложена не то что вековая, а тысячелетняя мудрость воспитания. Нелиберальная. Мы можем, допустим, назвать хирурга, который решил сделать операцию больному. В данном случае болезнь, которая возникает у ребенка, она не физиологического толка, а духовно-эмоциональная. А это уже требует определенного рода операции с таким полным участием взрослого, то есть родителя. Родителя, который

испытывает при этом безусловную боль и нежелание эту операцию делать.

Если родители получают удовольствие от наказания ребенка или считают, что его нужно наказывать ежедневно, долго, беспощадно, то это абсолютно не тот случай, о котором мы говорим.

Меру наказания лучше всего обсуждать с ребенком. Допустим, что-то случилось. А до этого же были беседы, лишение мороженого, прогулок... Ну, остался ремень. Вот он висит, посмотри на него. — «Виду, вижу. Ну и что?» — «Мне сейчас придется взять его и причинять боль тебе, причинять боль себе, мы все страдаем. Сколько должно быть ударов за твою провинность? Давай сейчас поторгнемся с тобой. Ну, вот десять, допустим». — «Нет, десять — это много». — «Ну а сколько?» — «Один» — «Ну, один — это несерьезно за то, что ты сделал. Пять?» — «Нет, ну не пять, ну, три» — «Три, по рукам, всё». Получает три шлепка ремнем.

Это делается без ярости, без ожесточения, не с силой полной. Шлепок чувствительный, но не уничтожающий. Потому что самому понятно, что это ребенок. Речь идет не столько о физической боли, сколько о чувстве дискомфорта. То есть мы вступаем в отношения какие-то недолжные... Родители и ребенок разрушают тот мир и любовь, которые между ними существуют, они вынуждены разрушать. То есть в их отношения вторглось нечто, что разрушает их отношения. Ребенок переживает, родители переживают. Ну чего делать? Кому это приятно? Мне? Тебе? Никому. Но мы должны к этому прибегнуть, потому что это случилось, это повторилось.

Татьяна Пудкова, заведующая отделением Городского центра «Дети улиц» ЮВАО г. Москвы:

— Любые подростки считают, что моральное — это более тяжелое наказание. Когда садишься и разговариваешь долго с подростком, вот этот затянувшийся процесс — для него это страшно. Во-первых, высидеть. Все-таки мы, взрослые, на них начинаем давить своим статусом, своим положением, своим возрастом. Своей

силой... Вот это они считают более страшным наказанием. Многие подростки считают, что лучше бы их отшлепали, чем сидели с ними и беседовали час-два. Я даже по своей дочке знаю. Когда у нее спросили знакомые, кого она больше боится, я была очень удивлена, что в четырнадцать лет она больше боялась меня, маму. Когда мы с ней проводили беседу, она говорит: мама, ты тихо и спокойно скажешь, но потом пойдешь и проверишь, а папа откричался и завтра забыл. Это действительно легче наказания. И вот с тех пор я поняла, что беседа, когда ты долго беседуешь с подростком, не пять минут, для него страшнее.

Алла Покрас, руководитель программ Penal Reform International:

— Я не могу сказать, что я вырастила какого-то суперзамечательного сына, но мне нравится. Но я его вообще никогда не наказывала, в принципе. Я могла ему что-то не разрешить, но это было не наказание. Если человек не сделал уроки, то телевизор сейчас смотреть нельзя не потому, что ты наказан, а потому что это время надо потратить на уроки. И все. А вот «ты не пойдешь гулять» или «ты не получишь кусок торта» — мне кажется, что это бред. Это не воспитание, а дрессировка какая-то. Человек должен понять и сам оценить свой поступок, и это для него будет, опять-таки, наказанием. Да, когда он поймет, раскается. Наказание вообще не дает возможности раскаяния.

Что бы ни делал ребенок, все равно это ответственность взрослого. Это значит, что либо ему уделяют мало внимания, либо этот ребенок с самого рождения чего-то от них недополучил. Не может ребенок просто так делать какие-то осознанные гадости. Наказывать не за что. Если он бьется в истерике, швыряется чем попало в кого попало, потому что он хочет привлечь к себе внимание, ну он не виноват, ну какое наказание? Если с первого дня рождения его потребности действительно качественно удовлетворяются, если с ним разговаривают, обнимают, берут на руки, уделяют внимание, реагируют на какие-то его призывы, общаются с ним, кормят,

содержат в тепле и так далее, невозможно этим избаловать. Я понимаю, что все это должно быть взвешенно. И потом у такого ребенка могут быть уже какие-то совсем негативные проявления в переходном возрасте, но это опять-таки связано не с его дурным характером, наклонностями и так далее. Это перестройка организма. И за что его наказывать, скажите, пожалуйста? При этом, конечно, необходимо давать ему понять, что что-то не одобряется: посмотреть на него, сказать.

Как происходит во взрослой жизни? Если вы что-то сделали не так, вы просто исправляете это, нагоняете упущенное. Так почему же с ребенком надо по-другому, почему надо наказывать? И дальше начинается: ребенок этих наказаний не боится, он учится от них увивать. Ребенок начинает исправлять в дневнике оценки — если его наказывают. Даже бить необязательно. Просто достаточно родителям скривить лицо. Может быть, для него это очень значимо. У родителей, у взрослых главная цель в общении с ребенком — это сохранить с ним связь. Сделать так, чтобы ребенок ни в коем случае не врал. Да, ребенок может не все говорить. И понятно: у каждого должна быть своя личная жизнь, свое личное пространство, у ребенка в любом возрасте. Но наказывать... Если за этим следует наказание, то этого делать нельзя, а если за это не наказывают, то можно? Есть нравственное воспитание. Это то, с чем ребенок живет. Любые наказания бессмысленны, если это не подкрепляется поведением его окружения. А тогда — да, можно его наказывать всю жизнь.

Вообще, люди делятся на такие категории, что кто-то совершает преступление в любом случае, кто-то не совершает преступления, потому что боится, что увидят, и если он уверен, что не увидят — он совершит это преступление, не важно, стянет что-то тихонечко со стола соседа на работе, не важно какое — большое или маленькое. А кто-то их не совершает, потому что не совершает. Потому что это противно его натуре. И загонять ребенка в категорию «не нарушает, потому что боится» неправильно — все равно когда-нибудь ему

покажется, что на него не смотрят. Ребенок он будет или взрослый. Я, правда, знаю людей, которые говорят, что «если бы меня не по-роли, выросло бы из меня черт-те что». Я думаю, что все равно вы-росло, может быть, черт-те что. Может быть, он не совершает пре-ступлений, но отравляет жизнь своей жене, или детям, или мужу. Поэтому мне кажется, что вообще вот это отношение к наказанию, к детям, наказание и дети — это все равно ответственность взрос-лых. Почему взрослые себя не наказывают? Вот этих детей наказы-вают, а себя — нет?

Ирина Горелова, волонтер Центра содействия реформе уголовно-го правосудия:

— Старший ребенок у меня рос очень сложный. И слава богу, что у меня было время читать книжки о детях и воспитании, в ос-новном почему-то американские. Сын был очень шумный, актив-ный, баловался часто, очень часто... И делал жуткие вещи, и страха у него не было, мог чего-нибудь схватить, побежать куда не надо... В одной книжке было просто написано: возьмите лист бумаги и про-анализируйте, сколько положительных замечаний вы делаете ребен-ку и сколько отрицательных. Я повесила этот лист перед глазами, и мы с мужем договорились попробовать отмечать. В общем, если следовать эмоциям и не тормозить себя разумом, то все, что ты го-воришь ребенку, это «не ходи», «не бегай», «не прыгай»... «не...» То есть все, что со знаком минус. Ты не успеваешь между этими вещами говорить ничего положительного. Американская мантра «я тебя люблю» на самом деле помогает хотя бы в чем-то, даже если ты больше ничего не можешь... Ты заставляешь себя посылатъ ка-кой-то позитив и говорить: «Не забудь о том, что я все-таки тебя люблю». Мне вообще кажется, что мы негативная нация. И ключ как раз в том, чтобы это в себе преодолевать. Мы очень легко жалу-емся, легко раздражаемся, говоря о том, что сдерживать свои эмо-ции вредно. Но что мы несем в мир? Сплошное разрушение.

Наказание тюрьмой

Я читал где-то, что дети от двенадцати до четырнадцати лет, то есть находящиеся в переходном возрасте отрочества, бывают особенно склонны к поджигательству и даже убийству. Вспоминаю свое отрочество и особенно то состояние духа, в котором я находился в этот несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю возможность самого ужасного преступления, без цели, без желания вредить, — но *так* — из любопытства, из бессознательной потребности деятельности.

Л. Толстой. Детство

Государство, как и многие родители, предпочитает воспитывать силой. Не особо разбираясь в причинах преступления и в последствиях наказания, мы продолжаем действовать по одной, карательной схеме и отправляем ребенка в тюрьму.

Что это дает? Временную изоляцию потенциально опасного подростка — от тех, кому он может навредить, и тех, кто его может подтолкнуть к новому преступлению. А еще клеймо на всю жизнь. Все остальные результаты сомнительны.

Если продолжать аналогию с семейным воспитанием, то нынешняя система наказаний несовершеннолетних преступников выглядит не очень дальновидной. Разве кажется разумным за первые проступки просто грозить ребенку суровым наказанием, а потом, спустя время, наказать скопом за все? Если ребенка, попавшего в «плохую

компанию», месяц держать под домашним арестом и делать внушения, а затем просто выпустить его обратно, в ту же среду — неужели что-то исправится?

Мэри Маколи, британский историк и социолог, пишет в своей книге «Дети в тюрьме»: «Представьте себе молодого человека 18–19 лет, который с 15 лет живет в колонии, где жизнь регламентирована от рассвета до заката. Он теряет способность справляться с каждодневными проблемами, обращаться с деньгами, делать покупки. Он вырастает вдали и вне своей семьи и друзей; он не знает, что такое подростковая влюбленность. Он выживает, только замыкаясь в себе или угрожая другим»^{*}.

Мы говорили с теми, кто занимается подростками в тюрьме, о минусах и плюсах воспитательных колоний и о том, как происходит возвращение на волю.

Минусы колонии

Вера Панова, ВРИО начальника МВК:

— От того, что подростка изолируют, плюсов-то особых-то и нет... Да, мы изолируем, зная, что он не совершит вновь преступления, но и здесь хорошему они не учатся. Дети еще больше ожесточаются. Они ожесточаются, еще когда начинается следствие: их берут под стражу, как бандитов, мало кто им верит и мало кто их всерьез воспринимает.^{**}

Анна Воронкова, переводчик, волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия:

— Это само по себе преступление — сажать ребенка шестнадцати-восемнадцати лет в колонию. Еще и потому, что, с одной

* Маколи М. Дети в тюрьме / Мэри Маколи; [пер. Е. Мишкинчук]. М.: ОГИ, 2008. 216 с.

** Слова Веры Пановой — из интервью, хранящегося в архиве Центра содействия реформе уголовного правосудия, апрель 2011 года.

стороны, наказание действует, а реабилитации после этого наказания нет. То есть никто не работает с ними после, никто не помогает им устроиться на работу... Если в советское время каждый завод был обязан взять какой-то процент с судимостью, то с распадом советской системы все заводы стали частными и никто, конечно, не хочет брать с судимостью. Никто не разбирается, за что он сидел. То есть, они социально не защищены совершенно.

NN, воспитатель ВК:

— Сейчас часто сажают детей... Действительно детей, 1997 года рождения, допустим... И мы не понимаем, куда смотрит суд. Такое впечатление, что у судей нет своих детей, если они не видят, что перед ними — ребенок, у которого еще голос не сломался. Он ведь в первое время вообще не понимает, что с ним происходит. Как так? Можно было же какой-то другой вид наказания, испытательный срок? Обязать как-то родителей или опекунов, дедушек-бабушек на него повлиять, ему помогать. В колонии ребенок ломается. В таком возрасте для него это травма. Может, потом, после освобождения, он понимает, что это ему на пользу пошло, но вначале это травма. Потому что они переживают изолятор, а в изоляторе все по-другому... Они там очень волнуются.

Виктория Ломаско, художник, волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия:

— Самое плохое то, что ребята в колонии перестают верить и в себя, и в наше общество. Сейчас я читаю книжку, изданную Центром содействия, про систему наказаний во Франции. Там, например, описан случай, как трудных французских подростков отправили в экспедицию на Север изучать животных, и экспедицию освещало телевидение. Трудных подростков там не унижают. Наоборот, им предоставляют очень хорошие условия, чтобы исправиться. Прежде чем они попадают в детские тюрьмы, их направляют в детские центры. Я видела фотографию такого Центра — здание,

похожее на дворец, рассчитано на восемь мест, у каждого подростка своя комната, которую можно оформить по своему вкусу. И они ходят в обычную школу, хотя вечером должны возвращаться в Центр. С каждым занимается свой психолог и несколько преподавателей. Подростки в этих центрах занимаются садоводством и ухаживают за животными на кроличьих и птичьих фермах. А в России малолетних преступников в любой момент могут унизить.

У них нет времени, в которое они могут заниматься саморазвитием. Например, несколько воспитанников хотели организовать кружок рисования. Но такое не предусмотрено режимом. Там только общеобразовательная программа, никаких творческих занятий нет. Художественная самодеятельность, оформление стендов, участие в концертах — всё очень казенное. Многие участвуют только для того, чтобы получить поощрение, в надежде на свидание, на УДО. Очень мало в колониях живых, интересных программ.

Ирина Горелова, волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия:

— Изоляция, в которой они сидят, и постоянная надзорность — она не позволяет ребятам работать над собой. Они как бы застывают в какой-то ситуации, в ожидании. А когда человек чего-то ждет или недоволен своей жизнью, она просто проходит.

Римма Чиркина, руководитель лаборатории ювенальных технологий МГППУ:

— То, что происходит в колонии, все поведение там — не спонтанно. Абсолютное отсутствие спонтанности, оно делает людей поверхностными, неискренними, закрытыми. Это — мера сохранения себя. Если ребята на свободе курили, дрались, ругались матом, то здесь — стерильное поведение. Вспышки, бунты, прорывы какие-то происходят, но это как эксцесс. А обычное, нормальное, стандартное поведение — усредненное, закрытое, сдержанное... Эти ограничения и торможения, они накладывают на детей отпечаток.

NN, воспитатель ВК:

— После того как ребята побыли в колонии, в таком юном возрасте, пятно у них уже на всю жизнь остается. При любом устройстве на работу, на учебу. Мы, вольные люди, понимаем, что человек, который не работает здесь и вообще от системы далек, когда ему скажут, что рядом с ним сидит бывший заключенный, сразу станет к нему по-другому относиться. Опять общество виновато, потому что все люди одинаковы. Тем более дети. Ну да, оступился, но это не значит, что к нему надо относиться по-другому. А мы все по-другому относимся. Он попытается пойти учиться куда-нибудь: в колледж, в институт, — и к нему будет другое отношение и учителей, и сокурсников.

Плюсы колонии

NN, воспитатель ВК:

— Плюсы в том, что мы прививаем им ответственность: они работают, учатся. У них это уже как рефлекс: «Я должен, потому что мне это на воле нужно будет». Даже взять такую мелочь, как внешний вид: «Я должен быть чистым, побритым, помытым». И на воле это им тоже нужно. А мы нужны, чтобы все это контролировать. Чтобы когда они вышли, то не были такими, как раньше.

Алла Покрас, руководитель программ Penal Reform International:

— Подростки разлучены с той компанией, с которой они совершали преступления. Не пьют, не нюхают, не колются. Есть, в принципе, какое-то время для того, чтобы задуматься.

Ребята все-таки овладевают какой-то профессией. В колониях для них действительно много стараются сделать. Сотрудники не виноваты, они не могут использовать нормальные способы воспитания. Есть закон. Они должны наказать. Они не могут не наказывать, потому что если они не накажут, это будет сигнал для других подростков, что можно совершать преступления. А вообще получается,

что у нас для детей, до которых нет дела родителям, единственный выход — это колония.

Но некоторые родители берутся за голову. Перестают жрать водку и даже ездят к своим детям. Я помню, встретила на одном круглом столе женщину, молодую и симпатичную, которая в одной воспитательной была чуть ли не председателем родительского комитета. А мне потом рассказали, что раньше эта женщина пила, постоянно пыталась устроить личную жизнь и сына своего упустила. Когда мальчик сел, мама со всем этим завязала, стала ездить в колонию, у них наладились отношения... Жизнь полна парадоксов.

Виктория Ломаско, художник, волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия:

— Для тех, кто совсем из неблагополучных семей, нахождение в колонии может быть шансом для развития и исправления. Воспитатели и учителя, которых я там видела, показались мне дельными. Однажды мы приехали в будний день, чтобы присутствовать в школе на занятиях. Было видно, что учителя стараются, нормально преподают, не хуже, чем в обычных школах. Кого-то наконец-то заставят учиться. Кто-то приобретает полезные навыки работы в швейном или столярном деле. Кто-то учится готовить.

На занятиях, которые устраивают гости колонии, попадают-ся совсем дикие подростки — они многое слышат в первый раз и некоторые даже хотят развиваться дальше. Их было бы полезно поддержать в детской колонии подольше. Чтобы их не отправляли на взрослую зону в девятнадцать лет, а например, в двадцать один, как было раньше.

Возвращение

Алла Покрас, руководитель программ Penal Reform International:

— Когда они выходят, им на воле многого не хватает. Им не хватает уважения, а они хотят себя чувствовать кем-то. Кроме того,

есть тот же высокий уровень тестостерона, который человека гонит к каким-то свершениям. И всё — они находят себя в криминале. Потому что по-другому не умеют. И это тоже очень большая проблема. Естественно, не всегда так происходит, но у меня не раз были такие подозрения о вышедших на свободу мальчиках, и они подтверждались.

Римма Чиркина, руководитель лаборатории ювенальных технологий МГППУ:

— Вернуться в колонию легче, чем жить на воле. Один мальчик, с которым мы работали, перед освобождением плакал. Он приютский, у него родители алкоголики, ни разу его не навестили, хотя оба живы. А он им письма писал — совсем заброшенный ребенок. Так вот он сидел и плакал. Ему говорят: «Чего ты, дурак, плачешь, ты на свободу завтра идешь», а он отвечает: «А что мне там делать? Опять в приют идти?» В приюте его били, в семье на него внимания не обращали. И вот его освобождают, а через две недели он снова в колонии. Причем снова в карантине, то есть он уже в СИЗО успел посидеть. Он в день выхода специально разбил окна в ларьке, специально дождался, когда приедет наряд милиции. И вернулся.

Ирина Горелова, волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия:

— Ребята обычно говорят, что когда выйдут, то будут стараться никогда сюда больше не попасть. Однако статистика показывает иное. Благие намерения есть, а возвращаются ребята в прежнюю среду. Кто будет заниматься возвратом молодого человека в общество? Кто сопровождает их? В общем-то, никто.

Потом начинается другая проблема — проблема с трудоустройством. Люди, у которых есть в истории наказания в виде лишения свободы, не принимаются на работу.

Преодолеть все это может им помочь семья. Они должны чувствовать, что нужны, когда возвращаются. Но у многих нет семьи

вообще или нет семьи, которая могла бы это сделать. Теоретически, помогать им могут развитые системы надзора и возврата человека в общество. Организации, куда, в случае каких-то трудностей, они могут обратиться. Но у нас нет такого сейчас.

Как наказывать подростков, преступивших закон?

На этот вопрос нам отвечали самые разные люди: от Валерия Абрамкина и Людмилы Улицкой до воспитанников колоний. Объединяет их равнодушие и знание о том, как наказывают подростков сейчас. А единственно правильного ответа, конечно же, нет и не будет.

Валерий Абрамкин, основатель Центра содействия реформе уголовного правосудия:

— Дети, даже те, которые сейчас в колониях, не должны думать, что в будущем (тем более для детей) будут тюрьмы. Им надо рассказывать про наказания, какие есть в деревне для людей провинившихся, об этом пишет Нильс Кристи*. Главная задача такого наказания — примирение с человеком, которому они (вольно или невольно) принесли вред, боль, страдание. Такие же и у нас должны быть: не тюрьма, а место, где работа, занятие, место для того, чтобы учиться, получать образование, и что-то для души. Там все решается без того, чтобы человека прятать за решетку. В таком месте они должны быть вместе с родными и близкими. Это первое, что приходит в голову. Да, хватит нам ГУЛАГов. И так «полстраны сидело в тюрьмах и лагерях»**.

* Нильс К. По ту сторону одиночества/Кристи Нильс; [пер. Э.М. Радской]. Калуга: Духовное познание, 1993. 180 с. — *Примеч. ред.*

** Имеется в виду строчка из стихотворения А. Галича «Облака»: «Полстраны сидит в кабаках» — о бывших узниках сталинского ГУЛАГа, пропивающих пенсию по реабилитации — *Примеч. ред.*

Людмила Улицкая, писатель:

— В начале 90-х годов прошлого века в Нью-Йорке была введена программа, которая опиралась на так называемую «Теорию разбитых окон»*. Программа предполагала «нулевую терпимость» по отношению к любому нарушению порядка — проезд в метро без билета, пьянство и хулиганское поведение в общественных местах, граффити... С подростками, которые совершали первое в своей жизни мелкое правонарушение, начинали работать специалисты: психологи, воспитатели, целый персонал обученных людей. Работа проводилась также и с их родителями. Эта программа оказалась очень эффективной, и число детских и подростковых преступлений после начала работы этой программы сильно сократилось. Профилактическая работа. Это первое, что хотелось бы сказать: работу надо начинать до того момента, когда подросток совершает свое первое преступление. Первый фильтр.

Второй фильтр: сразу выделять в отдельную группу преступления, которые связаны с тем, что подросток просто-напросто голоден. Так называемая «голодная кража» должна быть выделена в особую категорию, а подростков, которые взломали киоск, чтобы поесть, хорошо бы выделить в отдельную категорию. И позаботиться об их устройстве.

Среди тех, кто задержан за уже совершенные преступления, должна проводиться очень ответственная экспертиза: часть подростков, возможно, являются психически больными. Их тоже надо выделять в отдельную группу и заниматься с ними в соответствующих медицинских заведениях.

Это все — до разговора о том, как следует наказывать тех из них, кто совершил тяжкие преступления.

Честно говоря, это не моя тема. Я не знаю, как надо наказывать тринадцатилетних убийц и пятнадцатилетних насильников.

* О «Теории разбитых окон» см., например: Теория разбитых окон. Как Нью-Йорк перестал быть самым криминальным городом Америки // Nibler.ru — мой маленький уютный уголок. nibler.ru/cognitive/2156-teoriya-razbityx-okon-kak-nyu-jork-perestal-byt.html — *Примеч. ред.*

Но я совершенно уверена в том, что надо переместить внимание с наказания на воспитание. Больше вкладывать денег в организацию досуга подростков, дать им возможность не «балдеть» в качестве болельщиков, а самим заниматься спортом. Исчезли из обихода детские спортивные школы. Я сама с одиннадцати до четырнадцати лет ходила на стадион «Машиностроитель», где была такая детская спортивная школа, и теперь понимаю, что половина мальчишек, которые туда ходили, сидели бы в тюрьме, если бы не замечательные тренеры, которые с ними занимались. Государство должно вкладывать деньги в организацию досуга детей. А про то, как надо наказывать тех, кого общество уже упустило, пусть напишут другие.

Юрий Чижов, культуролог:

— Подростков не надо наказывать.

Чтобы не пришлось это делать, надо всегда говорить детям правду. Надо правдиво отвечать на все без исключения вопросы детей, в том числе и о себе самом, как бы тяжело это ни было. Надо беречь доверие детей как зеницу ока.

Не надо на глазах у детей пьянствовать, курить в их присутствии, неопрятно есть и грязно выражаться, кого бы то ни было убивать, бить, оскорблять, унижать, высмеивать своих родных и близких, а также паяльничать в телевизор, лениться, не выполнять свои обещания и требовать к себе уважения.

Чтобы отказаться от собственного свинства, родителям надо приложить не такие уж большие и продолжительные усилия. Хорошие привычки даже во взрослом человеке укореняются за несколько месяцев — так же, как отказ от курения, и даже быстрее. Но такие перемены резко меняют к лучшему и жизнь родителей, и будущее их детей. Иначе говоря, надо самому на время посадить себя в тюрьму, чтобы потом не посадили ребенка, не научившегося у родителей правилам общежития. От этого будет огромная польза, которую не заменят и все деньги в мире.

Если же ребенок попал в тюрьму, то, наверное, не надо мешать наказывать его тем, кто делает это как профессионал. Даже если его при этом воспитывают и наказывают неправильно, это лучше, чем пустить такой процесс на произвол судьбы. Тюрьма в точности воспроизводит общество, и если она будет более гуманной или более жестокой, чем общество, после тюрьмы человек попадет в неестественные условия жизни. И тогда ему придется гораздо тяжелее, чем пришлось бы после обычной тюрьмы, в которой воспитатели и каратели особенно не умничали.

Надо доверять людям, которые это делают. Пожалуй, в чем-то им даже надо помогать. А мешать им надо только тогда, когда они совершают преступления против подопечных.

Светлана Рейтер, журналист:

— На мой взгляд, наказывать их надо в зависимости от степени тяжести поступка. В идеале, обходиться медиацией. Создать, как в Норвегии, конфликтные комитеты, которые будут заниматься исключительно такими делами.

Дина Йошпа, психолог:

— Подростки, преступившие закон, должны в диалоге с потерпевшим и своим ближайшим социальным окружением осознать то, что они сделали, и при помощи специалиста разработать план исправления причиненного себе самому, потерпевшему, своей семье, вреда. Далее начать этот вред исправлять. Специалист должен его при этом сопровождать.

Мое личное мнение, что так должно быть при преступлениях любой тяжести. Но сами подростки (с которыми я беседовала в колониях) считают, что в некоторых случаях они до конца осознают то, что сделали, только попав в колонию. Если уж колония, таким образом, должна быть, то сроки пребывания там подростков должны быть очень маленькими, чтобы подростки не успели привыкнуть к существующим там зонамским правилам и идеалам. А правила

и идеалы там будут в любом случае, даже если колонию назвать «воспитательный центр»*. Потому что все это неизбежно возникает в закрытых системах. Тем более, в системах, в которых люди считают себя наказанными и уязвленными (пусть даже за дело). Им же надо как-то защищаться психологически от того, что с ними произошло!

Игорь Свиначенко, журналист, журнал «Медведь»:

— Увы, подростков за их злодеяния надо наказывать, причем жестко! Речь не только о том, что иначе права всех несовершеннолетних будут просто растоптаны, и мы сопьемся с горя. И потом, чем же делинквентные подростки лучше, допустим, суворовцев, которые никому ничего плохого (как правило) не сделали и у которых практически тюремный режим? Досуг — это смертельно опасно для неокрепших умов. Я не хочу жить в мире, в котором любой может отравить мне жизнь прямо с утра. Я же еще не в аду, чтоб испытывать отвращение и злость от своего бессилия. Люди хотят немного покоя.

Марина Поливанова, психолог:

— Я бы приставила к каждому подростку непредвзятого психотерапевта, который в ходе нескольких (обязательно) бесед, может, тестов, разобрался бы, в чем причина правонарушения. И обязательное присутствие этого психолога или психотерапевта на суде в качестве второго адвоката. И если причина правонарушения в бедности, заброшенности, глупости, учитывать это на суде.

Тюремное заключение, на мой взгляд, стоило бы применять только в случае преступлений против личности, в особенности жестоких, нацистских. А в случае кражи, угона я бы применяла принудительное трудоустройство с выплатой ущерб.

* Федеральная служба исполнения наказания в последние годы перепрофилирует воспитательные колонии в воспитательные центры/ФСИН России. fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=12732. — *Примеч. ред.*

Вера Панова, ВРИО начальника МВК:

— Я согласна с тем, что судьи, которые ведут процессы, должны иметь опыт и педагогики, и психологии, не только юридический, потому что дети все разные. Есть ребята, у которых нормальная семья, и они могли бы находиться дома, и можно было их оставить под надзором тех же родителей.

Александр, воспитанник Можайской ВК:

— Справедливое наказание? Посадить человека на месяц в зону, а то условное дают, и никто ничего не понимает. Чтобы он в СИЗО посидел и с этапом сюда. Не уместится в месяц, пусть в два.

С воспитанниками колоний мы не только обсуждали тюрьму будущего, но и рисовали ее и не только ее — в сотрудничестве с проектом «Города будущего», созданным Никой Дубровской*. Рисунки идеального города — так, как его представляют себе дети, сидящие в тюрьме, и варианты тюрьмы будущего см. на вклейках.

* Города будущего. kurlymurly.org/goroda-budushhego.

ЧАСТЬ 2
Психология,
социология,
криминология

Насилие в семье травмирует ребенка на всю жизнь и учит его применять силу к более слабым. И, таким образом, становится фундаментом асоциального поведения подростков. Решив разобраться с тем, что такое домашнее насилие, как с ним бороться и какие есть альтернативы воспитанию силой, мы обратились к замечательным статьям психолога Анны Варги.

Анна Варга

Домашнее насилие*

Для растущего ребенка нет ничего пагубнее семейного насилия. Как распознать его, как с ним бороться, когда оно превращается в своего рода традицию, в «освященную веками» форму общения в семье? Чем можно заменить жестокость как способ воспитания?

Что такое домашнее насилие

Мы живем в жестокий век, у нас жестокие сердца. Правда, в России что ни век, то жестокий: поколения за поколением детей растили с применением насилия: били, ругали, унижали, запугивали и в семье, и в детском саду, и в школе, и во дворе, и так далее и так далее. Насилие — статистическая норма. Это, однако, не означает, что у людей может выработаться привыкание к насилию. Как к боли нельзя привыкнуть, так и к насилию. Оно причиняет страдания всегда. Просто если его везде много, то непонятно, как с ним бороться. Более того, не понятно, где оно, это насилие, как его распознать и чем можно заменить. Не бить ребенка, не ругать его — а что же делать вместо этого, когда ребенок действительно ведет себя плохо? <...>

* Варга А. Домашнее насилие // Современный ребенок. Энциклопедия взаимопонимания. М.: ОГИ; Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. С. 200–222 (представлено с незначительными сокращениями).

Существуют разные способы классификации насилия. Традиционно различают:

1. **ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ.** Возникают ситуации, когда ребенку с пугающей периодичностью наносятся телесные повреждения. При этом существенно, что насилием это считается тогда, когда абсолютно доказано, что побои были нанесены преднамеренно. Как мы можем заподозрить подобное? Когда обнаруживаем видимые признаки. Факт физического насилия следует заподозрить, если ребенок со следами побоев явно старается утаить обстоятельства, при которых эти побои были получены. Когда синяки и шишки получены в честной драке, дети, как правило, не только не таятся, но готовы с гордостью демонстрировать их как боевой трофей. Ребенок, избитый дома, стыдится и боится пожаловаться. Он выглядит подавленным и грустным или, напротив, взвинченным и озлобленным, но всегда при этом неоткровенным и закрытым.

Отдельно стоит обсудить многократные госпитализации ребенка не с травмами, но с различными заболеваниями. Так проявляется особый вид насилия над детьми — «синдром Мюнхгаузена». Мать (это важно, именно мать), нарушая режим кормления и ухода, если речь идет о младенце, или прибегая даже к лекарствам (к примеру, слабительным), если это ребенок постарше, добивается врачебного вмешательства, вплоть до помещения ребенка в стационар. Такие случаи наблюдаются значительно реже тех, когда человек «заболевает» или наносит повреждения себе, чтобы получить сочувствие или внимание близких, однако механизмы такого поведения схожи. Потенциальный вред, угроза здоровью ребенка при «синдроме Мюнхгаузена» очень высоки. Встречается подобный вариант насилия чаще всего в семье с одним ребенком, на первых годах его жизни, при возникновении у матери психического расстройства. Нужно сказать, что в остальном поведение такой матери может оставаться вполне упорядоченным,

и случается, что ребенок страдает годами. Более того, мать представляется окружающим очень заботливой и внимательной, вот только ребенок — «слабенький и болезненный». Если удастся выяснить, что это не случайность, то мы имеем дело с физическим насилием. По-английски это называется *child abuse* — «злоупотребление детьми».

2. **Сексуальное насилие, или сексуальное злоупотребление.** Имеются в виду самые разные типы и степени этого явления. Существует общая формулировка: под сексуальным насилием понимаются все те случаи, когда с помощью несовершеннолетнего человека некто получает сексуальное удовлетворение. Понятно, что это могут быть и контактные, и неконтактные способы. Сюда относятся и растление, и развратные действия, и непристойное обнажение в присутствии несовершеннолетнего. То есть далеко не только случаи очевидного изнасилования, а самое разнообразное вовлечение несовершеннолетнего в сексуальные действия — не важно, гетеро- или гомосексуальные.

В российском законодательстве по закону преследуется то, что подпадает под определение педофилии. Считается, что любое сексуальное взаимодействие с несовершеннолетним является в обязательном порядке насилием, потому что ребенок не способен сознательно на это согласиться. Впрочем, к несовершеннолетним относится и человек семнадцати с половиной лет, и шестнадцати, и пятнадцати, и эта ситуация не вполне сопоставима с той, когда речь идет о пяти-шестилетних детях. Как свидетельствуют публикации, наиболее актуальна проблема сексуального насилия в англоязычных странах — США и Канаде. В этих странах выявляется наибольшее количество случаев сексуального насилия, и само понятие сексуального насилия трактуется чрезвычайно широко. В России ситуация совсем иная. Хотя в любых статистических таблицах первую строчку занимает физическое насилие, а не сексуальное (в том числе и в англоязычных странах), тем не менее, в особенности в США,

сексуальное насилие всегда пребывает в фокусе внимания людей, занимающихся охраной детства, — с их точки зрения, это наиболее актуальная проблема.

3. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ, ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ. Это очень сложно уловимое и сложно выявляемое насилие. Но в случае обнаружения именно этого вида насилия психологу понятно, что делать — здесь работа психолога может быть реально эффективной. И нашему читателю на ум прежде всего придут случаи, относящиеся к насилию такого рода. Эмоциональным, или психологическим насилием следует считать любые действия, которые наносят вред или ущерб психическому, эмоциональному состоянию ребенка. Признаком насилия такого рода служит появление у ребенка вследствие тех или иных воздействий со стороны других людей (взрослых или детей) симптомов психического и (или) эмоционального расстройства, а также нарушение психического и социального развития. Как подобный вид насилия проявляется в повседневности? Крик, угрозы, оскорбления, жестокие или унижительные наказания, запугивание, шантаж, глумление и насмешки, отвержение и дискредитация, обыскивание, подслушивание и подсматривание, обман, несоблюдение конфиденциальности и т. д. и т. п. Одним словом, то, от чего страдает человеческое достоинство, что нарушает личностные границы, что подрывает доверие, снижает самооценку, способствует возникновению страха и тревоги.
4. ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ НУЖДАМИ РЕБЕНКА. Этот вид насилия отличается очень размытыми границами, потому что нужды у ребенка очень разные. Мы не будем говорить о том, что ребенка не кормят, не поят и не покупают ему зимней обуви, отправляют его в школу в легких тапочках. Проблемы возникают в тех семьях, где взрослые слишком заняты на работе и уделяют ребенку мало времени. Скорее всего, не то чтобы сознательно пренебрегают нуждами ребенка, но недодают ему тепла, внимания, поддержки, возможно, чувства защищенности и т. д.

Вот такова довольно грубая, но все же классификация видов насилия.

Откуда берется насилие?

Нередко семейное насилие имеет причины психические. В основе насилия могут лежать особенности или заболевания нервной системы. Агрессивное поведение, влекущее за собой насилие, может быть и у людей, страдающих повышенным уровнем тревоги, и у людей, страдавших от насилия в своей жизни, и у людей с расстройствами настроения. Еще бывает так называемый бред «малого размаха»: в сферу бредовых переживаний вовлекаются близкие заболевшего, больному кажется, что его родные ему вредят, он начинает «защищаться»; опасность такого «председуемого преследователя» очень высока.

Но в подавляющем большинстве случаев причины насилия не психические, а психологические. Это либо проблемы во внутрисемейных взаимоотношениях, либо соответствующие культурные традиции.

Причины «внутрисемейные». Прямолинейного взаимодействия в семье не бывает. И любое взаимодействие, даже если оно принимает характер насильственного, развивается по законам кругового — получают некие круги насилия. Это кольцо насилия прослеживается в каждом случае, когда мы обнаруживаем такие ситуации. Насилие — это алгоритм семейного взаимодействия, который воспроизводится из поколения в поколение. Человек, в детстве терпевший насилие от близких, возвращает его своей собственной семье в отношении своего собственного ребенка и считает это справедливым и социально приемлемым. В русской культуре вообще «насилие» не воспринимается как нечто сугубо отрицательное. Само слово «насилие» имеет общий корень с одним из главных слов русского языка «сила». Прибегнуть к силе и осуществить насилие — это очень похожие действия, оба направленные на достижение блага. «Родители наказывают детей, чтобы учить; без этого нельзя воспитать, нельзя вырастить...»

Однако возникают случаи, когда описанная гармония нарушается, и тогда-то и обнаруживается «кольцо насилия»: тот, в отношении кого осуществляется насилие, не принимает его как благо, страдает, заболевает, задерживается в развитии, претерпевает изменения личности, приобретает патологии характера. Да и тот, кто творит «благо» силой, испытывает тревогу, страх, депрессию... Разные люди травмируются по-разному. Некоторые очень легко и быстро, другие, обладая природной выносливостью, высокой психической устойчивостью, страдают от насилия меньше. Важно помнить еще о том, что в определенном смысле все население России страдает от насилия. Социальное насилие присутствовало в жизни россиян на протяжении всей истории нашей страны. Достаточно вспомнить крепостничество и черту оседлости, вековую нищету основной части населения, войны и голод, катастрофу семнадцатого года и установившийся тоталитарный режим с последующим террором... Известно, что посттравматическое стрессовое расстройство возникает не у всех перенесших психическую травму, но у большинства, и характеризуется такими симптомами, как крайняя эмоциональная и психическая возбудимость, агрессивность и жестокость, высокая тревожность и неустойчивость самооценки.

Итак, «кольцо насилия». С одной стороны, это родители, которые плохо себя контролируют, слишком импульсивные, неумелые, нетерпеливые — по разным причинам. С другой стороны, это дети, которые провоцируют насильственные действия в отношении себя. И эти провокации тоже могут быть совсем разной степени выраженности.

Например, физическому насилию подвергается младенец. Это то, чем сейчас чрезвычайно много интересуются на Западе. Синдром детей, которых много грубо трясут. На самом деле, здесь возникает вот такая цепочка: с одной стороны, есть наблюдаемый результат — ребенок, которого часто и подолгу грубо трясут. Ребенок, получающий в связи с этим реальные повреждения, потому

что у маленького ребенка совсем не трудно вызвать клинические признаки общего сотрясения. Для этого его совсем не нужно бить головой об стенку, достаточно очень сильно трясти за плечи. Что же это за мама, которая так делает? Может быть, уставшая, не уверенная в своих воспитательных способностях, не высыпающаяся, очень молодая женщина, сильно тревожащаяся, плохо себя из-за этого чувствующая, у которой ребенок действительно много кричит и мало спит. По самым разным причинам — быть может, он родился не очень благополучно или подвергся вредным воздействиям еще в утробе матери, и у него уже есть какие-то нарушения, делающие его возбудимым, вызывающие плохой сон. Быть может, ребенок физически нездоров, а про это никто еще не знает, у него, например, недостаточность ферментной системы, и он плохо переваривает грудное материнское молоко — он все время голоден и с больным животом, поэтому беспокоится. Может быть еще масса причин. То есть с одной стороны — чрезвычайно беспокойный младенец, который выводит родителей из себя, с другой — истощенная, чувствующая себя бессильной мать; в результате — насилие.

В принципе подобная ситуация вполне разрешима. Если сама мать или ее близкие знают о возможности возникновения подобной ситуации и отдают себе отчет в степени ее опасности и для ребенка, и для самой матери, они, надо думать, обратятся за помощью, хотя бы к врачу, наблюдающему ребенка; будут настойчивы в выяснении причин его беспокойности. Убедившись, к примеру, что нет никакой болезни, а всему виной особенности темперамента ребенка, постараются организовать режим так, чтобы мать могла передохнуть; быть может, посоветовавшись с семейным психотерапевтом, молодые супруги изменят что-то в своих отношениях; возможно, выяснится, что мать страдает послеродовым психическим расстройством — чем раньше его удастся диагностировать, тем реальнее и эффективнее окажется терапия.

Причины социокультурные. Зачастую в семейной истории родителей, применяющих насилие к ребенку, можно обнаружить эпизоды, когда они сами, будучи детьми, подвергались насилию. С ними в детстве обращались плохо, жестоко, они имели жестких, холодных, рациональных матерей, испытывали эмоциональную депривацию, то есть недостаток эмоционального обмена со значимыми взрослыми; либо они росли в такой семье, где применялись наказания, и они считают это правильным или вполне допустимым.

Здесь уместно говорить о том, что существует некий социальный и культурный контекст, в котором возможно то, что мы как профессионалы называем «случаями насилия в отношении ребенка», и то, что люди, которые прибегают к этим мерам, насилием совершенно не считают.

Есть традиция — использовать физические наказания как средство воспитания и прививания привычки к соблюдению социальных норм. В семье отражаются традиции и правила общества, и в российской семье такая практика очень распространена. Достаточно почитать вполне идиллические описания детства в дворянской семье.

Взять хотя бы «Детство» Льва Николаевича Толстого. Мы обнаруживаем, что практика наказаний считалась правильной независимо от социально-экономических предпосылок. То есть совершенно ошибочно думать, что наказывают только в такой семье, которую описывает Максим Горький, — с жестоким дедом, вымачивающим розги для еженедельной порки внуков. И в дворянских, и в крестьянских семьях детей секли.

Многие историки пишут (и не без основания), что основным регулятором внутрисемейных отношений в европейской цивилизации в Средние века и вплоть до XIX века был страх. Поддерживался этот страх, конечно, тем, что мы сегодня называем насилием, а также идеей авторитета отца и мужа, который на благо менее дееспособных женщин и детей должен был этот страх в них культивировать,

чтобы оградить их от совершения неправильных действий и привить им благие качества терпеливости и послушания. Это действительно было всеобщей социальной нормой — маленьких принцев пороли так же, как и крестьянских детей, причем не только за конкретные провинности, но и профилактически, раз в неделю, например. Женщины в семьях с любым социальным статусом находились в том же положении: они могли часто подвергаться избиениям, и это воспринималось как нормальный элемент семейного уклада.

Наказывать следовало любого нижестоящего в семейной иерархии, и эта жесткая норма транслируется из поколения в поколение. Такова традиция вертикальной иерархии взаимоотношений в семье.

Нам с таким трудом удается внедрять представление о ненасильственных моделях воспитания в России потому, что почти никто не считает наказания насилием. Сегодня для людей, считающих себя «культурными» и «продвинутыми», слово «насилие» звучит плохо, но действия, подразумеваемые под ним, в особенности в отношении детей, безусловно, одобряются. Это рассматривается как форма заботы, беспокойства о будущем ребенка, равнодушия, как критерий близкого родства. Часто говорят: «Чужому человеку на тебя наплевать, он и не будет ни кричать на тебя, ни критиковать, ни бить, в конце концов. Это потому что ему, чужому человеку, безразлична твоя судьба. А вот я тебя учу, потому что люблю». Замечательна формулировка: «Я его учу розгами». То есть это на благо, полезно и правильно. Сегодня многие взрослые люди, когда обсуждаешь с ними этот вопрос, говорят: «Меня наказывали в детстве, и благодаря этому я чему-то выучился и, вообще, вырос Человеком». Эта жесткая норма транслируется из поколения в поколение.

Когда человек, обращаясь за консультацией, описывает, как он ведет себя с ребенком, и специалист определяет это поведение как насилие, то этот человек переживает настоящий культурный шок. Очень редко, но случается, что одного этого оказывается достаточно, чтобы прервать цикл насилия и изменить такой алгоритм поведения.

Еще одна распространенная ситуация, о которой стоит сказать, когда родители не осуществляют сами насилия в отношении ребенка, но допускают его со стороны других лиц. Поясним на примере.

Обращение было со стороны сотрудников детского сада. Ребенка, мальчика из подготовительной группы детского сада, воспитательница обнаружила в тот момент, когда он пытался покончить с собой распространенным среди детей способом — через удушье. Он зацепил колготки за батарею в ванной комнате детского сада и затянул на шее петлю. Его обнаружили и отнесли в ближайшую поликлинику. Ребенок был жив. При осмотре на теле были найдены следы побоев, похожие на след от каблука. Когда ребенок очнулся, то сразу сказал: если его отправят домой, он непременно повторит попытку. Выяснилось следующее: ребенок живет с двумя своими родственницами, матерью и старшей сестрой пятнадцати лет. Избивает его сестра. Мать — душевнобольная, не выходила из дома и не пускала никого к себе. Она не была способна контролировать происходящее в семье. И это ситуация, когда мать ребенка не истязала, но защитить его не могла.

Исследования современных психологов показывают, что очень часто ребенок терпит насилие, когда семья не в состоянии оказать ему необходимой защиты и поддержки. Это семья, испытывающая какие-то трудности. Бывает так, что в самой этой семье даже нет практики наказаний, никто руки на ребенка не поднимает. Но эта семья считает, например, совершенно законным разного рода давление, которое оказывается на ребенка в школе, и готова проявлять полную солидарность со школьной администрацией. Возможно, собственные воспоминания и школьные травмы делают родителей безоглядно лояльными к школьной администрации. Традиция советской воспитательной системы, признающая приоритет государства над семьей в деле воспитания, очень сильна. Родителей убеждают

в том, что они некомпетентны и несостоятельны, не способны добиться от детей ни дисциплины, ни стремления к обучению, любой проступок ребенка подтверждает в глазах общества несостоятельность семьи. Переложив ответственность за развитие и социализацию ребенка, родители справляются со своей неуверенностью и тревогой, лучше себя чувствуют, меньше сомневаются в том, что они хорошие, правильные родители.

Когда в школе, обнаруживая у ребенка дисциплинарные проступки, требуют от родителей вмешаться, звонит учительница со стандартной жалобой, что у ребенка обнаружили сигареты, и говорит: «Примите меры». И меры принимают тем способом, который бытует в данной семье. При этом семья не задумывается о том, каким образом стало известно, что ребенок провинился. Тем, как учительница обнаружила у подростка сигареты, никто не интересуется. А если выясняется, что это произошло при досмотре, притом, что учительница залезла в сумку к ребенку, никому в семье не приходит в голову возмутиться.

Вообще, стремление вступать в коалицию с внешними структурами у семей наблюдается тогда, когда их уровень тревоги высок. Тогда возникает стремление переложить ответственность на внешние структуры.

Советская семья устроена на страхе личного участия. Роль семьи в воспитании и выращивании ребенка традиционно была занижена. Носителем «правильной идеологии» были, в частности, ясли, и государство всячески способствовало тому, чтобы грудные дети посещали ясли. А роль семьи — сверяться с этой идеологией, пока она растит ребенка. Получается, что контакт с носителями идеологии необходимо постоянный, причем они всегда правы.

Сейчас вроде бы СССР закончился, но современные родители выросли в таких семьях, и этот способ растить детей может быть у них предпочтительным.

Насилие и ребенок

Ребенок, как правило, скрывает, что он жертва насилия, и факты насилия обнаруживаются нередко только после суицидальной попытки. Чем меньше возраст ребенка, тем к более травматичным способам суицида он прибегает, и самоповешение здесь на одном из первых мест. Работает и обратная логика — если маленький ребенок пытался себя убить, высока вероятность того, что он подвергался насилию.

Двенадцатилетний мальчик, совершивший попытку самоповешения, попал к психиатру с матерью. События происходили в так называемой благополучной, полной семье, состоящей из мамы, отца и этого мальчика, самого мальчика и еще одного общего ребенка. Эта младшая сестра появилась, когда ребенку было семь лет, а отчим вошел в семью, когда мальчику еще не было года, и ребенок своего отчима считал родным отцом. По пагубной российской традиции от ребенка скрыли факт усыновления. Он считал обоих родителей родными, и это было для него важным. Незадолго до рождения второго ребенка «доброжелатели» открыли мальчику глаза на истинное положение дел и стали его пугать, говорить, что теперь, с появлением «настоящего, родного» ребенка, он станет не нужным отцу, его не будут любить, он поймет, каково это «быть пасынком», станет чужим в собственной семье.

Понятное дело, ситуация появления сестрички оказалась для мальчика высокотравматичной, она заключала в себе условия для возникновения страха, тревоги, депрессии. Кроме того: появление этой сестрички совпало с очень важным для него этапом — началом школьного обучения. У него были острые проблемы с адаптацией в школе, он не вполне справлялся с программой и учился не на «отлично». Семья же была ориентирована на успех и на поддержание своего социального престижа. Социальное давление и контроль в данном случае были повышенными — они жили в ведомственном доме, и ребенок учился в школе, где также учились

дети сослуживцев его родителей, — вся жизнь семьи происходила на глазах у окружающих. Для родителей были чрезвычайно важны успехи ребенка в школе — это «работало» на их собственный социальный статус и успешность. Сами родители вникать в школьную ситуацию не хотели, но реагировали на все сигналы, которые получали из школы, и все предписания выполняли неукоснительно: наказать — наказывали, поощрить — поощряли, ответственность за воспитание ребенка полностью передали школе. В школе им были непрерывно недовольны, такая же ситуация складывалась и дома.

Мальчик чувствовал себя ненужным и отвергнутым. Его реакция была традиционна и предсказуема — побеги из дома. Он довольно быстро нашел себе компаньона, отлучки стали частыми, и пока он все-таки возвращался вечером, семья не обращалась за помощью, что также вполне объяснимо: обратиться за помощью значило для этих родителей уронить себя в глазах соседей, расписаться в своей несостоятельности, «вынести сор из избы». Справлялись своими силами: наказывали и бесконечно стыдили. Вскоре он начал отсутствовать сутками, приходилось прибегать к помощи милиции. В очередной раз, когда история вышла за пределы семьи, это вызвало у матери абсолютную ярость.

Поздно вечером, когда закончилось разбирательство, когда мать всех уложила и собиралась закончить уборку и отправляться спать, она обнаружила, что на кухне уменьшилось количество варенья в одной из банок. Варенье было чужое. Мать разбудила мальчика, привела его в кухню, предъявила ему эту банку с частично съеденным вареньем, потребовала, чтобы он признался, и когда он отказался признавать свою вину и согласиться с тем, что он вор и достоин наказания, то она ему сказала, что раз он так любит варенье, то не пойдет спать, пока не съест эту банку до конца. А банка была трехлитровая. Это истязание продолжалось до тех пор, пока у него не началась рвота — тогда мать ушла к себе и вернулась, услышав шум. А шум произошел от того, что мальчик плохо привязал веревку к кронштейну, на котором крепится душ, и обрушился вместе

с ним, пытаясь повеситься. История была потом реконструирована, в том числе и по рвотным массам из варенья, в которых ребенка обнаружила скорая психиатрическая помощь, его госпитализировали с диагнозом «текущая суицидальная попытка» в психиатрическую детскую больницу, откуда и направили на консультацию к психиатру.

Что это за история? Мы видим мать, которая совсем не пренебрегает воспитанием своего ребенка, напротив, она озабочена тем, чтобы ребенок выполнял социальные нормы, чтобы он не воровал, хорошо учился, не убежал из дому. Чтобы этой цели достичь, любая мера с ее точки зрения не является жестокой. Обсуждая с психологами случившееся, она не считала даже возможным рассматривать свое поведение как насилие, полагая, что иначе ребенок не имел бы представления о том, что морально, что аморально. Отец при этом не вникал в ситуацию.

Насилие и мать

Принято считать, что насилие проистекает в первую очередь от мужчин. Однако в случаях насилия, приводящего к суицидальному риску, наиболее уязвима пара мать — ребенок.

Есть клиническое исследование выборки случаев истинных суицидальных попыток, совершенных детьми в возрасте от шести до десяти лет. Подобные случаи описываются как единичные. Выборка составила тридцать случаев, собранных почти за двадцать лет суицидологической практики. Это все без исключения попытки с тяжелыми медицинскими последствиями, совершенные высокотравматичными способами: попытки самоповешения и самоутопления, падения с большой высоты, опасные для жизни самопорезы и отравления прижигающими веществами. Так как это случаи незавершенного суицида, было возможно не только собрать сведения

об обстоятельствах случившегося, но и получить отчет самих пострадавших. Во всех этих отчетах ключевой фигурой оказывалась мать ребенка. Мать — это фигура, к которой апеллирует ребенок с помощью последнего аргумента — суицида; это фигура, олицетворяющая для суицидента власть и угрозу быть ею отвергнутым. Например, «отдам в детский дом» — типичная угроза с целью дисциплинировать ребенка.

Если посмотреть на крайние полюса континуума насилия по отношению к ребенку и на роль матери, то обнаружится следующее — одинаково опасна для ребенка и такая нефункциональная, совсем плохая, никак не заботящаяся мать, и «очень хорошая» мать, любой ценой желающая, чтобы социальные нормы были соблюдены.

Главенствующую роль в картине мира мать утрачивает постепенно, по мере взросления ребенка, во всяком случае, самоубийства подростков происходят не только из-за конфликта с матерью (часто встречается конфликт с отцом, братом/сестрой и, конечно, со сверстниками).

Как обнаружить домашнее насилие

Мы поняли, что для людей бывает сложным идентифицировать все виды насилия, то есть понять, что они именно его практикуют, свидетелями его являются, в нем участвуют или даже ему подвергаются. Но если физическое насилие можно определить по внешним признакам, если в случае сексуального насилия критерии размыты, но все же есть маркеры, то когда речь идет об эмоциональном насилии, идентифицировать его намного сложнее.

Когда мы имеем дело с маленьким ребенком, эмоциональное угнетение и эмоциональная депривация, которые, собственно, являются содержанием эмоционального насилия, обнаруживают себя прежде всего тем, что могут вызывать нарушение и искажение развития ребенка. Например, эмоциональное насилие в виде запугивания

ребенка может вызвать у него психическое расстройство, которое называется элективный мутизм, то есть ребенок замолкает. Когда ребенок совсем маленький, его речь находится в развитии, и мутизм чреват нарушением социально-психологического развития ребенка в целом. Речь, как главный инструмент общения, разрушена, ребенок с трудом научится читать, писать, не освоит коммуникативные навыки, и вслед за таким, казалось бы, локальным, речевым расстройством потянется целый шлейф нарушений в развитии. Если ребенок демонстрирует разные признаки расстройства настроения или эмоционального расстройства (без видимых причин бывает угнетен, подавлен или, наоборот, возбужден, неадекватно агрессивен), то за этим, возможно, стоит эмоциональное насилие. Однако детские страхи очень редко связаны с запугиванием. А вот когда ребенок угнетен, стремится к уединению, избегает общения, имеет расстройства сна и аппетита, мы обязательно должны подумать о том, не имеем ли мы дело с эмоциональным насилием. Например, в ряду видов эмоционального насилия западные специалисты рассматривают даже принуждение к еде — когда ребенку просто говорят: «Доедай, даже если не хочешь», то есть не запихивают в него пищу силком, а принуждают словесно, часто искренне имея в виду заботу о здоровье ребенка.

На прием к психиатру привели шестилетнюю девочку, которая практически ничего не ела. И там обнаружился пример такой чрезвычайно ортодоксальной трактовки того, как необходимо заботиться о здоровье ребенка. У девочки был снижен вес. А показатели привеса играли не последнюю роль в оценке эффективности работы детского сада. Ребенок должен был прибавлять в весе. И в тех детских садах, где этот показатель привеса был снижен, работники меньше поощрялись. Чтобы заставить эту девочку есть, ее в детском саду привязывали к стулу: связывали руки, приматывали полотенцами к детскому стульчику и кормили насильно. Выяснить это было довольно трудно, потому что ребенок был маленький и, как бывает почти всегда, боялся об этом рассказывать.

Итак, *любые виды психических и особенно эмоциональных расстройств у маленьких детей должны непременно наталкивать на мысль о возможном насилии*. Почти всегда за суицидальным поведением маленьких детей стоит насилие, и чаще всего эмоциональное. К эмоциональному насилию относятся давление, запугивание, подкуп, разного рода шантаж, к которому прибегают родители, и разной степени открытости отвержение. Очень часто, когда это обсуждаешь с родителями ребенка, они говорят: «Я его не наказываю. Я никогда не лишаю его того, что он любит. Я, упаси боже, не поднимаю на него руку. Я просто перестаяю с ним разговаривать». На самом деле это чрезвычайно травмирующий способ наказания, потому что, когда мать отказывается разговаривать с ребенком, он безусловно чувствует себя отвергнутым. Практика такого рода наказаний является эмоциональным насилием. Сюда же относятся разного рода унижительные наказания, когда в воспитательных целях проступок ребенка публично обсуждается, или его публично сравнивают с кем-то, или способом наказания избирается унижение достоинства. Спектр такого рода наказаний очень широк. Запугивание и угрозы — это как раз те случаи, когда большинство взрослых не расценивают свое поведение как насильственное.

Тринадцатилетний подросток убегает из дома (недалеко, он ночевал на чердаке своего же дома, а один раз его обнаружили соседи в лифте и привели домой). Это стало предметом обращения к психологу. Так бывает довольно часто — люди идут за помощью, когда «сор уже вынесен из избы», когда угроза социального порицания — от соседей, учителей и т. д. — становится реальной, что страшнее, чем признать проблему и обратиться к специалисту. При опросе выяснилось, что мальчик отстает в школе по точным наукам. А его отец продвинутый ученый — то ли физик, то ли математик — профессор, много преподающий на Западе. Человек с высоким статусом, большое значение придающий тому, чтобы его сын именно в этой области обнаружил способности. Он готов очень много

усилий приложить и сам лично старался заниматься с ребенком по этим предметам.

Отец был невыдержан, нетерпелив, импульсивен, ужасно раздражался и злился, потому что мальчик не понимал, с его точки зрения, совершенно элементарных вещей. Он никогда его не бил. Он только держал в руках ремень. Отец гордился тем, что ни разу не тронул ребенка, но ремень всегда лежал рядом с учебниками на столе. Для этого отца было совершенно удивительным услышать трактовку его поведения как насильственного. В действительности же это, конечно, была угроза — то самое постоянное эмоциональное насилие, в котором жил ребенок и которое послужило причиной его побегов из дома. Отец вполне готов был признать, что угроза была, но он гордился тем, что никогда дело не доходило до физического воздействия и что он тратит на ребенка столько сил. Он полагал, что, хотя угрозы осуществлялись постоянно, его нельзя считать жестоким отцом, потому что собственно жестокости он никогда не допускал. А то, что сама эта угроза является эмоциональной жестокостью высокой степени, он не видел, его самого в детстве били, заставляя учиться.

Что делать, если насилие есть

Иногда для прекращения семейного насилия достаточно, чтобы человек осознал, что он практикует насилие. Так было, например, в описанной выше ситуации с отцом-«воспитателем». Нужно было только помочь ему «убедиться и ужаснуться» и, разумеется, поддержать его, отдав ему должное как усердному и заботливому отцу. Вообще, в тех случаях, когда родители сами обращаются за помощью к психологу по таким поводам, можно сказать, что первый и самый трудный шаг к изживанию насилия в семье уже сделан. Правда, зачастую ребенок уже получил психическую травму и без лечения ее последствий обойтись нельзя.

Человеку, который подозревает, что практикует семейное насилие, нужно идти на консультацию к психотерапевту и сначала думать: «Что со мною?» Необходимо консультироваться не только с психологом, но и с психиатром. Не следует бояться обращаться за помощью — шансы исправить ситуацию есть всегда.

Если сам человек за помощью не обращается, а никакие враждебности ближних на него не действуют, то за помощью должен обратиться тот член семьи, который осознал, что происходит насилие.

Сохранить нейтральную позицию в этой ситуации нельзя — либо ты со-жертва, либо со-насильник. Есть активное и пассивное участие в семейном насилии. Логика всегда одна: если я знаю о насилии и активно ему не противостою — я становлюсь соучастником.

Родителям важно знать, что в представлении ребенка второй родитель, даже если он ничего не делает, не поднимает на него руки и прочее, участвует в насилии над ним, и именно так ребенок его и воспринимает.

Более того, если эта семья живет со старшими родственниками, то и бабушки-дедушки не остаются в стороне. Они либо в коалиции с детьми, покрывают их и тоже подвергаются насилию, либо заодно с родителями. То же самое касается старших братьев и сестер. Когда в семье присутствует насилие, сохранить нейтралитет не получится ни у кого.

Если наблюдатель насилия в семье не может вступить в активное противодействие — стар и мал, слаб или робок, — то нужно отказаться от ложной лояльности, необходимо обратиться за помощью вне семьи — к значимым родственникам или друзьям семьи, представителям власти и правопорядка.

Возможны всякие тонкие хитрости и уловки.

Например, один родитель, который находится как бы в коалиции с ребенком, потом, после эпизода насилия со стороны второго, приходит к ребенку и так понимающе, из позиции «мы оба жертвы, но вот надо терпеть...» по-дружески уговаривает простить второго.

При этом понятно, что этот родитель сам выбрал быть жертвой, он взрослый человек, сам поместил себя в эту ситуацию, сам может решать, прощать или нет и прочее, а ребенок не имеет выбора. Так бывает в случаях, когда речь идет о наказуемых формах насилия. Прежде всего, сексуального.

При диагностике насилия очень важна — и сложна — роль специалиста-психолога. Нередко бабушка, мать матери, подозревает насилие со стороны зятя в адрес внучки или внука и обращается за помощью. На самом деле вполне может оказаться, что она просто не хочет делить своих потомков (и внучат, и, разумеется, дочку) с зятем. Процедура выявления истинной мотивации в таких случаях плохо отработана во всем мире. Но во многих странах она хотя бы прописана, а у нас нет и того. Поэтому случаи наказуемого насилия очень часто служат орудием манипуляций.

К сожалению, нет у нас и инфраструктуры для оказания помощи детям, страдающим от насилия. Учитель в школе не может отправить ребенка к психиатру — нужно согласие родителей. Помочь может школьный психолог. Есть еще органы опеки, в которых учитель или воспитатель может проконсультироваться. Всякие лобовые действия опасны, потому что мы никогда не можем быть уверены в том, что ребенок не будет наказан еще более жестоко. В нашей ситуации приходится работать индивидуально в каждом конкретном случае, однако исходить надо из того, что психологическая помощь, как правило, нужна и жертве, и агрессору. Но собственно процедуры, которую мы могли бы пошагово прописать, нет. В больших городах теперь есть сеть психолого-педагогических центров, и это место, куда можно обратиться или направить. Есть также телефонная служба экстренной психологической помощи. Но всего этого, увы, пока явно не хватает.

Что делать, чтобы насилия не было

Есть вещи, которые должны быть безусловно запрещены. И в первую очередь — это какое угодно физическое воздействие.

Драться нельзя ничем — ни рукой, ни шариком воздушным: бить нельзя ни по какому месту. Приходится иногда читать о том, что мальчику можно дать подзатыльник, а девочку шлепнуть по заднице (мальчика по заднице нельзя). А если вы очень раздражены и ударили ребенка сгоряча, то это ничего — только повинитесь потом. Согласиться с этим невозможно. Любые формы физического насилия по отношению к ребенку неприемлемы. Прочувствовать это можно, если понять, что нет никакой разницы: отодрать ребенка за уши или оторвать ему ухо вовсе.

Замечательный детский хирург Станислав Яковлевич Долецкий был первым человеком, который вообще сказал вслух о том, что в советской семье могут жестоко обращаться с ребенком. Он обнаружил, что в хирургических приемных покоях детских больниц встречаются довольно часто дети со специфическими травмами, которые не могли появиться у ребенка сами собой, в результате несчастного случая. Часто это были повторные травмы мягких частей головы, говоря проще — оторванные уши.

Каждый раз, когда хочется ударить, шлепнуть, дать подзатыльник ребенку, надо представлять себе это оторванное ухо — по сути, нет никакой разницы, и психологически для ребенка тоже. Также должно быть наложено абсолютное табу на любое воздействие, которое сопряжено с унижением.

Даже самый маленький ребенок чувствителен к унижению. Как физическую боль человек любого возраста чувствует, так же и душевную боль чувствует самый маленький малыш. Еще всегда вредно запугивание — это такая вещь, которая реально может вызвать эмоциональные расстройства.

Особый разговор о сексуальном злоупотреблении. Сексуальное использование малолетнего ребенка — это всегда насилие, даже если оно применяется без жестокости, а осуществляется с помощью подкупа или обмана. Имеющийся в православной традиции строжайший запрет на инцест, как показывает практика, детей не спасает. Однако адекватная оценка происходящего имеет значение: пятилетняя девочка не может соблазнить отчима, а пятнадцатилетняя — вполне. Универсальных рекомендаций нет вообще, а в подобных случаях — в особенности. Чего нельзя допустить ни в каком случае — это замалчивания, укрывательства сексуального насилия в семье во избежание конфликта или разрушения семьи.

В заключение следует заметить, что ненасильственная модель семейного взаимодействия создается усилиями всех членов семьи в равной мере. Семейная история, укоренившиеся в поколениях устойчивые схемы взаимоотношений не обязательно фатально предрасполагают к повторению сценариев насилия семейной жизни. Родители, вне зависимости от их собственной компетентности или отсутствия таковой, способны обеспечить ребенку и поддержку, и защиту, и возможность развиваться. Необходимым условием является ненасильственное взаимодействие родителей между собой, недопущение родителями насилия в любой его форме по отношению к себе. Уместно, впрочем, подчеркнуть, что информированность и представление о признаках и проявлениях семейного насилия позволяет своевременно обнаружить проблему и попытаться ее разрешить.

Насильники поневоле

Насилие, всякое — физическое, сексуальное, эмоциональное — происходит часто и во многих семьях, но совсем не всегда воспринимается как насилие всеми участниками этого процесса.

Есть, конечно, очевидные случаи, когда отцы, отчимы, дяди и прочие родственники мужского пола насилуют и/или систематически

избивают маленьких девочек или мальчиков. Во многих других ситуациях насильник не считает, что он совершает насилие, жертва не считает, что подвергается насилию, и свидетель не понимает, что же он наблюдает. Муж с женой поссорились и подрались, но муж оказался сильнее жены и в пылу драки избил ее несколько тяжелее, чем собирался. Это что? Физическое насилие? Девять человек из десяти удивятся такому мнению: «Семейное дело, с кем не бывает, ну повздорили, милые дерутся...»

В кросскультурной семье (русский и американка) однажды муж дал пощечину жене. Жена решила с ним развестись и, мало того, посадить его в тюрьму за физическое насилие. Живи они в Америке, так бы она и сделала. В России у нее это не вышло. В милиции очень смеялись, а муж сказал: «Ты еще глупее, чем я думал. У нас в семье это обычное дело. Папа маму бил, и я свою первую жену поколачивал». Против развода муж не возражал, обиделся на то, что жена хотела его посадить в тюрьму.

А вот еще знакомый сюжет. Муж требует от жены секса. Если она откажет, то будет скандал — ссора на несколько дней. Жена соглашается, занимается с мужем любовью по принуждению и не знает, что является жертвой супружеского насилия.

Ребенок плохо себя ведет. Его отшлепали. Родители скажут: «Мы его учили». На самом деле по отношению к ребенку было осуществлено физическое насилие.

Много ли тех, кого в детстве пальцем никто не тронул? А уж тех, на кого в детстве ни разу не накричали, совсем не найдется. Не дома, так в школе кричали, пугали как могли. Нормальное развитие российского ребенка сопровождается таким эмоциональным насилием чуть ли не каждый день. Между тем, стресс, который переживает ребенок в ситуации эмоционального насилия, ничем не отличается от стресса, который бывает при насилии физическом и сексуальном.

В свое время под нашим руководством была выполнена курсовая работа на кафедре психологии и педагогики Педагогического института (теперь университета). Среди студентов проводился опрос: «Какое самое неприятное школьное воспоминание?» Оказалось, что для большинства это крик учителя. Интересно, что не важно, кричал ли учитель на тебя или на твоего одноклассника. Быть жертвой или свидетелем насилия одинаково тяжело.

Любое систематическое насилие приводит к тому, что у жертвы и у свидетеля развиваются посттравматические стрессовые расстройства. В обыденной жизни наиболее заметными признаками такого расстройства являются так называемые симптомы повышенной возбудимости: раздражительность, нарушения сна, непослушание, трудности с концентрацией внимания, взрывные реакции, непровольная физиологическая реакция на событие, символизирующее или напоминающее травму. Например, если замахнуться рукой на битого ребенка, он может зажмуриться, отшатнуться, закрыться руками, испугаться, заплакать, несмотря на то, что столкнулся только с угрозой, а не с реальным насилием. Небитый же ребенок просто удивится. Симптомы повышенной возбудимости — это самые малые признаки посттравматического расстройства, которые могут вызываться бытовым насилием любого рода.

Есть, однако, еще одно следствие опыта насилия, которое в каком-то смысле страшнее вышеперечисленных. Пережитое насилие приводит к формированию сниженной самооценки. Ребенок делает выводы о том, чего он стоит в этой жизни, по тому, как к нему относятся значимые взрослые. Если ребенка обижают, унижают, бьют, пугают криком, угрозами, сексуально используют и т. д., то ребенок уверяется в том, что ничего лучшего он и не стоит, что все это он заслужил, потому что он плохой. Часто это иррациональное убеждение формирует всю его дальнейшую жизнь. Надо сказать, что такая же логика — и у взрослых жертв насилия. Они всегда спрашивают себя: «Почему это случилось со мной?» В случайных, иррациональных,

жестоких и несправедливых событиях люди стараются найти логику и смысл: возмездие за грехи, собственное неправильное поведение вроде провокации насилия и некое ощущение своей общей мерзости, которая и есть причина произошедшего. У ребенка низкая самооценка приводит к тому, что он перестает искать доброе отношение к себе, стремиться к успеху. Пережитый опыт насилия научит ребенка это насилие совершать, правда, теперь по отношению к более слабым и беззащитным. Многие взрослые преступники в детстве были жертвами насилия.

Пассивный свидетель насилия тоже испытывает негативные последствия этого опыта. Самое печальное из них — это ощущение беззащитности, и своей, и взрослого человека — жертвы. Непреодолимая безнадежная беззащитность — а затем либо смирение с этой мыслью — появление покорной жертвы, либо яростный протест — и появление агрессивного насильника. Первый опыт насилия в этом случае обычно совершается по отношению к тому, кто мучил жертвы на глазах у ребенка. Знакомый сюжет: сын избил, покалечил, убил отца, который годами преследовал и терзал мать.

Получается замкнутый круг: насилие порождает насилие.

Где есть насилие, там есть жертвы. Участники треугольника насильник — жертва — свидетель воспроизводят эти роли в следующих поколениях и/или с другими людьми. Мало кому удастся избежать этого самостоятельно, без специальных усилий или помощи.

Анна Варга

Современное воспитание*

Современное воспитание отрицает любой вид господства или главенства. При этом особенно важно не превращать это во вседозволенность, не позволять детям тиранить себя. Давайте разберемся, как пройти по тонкому мостику воспитания, не свалившись в пропасть авторитаризма или анархии и вседозволенности.

Основные принципы

Основные принципы современного воспитания базируются на философии, лежащей в основе демократической культуры. Эти принципы должны применяться ко всем членам семьи независимо от возраста.

Все люди равны.

Между всеми людьми должно быть взаимное уважение.

* Варга А. Как воспитать ребенка и получить удовольствие // Современный ребенок. Энциклопедия взаимопонимания. М.: ОГИ; Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. С. 567–605 (представлено с незначительными сокращениями и изменениями).

Как эти принципы, вчуже нам вполне симпатичные, реализовать в своей семье и вообще в нашей совершенно недемократичной культуре? Есть простые вещи, которые мы все знаем и понимаем. Во-первых, и родители, и дети — люди. Новорожденный — не кусок мяса и не зверек, он звучит и плачет гордо, потому что он человек. Это значит, что он имеет такое же право на удовлетворение своих потребностей, как и вы. Это значит, что он устроен так же, как вы, — и анатомически, и психологически, и даны ему те же потенциальные возможности, что и вам. В то же время он — уникальное неповторимое создание, никогда больше в мир не придет точно такой же человек. Ни у кого не будет таких же отпечатков пальцев, жизненного опыта, снов, впечатлений. У ребенка те же чувства, что у вас, он так же страдает и радуется, а вот мысли, взгляды на жизнь, картина мира могут быть совершенно иными. Его взгляды могут быть диаметрально противоположны вашим. Никто не знает, чьи взгляды лучше, пока не нарушаются основные этические законы. Получается, что ребенок такой же человек, как и вы, если речь идет о потребностях, переживаниях, возможностях, и совершенно другой человек, если речь идет о мыслях, взглядах, ценностях. Поскольку он такой же человек, как и вы, у него есть все те права, что и у вас, и значит, разницу во взглядах приходится уважать. Немыслимый демократ сказал: «Мне глубоко отвратительны ваши взгляды, но я жизнь отдам за то, чтобы вы имели возможность их выразить». В практике воспитания его идея выглядит так: «Я часто не понимаю тебя, но это не потому, что твои вкусы, взгляды и привычки хуже моих. Я часто не понимаю тебя, но я тебя люблю и буду помогать тебе проводить твои взгляды в жизнь, удовлетворять твои потребности, пока это не вредит твоей и/или чужой жизни, твоему и/или чужому здоровью».

Методы современного воспитания

Сразу оговоримся — переход к современному воспитанию ребенка возможен, если ситуация в семье стабильна. Неважно, полная семья,

с мамой и папой, или семья с одним родителем. Неважно — хорошие отношения между супругами или плохие, главное, чтобы они были стабильно хорошими или стабильно плохими. Неполная семья — прекрасно, лишь бы на то время, когда вы переходите к равноправию, вы не вздумали вступить в новый брак. Современное воспитание — серьезная задача. Пока оно не станет естественным образом жизни, надо сосредоточиться только на нем. Какие бы ни были супружеские отношения, если люди почему-либо хотят оставаться в браке друг с другом, любят свое потомство, то они, несомненно, смогут договориться о простой вещи — мы начинаем по-новому воспитывать детей (ребенка) и будем делать это согласованно. Если такая базовая договоренность достигнута — тогда вперед, к победе демократии.

Первое, что необходимо — это увериться в собственных силах и дать чувство уверенности в своих силах ребенку. Психолог Рудольф Дрейкурс писал: «Ребенок нуждается в поощрении, подобно тому как растение нуждается в воде». Многие великие философы сходились на том, что «мужество — это не отсутствие страха и отчаяния, а способность идти вперед, несмотря на их присутствие». Знание принципов, навыков и техник укрепления уверенности в себе, может быть, один из самых эффективных инструментов, с помощью которых родитель способен оказать поддержку ребенку. Как мы уже писали, *плохое поведение детей зачастую является следствием утраты веры в свои силы*. Иногда родители даже не осознают, насколько систематически они уменьшают веру детей в себя, заставляя их чувствовать, что они не такие уж хорошие.

Обычный родитель употребляет много негативных эпитетов по отношению к своему ребенку: дурак, идиот, кретин, неряха, копуша, неловкий и т. д. Похвалы же не отличаются разнообразием: молодец да умница, обычно это все. Все эти американские формулы поощрения вроде «я горжусь тобой» вызывают странное чувство, как-то неловко становится. Ребенок устроен таким образом, что он понимает оскорбление не через прямой смысл слов, а через тон голоса и мимику. Малыш может не знать, что такое «кретин», он

только чувствует, что его ругают. Кроме того, дети долго, лет до девяти, безусловно верят родителям. Родитель сообщает ребенку: «Ты кретин». Ребенок верит, огорчается, понимает, что он нехороший, но верит. Он начинает определять себя именно так, как его определяет мама. «Я кретин, ага, а это что такое?» Ребенок начинает собирать буквально из воздуха, из случайно подслушанных разговоров, что такое «кретин». Узнает, что кретин — это глупый псих. «Вот, значит, я какой. Глупый и чокнутый. Значит, стараться применять мозги бессмысленно, может, их вообще у меня нет». Своим поведением ребенок начинает соответствовать характеристике, которую ему дали родители. Они, понятно, не имели ничего такого в виду, говорили в сердцах. Наверное, часто пребывали в сердцах.

Постепенно ребенок перестает на что-либо претендовать. По мере того как уверенность в своих силах исчезает, тает и надежда изменить к лучшему взаимоотношения с родителями. В результате поведение становится еще хуже. Точно так же родители и другие взрослые, утратив уверенность в своих силах, действуют неэффективно. Фактически обе стороны — и плохо ведущие себя дети, и бессильные что-то изменить родители — не способны позитивно взаимодействовать друг с другом.

Отсюда следует, что *детям, в особенности тем, которые ведут себя плохо, нужно помочь укрепить уверенность в себе*. Далее следуют рекомендации, как можно это сделать. Кроме того, ниже даются практические рекомендации, как поощрить или наказать ребенка таким образом, чтобы он не утратил уверенности в своих силах.

В общении родителя и ребенка должно быть взаимное уважение. Часто члены семей с нарушенными семейными отношениями жалуются на недостаточное уважение друг к другу или его отсутствие. Если родители не являют собой личный пример вежливости и уважительного обращения между членами семьи, то как могут дети научиться быть вежливыми и уважительными? И, что более важно, как они могут научиться тому, что в обществе необходимо вести себя вежливо и уважительно?

Дрейкурс считал, что «уважение демонстрируется тем, что люди обращаются с другими и относятся к ним так, как если бы они обладали равным достоинством». Это не значит, что дети равны родителям в опыте и мудрости, но их нельзя считать глупыми только потому, что они — дети. Все члены семьи должны иметь равные права, и обращение друг с другом должно быть уважительным — без криков и оскорблений, без сарказма и даже без иронии. При этом родитель, демонстрирующий неуважение к другим членам своей семьи, не может рассчитывать на то, что ребенок будет его уважать только за то, что он старший. Дети усваивают общий стиль семейного общения. Не может вырасти почтительный ребенок в грубой и унижающей человеческое достоинство семейной атмосфере.

Первым шагом должна стать уверенность в том, что родители поддерживают уважение к самим себе. Такова правда жизни — *никто не будет уважительно относиться к человеку, который не уважает сам себя*. Всякое общение с ребенком необходимо прекратить на время, если ребенок грубит, дерзит и отвечает неподобающим тоном. Допустим, ребенок пришел домой из школы. Вы спрашиваете приветливо и заинтересованно: «Как дела?» Ребенок отвечает: «Отстань» или молча уходит в свою комнату. С этого момента вы не вступаете с ним ни в какой контакт (не разговариваете, к столу не приглашаете, тем более тарелки с едой ему в комнату не несете), пока он сам не обратится к вам с чем-либо. Молчите и смотрите на него без злости с выжидающим выражением лица, пока он не спросит вас: «В чем дело?» Здесь следует объяснить ему, что вы не будете общаться с ним, пока не получите гарантий вежливого и любезного поведения с его стороны. Ни в коем случае не вступайте в дискуссии о том, что значит вежливость, почтение и прочее. Ребенок, который умеет грубить, умеет быть вежливым. С чужими людьми он именно вежлив. Дождитесь, пока ребенок не повторит свою просьбу к вам милым тоном и вежливыми словами, сразу откликнитесь, все сделайте, начинайте общаться с ним как ни в чем не бывало. И так вот до следующей дерзости. Все получается, если вы не обижаетесь на ребенка.

Это трудно, вы ничем не заслужили хамства, детские поступки вообще несправедливы. Уйти от обид помогает снижение уровня задачи. Представьте себе, что вы решаете техническую задачу дрессировки песика, а не вопрос любви, самооценки из серии «тварь я дрожащая или право имею?».

Одновременно с этим очень важно всегда относиться уважительно к ребенку. Понятно, что если вы практикуете в семье двойной стандарт — сами не уважаете ребенка, а при этом заставляете уважать себя, то полный провал вам обеспечен. В Веданте есть одна простая истина про родительство: «Дитя — это гость в доме. Его нужно любить и уважать, но властвовать над ним нельзя, ибо оно принадлежит Богу». Главное в этой мысли то, что ваш ребенок на самом деле не ваш. Дистанция между вами гораздо больше, чем вы можете себе представить. Уважение вообще возможно только при довольно большой дистанции между людьми. (Да, дистанция — это плата за демократию.) Одна мама, когда впадала в страшную ярость по отношению к своему, мягко говоря, трудному сыну, чтобы не убить его на месте, как заклинание, шептала про себя: «Это не мой мальчик, это чужой мальчик». Очень помогало. Простите за повтор, но необходимо уважать потребности и интересы ребенка. Ничто так не выводит подростка из себя, как требование выполнить не предусмотренное заранее дело, когда он собрался пойти погулять с друзьями и уже стоит на пороге дома. *Мы твердо убеждены, что если бы члены семьи обращались друг с другом с тем же уважением и дипломатичностью, с которым они обращаются со своими друзьями, то большинство семейных проблем исчезло бы.*

В общении с ребенком придерживайтесь принципа равноценности. Прийти к этому принципу непросто. Он очень легко в нашем сознании подменяется идеей равноправия. О равноправии в семье не может быть и речи. Родители и дети не равны. Дети зависят от родителей, чем они младше, тем больше. Родители отвечают за своих детей и по закону, и по совести. У родителей больше возможностей, чем у детей, и поэтому дети должны подчиняться

родителям, а родители детям нет. Но зато родители должны заботиться о детях, а дети о родителях... Сказать однозначно «нет» невозможно. Если родители немощны, больны, то конечно, общество ожидает, что дети позаботятся о родителях. В то же время есть известная притча о вороне и его сыновьях. Правильный сын не стал обещать своему отцу, что сможет заботиться о нем в старости, потому что понимал, что важнее заботиться в это время о своих детях. Притча про то, что родительство — дорога в одну сторону: родители должны давать, не ожидая отдачи. Получается так: дети подчиняются, родители заботятся о них до тех пор, пока дети не начинают заботиться о себе сами. После этого они могут не подчиняться родителям. Все это про то, что люди не равны, но при этом они одинаково ценные. Честно говоря, понять идею человеческой равноценности вне религиозной этики сложно. Все люди равны перед богом. Если читателю не близка такая логика, то, возможно, следующее рассуждение покажется ему убедительным. У нас нет никакого способа измерить ценность одного человека по сравнению с ценностью другого. Люди честно пытались это сделать. Чаще всего в качестве критерия берется раса или нация. Люди одной расы лучше, ценнее, чем люди другой расы, люди одной нации превосходят людей другой нации. Бывало и так, что в качестве критерия выступает социальный класс. Рабочие и крестьяне лучше, чем буржуи. Католики лучше гугенотов, и так далее. Этот путь всегда кончается насилием, страданием, кровью, смертью, словом, полной катастрофой. Видимо, разумнее считать, что все люди одинаково ценные, хотя доказать правильность одной или другой идеи невозможно. Как же все эти высокоумные рассуждения применить к семейной жизни? Очень просто.

Взрослые проявляют уважение к детям тем, что выслушивают их, доброжелательны к ним и дружелюбны, признают их право на свою точку зрения, понимают ее и удерживаются от осуждения. Важно научиться тому, как не соглашаться и не быть при этом грубым, считаться с доводами других и не проявлять неуважения. Часто можно слышать, как дети говорят о своих родителях: «Нет смысла разговаривать

с ними (родителями). Что бы я ни говорил, это никогда ничего не меняло» или «Она обращается со мной как с младенцем!».

Следующий логический шаг мало кому нравится, тем не менее, приходится признать, что другой человек, на нас не похожий, нам неприятный, так же ценен, как мы сами. Ребенок, которого мы любили, растили, вкладывали вместе со своими взглядами на жизнь всю душу, вырастает в совершенно чуждого, не понятного нам, но очень ценного человека. Приходится ценить инакость, с интересом относиться к другому способу мыслить, к другому видению мира.

Стоп! Здесь начинаются родительские страхи. Если ребенок совсем другой, и это надо понимать, уважать и с этим считаться, то получается, что я его своим пониманием поощряю. А если его взгляды ведут к преступлениям, болезням, страданиям, тогда что делать? Принцип равноценности не означает родительской всеядности. Ни в коем случае понимание не означает принятия. «Я понимаю, что тебе нравится вместо уроков ходить в кино. Но я категорически запрещаю тебе прогуливать школу, буду проверить тебя вместе с учителями и настаивать на том, чтобы ты училась». «Я понимаю, что тебе очень трудно не курить и не пить пиво, когда все это делают. Мне это не нравится, я запрещаю делать это в моем доме, я буду ссориться с тобой всякий раз, когда буду замечать признаки того, что ты пил и курил».

ОБРАЩАЙТЕ ВНИМАНИЕ НА ДОСТИЖЕНИЯ ВАШЕГО РЕБЕНКА. Он может многое. Мы уже упоминали в этой статье, как родители невольно подрезают крылья ребенку, ослабляют в нем веру в себя тем, что легко и часто критикуют его попытки хоть что-то сделать самостоятельно или вообще стремятся все делать за него. Этим они сообщают ребенку, что не верят в то, что он может чего-то добиться. Часто это делают те родители, которые считают, что сами немного добились в жизни, не верят в собственные силы и возможности. Их самих мало хвалили и подбадривали в детстве. Они невольно поступают так же со своим ребенком, потому что не умеют воспитывать

иначе. Ожидания должны быть обоснованными, и родители должны быть уверены в том, что ребенок их оправдает.

ДАВАЙТЕ ДЕТЯМ ПРАВО САМИМ ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЯ. Важной частью демократической традиции является право на принятие решения, влияющего на нас. Это право может принадлежать широкому кругу людей, от пятилетнего ребенка, решающего, что ему надеть в детский сад, до взрослого, выбирающего, где ему хочется жить или чем зарабатывать на жизнь. Зачастую родители и учителя принимают решения за детей там, где детям самим следовало бы решать за себя. Поступая так, они не только систематически уменьшают уверенность детей в себе, но также и лишают их возможности научиться самим управлять своей жизнью. Критики утверждают, что у детей для решения проблем не хватает опыта и знаний. Этот аргумент обычно выдвигается для защиты права взрослых. Как понять, в каких сферах жизни ребенок может принимать решения, а в каких нет? Три принципа помогут ответить на этот вопрос.

- Нельзя принимать решения за ребенка, если ответственность за родительские решения несет ребенок. Мама настаивает, чтобы дочка оделась так, как нравится маме, перед походом на дискотеку. Дочка подчиняется, а потом на дискотеке терпит насмешки и не пользуется успехом.
- Не стоит принимать решения за ребенка в тех случаях, когда последствия неправильных решений, принятых ребенком, незначительны. Допустим, ребенок оделся сам, но некрасиво, хотя и по погоде. Пусть лучше так и идет. Риска простуды нет, а опыт принятия самостоятельных решений есть.
- Нельзя принимать решения за ребенка, если родитель не может проконтролировать их исполнение. Допустим, родитель запретил ребенку дружить с кем-нибудь, а ребенок прекрасно общается с этим человеком в школе или на улице, и родитель ничего не может сделать. Это только учит ребенка хитрости и обману.

Очень полезно обсуждать с достаточно взрослыми детьми (лет с семи), какие решения они способны принимать самостоятельно, а какие они хотят предоставить другим. Например, может быть принято совместное решение, что ребенок сам определяет, что ему надеть, когда убирать свою комнату и когда делать уроки. Главное, что должен быть установлен некий час X, к которому работа должна быть завершена. Однако ему бы хотелось оставлять за собой право спросить у родителей совета в каких-то трудных для него учебных вопросах. В разных семьях все это будет выглядеть по-разному, в зависимости от прошлого опыта ребенка. Например, некоторые дети уже к десяти годам определились со своими увлечениями и в состоянии принять решение, в классе с какой специализацией они хотели бы обучаться. Другим нужно больше времени, чтобы разобраться со своими предпочтениями. Но в любом случае следует интересоваться делами ребенка и предоставлять ему несколько вариантов на выбор.

Будьте последовательны. Непоследовательность со стороны родителей и учителей вызывает у детей серьезное раздражение. *Ребенок хочет знать границы своей ответственности* (то есть знать, где его зона компетентности, а где зона взрослых). Однако по многим причинам (усталость, плохое настроение) родители могут менять свои решения и методы воспитания. Например, то, что вчера было разрешено, сегодня запрещается, или то, что вчера вызвало умиление, сегодня вызывает раздражение. Затем, чувствуя вину за проявленную грубость, родители скатываются во вседозволенность. Дети, чувствуя непоследовательность со стороны родителей, используют это как козырную карту для того, чтобы добиться своего. Как только родители становятся последовательными, дети начинают вести себя гораздо лучше.

Последовательное воспитание требует некоторой работы родителей над собой.

Идеальная картинка такая. Взрослые садятся и решают между собой, что они разрешают, а что запрещают. Приняв решение,

они проводят его в жизнь, несмотря на состояние души и тела: даже если поругались между собой, расстроены ситуацией на работе, простужены, стыдятся людей (попробуйте оставить ребенка орать и валяться на полу в магазине: это трудно, в глазах других посетителей вы чуть ли не садист) или по телевизору идет захватывающий сериал. Запретов не должно быть больше трех одновременно. Все, что не запрещено, то разрешено. Три частых запрета для маленьких детей до трех лет: нельзя падать на землю и орать; нельзя есть куски, подобранные с пола или земли; нельзя бить и кусать других людей. Если дети так делают, взрослые прекращают контакт с ребенком. Это называется «селективное игнорирование». Нежелательные формы поведения ребенка должны последовательно игнорироваться родителями. Понятно, если ребенок схватил что-то неподобающее и засунул в рот, то это надо сначала отобрать, а потом уже игнорировать такое поведение. На нарушения запретов надо обязательно сразу же реагировать. Не заметили нарушение — все воспитание пропало. В остальных случаях — потакание и баловство, смотрение сквозь пальцы и похвала. Научился этому, можно вводить другие запреты, а предыдущие запреты станут само собой разумеющимися. Три полезных запрета для подростка: нельзя грубить и дерзить родителям; нельзя нарушать собственные обещания, данные родителям; нельзя захламлять своими вещами не принадлежащую ему территорию в квартире. Санкции за нарушения запретов должны быть ребенку известны и ощутимы. Например, если чадо раскидало свою одежду, тетрадки, учебники за пределами своей комнаты или «собственного» участка комнаты, полезно эти вещи изъять, не говоря худого слова. Конечно, в этих случаях должна быть известна процедура покаяния. Что должен сделать подросток, чтобы заслужить прощение? Если родителям хотелось бы, чтобы ребенок больше помогал по хозяйству, то путь покаяния — убрать квартиру или принести картошки.

Воспитание детей с помощью естественных и логичных последствий

Это система, посредством которой ребенок может связать последствия деятельности с тем, как он решил действовать. Например, если ребенок упорно оставляет на улице свой велосипед, и велосипед украли, то логичным следствием будет то, что ему придется жить без велосипеда до тех пор, пока он сам не накопит деньги на покупку нового. Родители не должны ни покупать ему вместо украденного новый велосипед за свои деньги, ни ругать, ни винить его. Утраты велосипеда для него достаточно, чтобы усвоить урок бережливого отношения к собственности.

Следует различать «естественные» и «логичные» последствия. *Естественные* — это последствия, которые осуществляются сами собой. Например, если ребенок разбил тарелку и при этом осколком порезал себе руку, то естественным последствием травмы будет рана и боль. Еще один пример — ребенок, съезжающий вниз по перилам, падающий и получающий травму. Полученная в результате этих действий боль учит быстро и действенно, лучше всяких назидательных бесед. Скорее всего, в дальнейшем ребенок будет воздерживаться от подобных действий. Итак, естественные последствия учат быстро. Когда ребенок испытывает «естественное последствие», то родителю следует воздержаться от добавления наказания, выражения злорадства («вот, я тебя предупреждал, надо было слушаться») или добавления еще и «логичного последствия» (в качестве урока ребенку достаточно боли, и совсем не следует еще и лишать его прогулки).

Логичные последствия следует подготавливать. Например, если ребенок не сложил к сроку очередной стирки свою испачканную одежду в корзину для грязного белья, а запасы чистой одежды у него истощились, то логическим последствием его поведения будет то, что некоторое время ему придется ходить в грязном. Не вздумайте стирать! Стиснув зубы, отводя глаза от соседей, ждите, пока не настанет срок очередной стирки или ребенок сам не постирает свою

одежду. В любом случае, у него есть выбор: ходить в грязном или стирать самому.

Основная задача при переходе от авторитарической модели семьи к современной заключается в замене разрешающего все споры главенства родителей на структуру логичных последствий, при которой все члены семьи будут испытывать на себе последствия пренебрежения правилами общежития одним из членов семьи. Такая система возлагает ответственность за поведение непосредственно на каждого человека, включая детей.

Основные принципы естественных и логичных последствий

Принцип связанности. Последствие должно быть непосредственно связано с неправильным поведением. Если подросток по неуважительным причинам не сумел вовремя подготовиться (например, не убрал свою комнату, не приготовил уроки) к тому, чтобы вместе с семьей пойти в кино, то семье следует пойти без него. Связь между невыполнением своих обязанностей и пропуском развлечения должна быть прямой и очевидной для ребенка. Откладывание в применении последствий обычно приводит к пространственным спорам, возражениям и утрате эффективности.

Принцип значения. Чтобы последствия имели смысл и оказались эффективными, важно, чтобы они лежали в пределах жизненного опыта ребенка. Например, пятилетнему ребенку нелегко понять ценность ста рублей. Если от него потребуют заплатить за что-то, со знанием им поломанное, то этот опыт, по всей вероятности, не имеет для него никакого смысла и не будет эффективным. Однако у ребенка одиннадцати или двенадцати лет обычно уже достаточно опыта обращения с деньгами, и поэтому он сможет понять смысл и связь платы ста рублей за утраченную или порванную библиотечную книгу. Чтобы последствия имели смысл и оказались эффективными, важно, чтобы они лежали в пределах жизненного опыта ребенка.

Принцип предварительного знания. Необходимо, чтобы последствия неправильного поведения были установлены заранее, предпочтительно по соглашению всех членов семьи. То есть ребенок должен точно знать, что последует, если он к данному сроку не выполнит домашнее задание или не сходит в магазин за продуктами. Предварительное знание последствий возлагает ответственность за сделанный выбор на самого человека.

Принцип выбора. Система логичных последствий дает человеку возможность выбора одного из нескольких возможных последствий. Например, хорошо бы, чтобы ребенок, жаждущий пригласить на день рождения друзей и желающий использовать для этого общую комнату (гостиную), имел несколько возможностей: 1) после праздника привести общую гостиную в порядок; 2) пригласить друзей в собственную комнату, где пришлось бы меньше убирать; 3) если семья пользуется услугами помощницы по хозяйству, предварительно оговорив эту возможность с родителями, ребенок может заплатить домработнице из своих карманных денег за дополнительную работу.

Последствия должны быть недолгими. Долгосрочные последствия редко эффективны. В большинстве ситуаций последствия эффективны, если они налагают ограничения не более чем на день-два. Долговременные санкции напоминают скорее месть со стороны родителей, нежели логические последствия.

Последствия влекут за собой действие. Особенно важно, что последствие подразумевает действие, а не разговор или нравоучительную лекцию. Чем меньше сказано родителями — тем лучше. Предостережение, напоминания и угрозы превращают самые перспективные последствия в сознании ребенка в наказание. Самыми действенными обычно оказываются те последствия, о которых ребенка предупредили один раз, а потом они наступают без всяких разговоров. Последствия *никогда не следует применять в состоянии злости или гнева.*

Принцип участия. Чем больше членов семьи принимают участие в планировании последствий, тем лучше. Полезно, чтобы все

согласились на установленные последствия и чтобы они применялись ко всем членам семьи. В этом случае родители могут послужить образцом ожидаемого отношения и поведения. Например, если на семейном совете всеми членами семьи было принято, что к понедельнику (здесь важно установить четкий и реальный срок) все вещи в квартире будут лежать на своих местах, то при наступлении этого срока заранее обговоренные логические последствия должны наступать для ВСЕХ членов семьи. Если, скажем, была договоренность про то, что неубранные вещи будут «помещаться под арест» (складываться в какую-то коробку, убираться, и возможность пользоваться ими исключается до следующей уборки), следовательно, это логическое последствие должно распространяться на всех. Возможно, «под арест» попадет мамин ежедневник или папин мобильный телефон. Естественно, это не очень удобно для родителей, однако необходимость прожить какой-то срок без нужной вещи заставит и ребенка более серьезно относиться к своим обязанностям, и родителей задуматься о своей «непогрешимости».

Система логических последствий потерпит неудачу, если:

- было отведено недостаточное количество времени для проявления последствий;
- родители действовали друг против друга (один говорил «да», другой — «нет»);
- система логических следствий применялась непоследовательно;
- при попытке применить систему логических последствий родители злили ребенка, говоря ему что-то провоцирующее.

Анна Варга

Что делать, если ребенок ворует у посторонних*

Как всякое действие, такое воровство является неким сообщением, которое ребенок адресует своему окружению. Наиболее часто сообщается следующее.

Хочу быть, как ты. Ребенок ворует вещи у своих героев и кумиров. Обычно — это его одноклассники или одношкольники. Восхищение и зависть перемешиваются, хочется обладать всеми завидными свойствами самому, а чтобы человека-кумира не было вообще. Дикари это практиковали вовсю. Могучего врага убить, а печень его съесть — козленочком как раз и станешь. Истоки этого вида воровства — в низкой самооценке ребенка. Это случай для психотерапии. Низкая самооценка на человека с неба не валится. Обычно это результат неких процессов в семье ребенка, невольного «воспитания».

Игра в полицейского и вора. Ребенок ворует деньги и все, что имеет ценность, все, что «плохо лежит». Важно понять, что он потом делает с ворованным. Если просто складывает или даже семье помогает, то это сообщение такое: поймите, если сможете. Лихость,

* Варга А. Роль денег в воспитании детей // Современный ребенок. Энциклопедия взаимопонимания. М.: ОГИ; Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. С. 614–630 (*представлено с незначительными сокращениями и изменениями*).

ловкость и отсутствие понятий добра и зла. Такой воришка хочет восхищения. Он еще много чего за аплодисменты может сделать. Все прекращается, если взрослые помогут ему занять более статусное положение в обществе. Он тогда будет получать аплодисменты за более достойные занятия. Если же ворованное используется для дальнейшего обогащения или опасных удовольствий, есть единомышленники и «поделщики» — то это влияние дурной компании. Ребенок стал разделять взгляды и ценности асоциальной группы. Задача в таком случае — оторвать от друзей или всю компанию «перевербовать». Иногда это бывает ужасно трудно сделать. Понятно, что самые пугающие случаи — если ребенок ворует, чтобы покупать наркотики.

К сожалению, асоциальная компания не случайно становится такой притягательной и могущественной для ребенка. Под ее власть попадают дети, не нашедшие хорошего взаимопонимания в семье. Родители в таких семьях сами часто замучены проблемами и тревогами, у них не хватало сил на контакт с ребенком. Поэтому, когда ребенок отплывает к другим берегам, родители замечают это поздно. А сил у них как не было, так и нет. Редкая семья справится в одиночку. Иногда эффективно получается, если родители используют все возможности социума: далеко живущих родственников, священников, психологов, сверстников из других компаний, спортивных тренеров.

В одной семье обнаружили, что мальчик стал курить «дурь», употреблять «колеса». Папа, недолго думая, нанял «дядьку». Молодой человек всюду следовал за мальчиком, буквально сидел с ним за партой. Имел очень широкие полномочия, мог удерживать насильно дома, например. Я думала, что такое насилие будет восприниматься ребенком как унижение, вызовет сильнейший протест, душевную травму. Я ошибалась. Видимо, «дядька» оказался славным человеком. Скованные одной цепью, они существовали года полтора, расстались друзьями после того, как мальчик поступил в вуз. Мальчик был благодарен родителям.

История курьезная, я никому не советую идти таким путем, потому что успех всего предприятия зависит от добросовестности и педагогического таланта мужчины-няни. Вероятность найти такого очень невелика. В любом случае, воровство у посторонних — более грозный симптом, чем воровство в семье. Обращайтесь за внешней помощью.

Если вы хотите, чтобы деньги мало что определяли в жизни ребенка, чтобы он был счастлив с ними и без них, то предлагается такая стратегия воспитания. Нужно очистить деньги от дополнительных смыслов. Вот несколько простых советов.

- Создайте денежную прозрачность. Ребенок должен знать семейный бюджет и семейные денежные приоритеты.
- Ребенок должен знать, сколько стоит его содержание и какой процент от бюджета идет на него.
- У ребенка должно быть ощущение, что деньги в семье делятся справедливо.
- Ребенок должен понимать, что деньги — это способ получения возможностей, которые не лежат в сфере отношений. Когда деньги включены в человеческие отношения, начинаются проблемы.
- Нельзя ни поощрять, ни наказывать деньгами, но можно оплачивать деньгами детский труд.

И снова мы обращаемся к работам Алисы Миллер (1923–2010), одного из самых известных борцов с насилием над детьми. Ее книги, посвященные наказаниям и детским травмам: «Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я», «Воспитание, насилие и покаяние», «Вначале было воспитание» и многие другие — стали уже мировой классикой. Мнение Миллер о физических наказаниях кратко сформулировано в ее тезисном «Размышлении о порке».

Алиса Миллер

Размышления о порке*

Почему порка, затрещины, даже такие на первый взгляд невинные удары, как шлепок по руке, опасны для ребенка и представляют угрозу для всего общества?

1. Они преподают ребенку урок насилия.
2. Они нарушают безусловную уверенность, в которой нуждается каждый ребенок, — что он любим.
3. Они рождают в ребенке тревогу: ожидание следующего удара.
4. В них содержится ложь: притворяясь, будто решают педагогические задачи, родители таким образом срывают на ребенке свой гнев. Взрослый бьет ребенка только потому, что его самого били в детстве.
5. Они вызывают гнев и желание отомстить, желание это остается вытесненным и проявляется только много позже.
6. Они научают ребенка принимать на веру противоречивые доказательства: «Я бью тебя для твоего собственного блага». Мозг ребенка хранит эту информацию.
7. Они разрушают восприимчивость к собственному страданию и сострадание к другим, ограничивая таким образом способность ребенка познавать себя и мир.

* Miller A. Spanking is counterproductive and dangerous. www.alice-miller.com/flyers_en.php?page=2 [перевела Н. Кига́й].

Какой урок и с какими последствиями может вынести ребенок из порки и битья?

Ребенок узнает:

1. Что он не заслуживает уважения.
2. Что хорошему можно научиться посредством наказания (на самом деле это неверно, наказание обычно учит ребенка желанию наказывать, в свою очередь, других).
3. Что страдание не нужно принимать близко к сердцу, его следует игнорировать (это опасно для иммунной системы).
4. Что насилие — проявление любви (на этой почве вырастают многие извращения).
5. Что отрицание чувств — нормальное здоровое явление (гораздо позже тело расплачивается за это ложное убеждение).

Каким образом проявляется вытесненный гнев?

В детстве и подростковом возрасте:

1. Насмешками над слабыми и беззащитными.
2. Драками с одноклассниками.
3. Всяческим унижением девочек, символизирующих мать.
4. Плохим отношением к учителю.
5. Выбором телевизионных передач и видеоигр, дающих возможность заново испытать вытесненные чувства ярости и гнева, идентификацией с их героями. (Дети, которых растили в спокойной и любящей обстановке и никогда не били, меньше интересуются такими фильмами, а став взрослыми, не хотят снимать такие фильмы.)

У взрослых:

1. Выбором физических мер воздействия на ребенка как самого эффективного «воспитательного» приема. (Такой человек и другим от всей души дает совет поступать так же.) На самом же деле собственное страдание вымещается на следующем поколении.

2. Отказом признать какую-либо связь между насилием, испытанным на себе в детстве, и насилием, проявляемым по отношению к собственным детям сегодня. Это способствует воспроизведению невежества в обществе.
3. Выбором профессий, связанных с применением насилия.
4. Восприимчивостью к политической демагогии, готовностью проявить насилие по отношению к найденным политиками «козлам отпущения» — представителям «нечистых» рас, социальным и религиозным меньшинствам, участием в этнических «чистках».
5. Вследствие привычного послушания перед лицом насилия, испытанного в детстве, — готовностью подчиниться любой власти, напоминающей власть родителей, — так немцы подчинялись Гитлеру, русские — Сталину, сербы — Милошевичу.

С другой стороны, некоторые взрослые отдают себе отчет в том, как вытесняется и повсеместно отрицается испытанная в детстве боль, понимают, каким образом насилие передается от родителей к детям, а вследствие этого перестают бить детей. К этому можно прийти, и многие уже пришли — как только поняли, что причина дурного обращения с детьми одна: вытесненная история родителей.

© Miller A., текст, 2013

© Кизай Н., перевод на русский язык, 2013

Проблема применимости телесных наказаний вызывает споры во всем мире. Многие страны успели законодательно запретить их не только в школе, но и в семье, пользуясь рекомендациями ООН и Совета Европы, другие успели заявить о подобном намерении. Вышедшая в 2012 году книга выдающегося российского ученого, без преувеличения главного специалиста по детству в России XX–XXI веков Игоря Семеновича Кона «Бить или не бить?»* рассматривает эту проблему в истории и современности.

Несмотря на то, что книга написана простым языком, адресована широкому кругу читателей и вышла сравнительно большим для научного издания тиражом, далеко не каждому легко найти время на освоение 445 страниц историко-антропологического текста, поэтому мы представляем здесь краткий обзор основных затронутых в книге тем и выводов автора. И. С. Кон ни в одной из своих знаменитых работ не навязывал читателю никакой определенной точки зрения по тем или иным вопросам, а лишь предоставлял аргументы для осмысленного формирования собственной позиции. Мы последуем его примеру: читателю предстоит самому определиться, «бить или не бить», а этот обзор поможет принять взвешенное и обоснованное решение.

Александра Кувшинова

«Бить или не бить?»

История и современность телесных наказаний в книге И. Кона

Начнем с общей картины телесных наказаний как социокультурного явления. История практически любого общества в любом моменте прошлого показывает, что телесные наказания — не только

* Кон И. С. Бить или не бить? М.: Время, 2012. 448 с.

хронологически первая, но и универсальная форма дисциплинирования детей. Именно универсальность телесных наказаний, их применение с архаичных времен до современности в обществах, исповедующих любые религии, находящихся на любой стадии исторического процесса, заставляет автора описать отношение к телесным наказаниям в разных обществах и культурах в разные эпохи.

Прежде всего, важно понимать, что методы дисциплинирования детей зависят от принятых в обществе форм отношения к взрослым. Ребенок обычно рассматривается как вариант культурного образа человека вообще, поэтому и телесные наказания детей — своего рода производная от того, какие отношения власти практикуются во взрослом обществе. Так, в рабовладельческом обществе, где часть людей бесправна и не считается за, собственно, людей, телесные наказания обычно считаются общепринятой практикой. В гражданском обществе XXI века, которое, напротив, наделяет всех граждан равными правами и гарантирует их права, от телесных наказаний детей все чаще предпочитают воздерживаться.

На отношение к телесным наказаниям влияет множество факторов: социальная сложность общества, степень приемлемости культуры насилия, неравенство социальных и властных возможностей и т. д. Разумеется, в этот список входит и религиозный фактор: в различных священных книгах отношение к телесным наказаниям выражено по-разному. Однако при такой разнице отношения фактическое применение телесных наказаний встречается практически везде.

Исторический обзор употребления телесных наказаний можно начинать с глубокой древности. В древних обществах они были универсальным инструментом дисциплинирования детей, отражая и поддерживая общую вертикаль власти: подчинение младшего старшему, низестоящего — вышестоящему, бедного — богатому, простолудинина — знатному, женщины — мужчине, ребенка — взрослому. В начале Нового Времени многие гуманисты начали критиковать практику телесных наказаний, но в основном эта критика касалась школы как нового инструмента социализации ребенка.

В европейских странах эволюция отношения к телесным наказаниям в школе шла сходными путями и включала в себя несколько этапов: смягчение их жестокости, регламентация наказаний и ограничение произвола учителей.

К концу XIX — началу XX века под влиянием развития системы образования в большинстве светских школ западной Европы телесные наказания были запрещены. Этот начатый государством процесс пока не касался семейных форм воспитания, так что дома родители могли позволить себе любые формы дисциплинирования ребенка, кроме откровенно уголовных. Тем не менее, постепенная эволюция внутрисемейных отношений от авторитарной модели к авторитетной (ребенок не боится родителей, а уважает их мнение) начала затрагивать средний и высший классы общества.

Международное движение за полное запрещение телесных наказаний началось после Второй мировой войны, на волне общей демократизации мира и борьбы за права человека вообще. К настоящему моменту общеевропейский запрет на телесные наказания детей поддержали 27 государств и все ведущие мировые религии. Другими словами, это явление скорее мировое, чем локальное. В ситуации признания равенства людей с разным цветом кожи, равенства мужчины и женщины, запрета жестокого обращения с животными процесс признания недопустимости телесных наказаний выглядит логичным звеном общего процесса, связанного, как говорилось выше, с изменениями в самой структуре общества.

В XXI веке главным качеством европейского гражданина стала не столько способность подчиняться, сколько самостоятельность в принятии решений. В связи с этим изменились и акценты школьного образования: заучивание уступило место развитию потенциала ребенка, а для этой цели телесные наказания оказались совершенно непригодны. Кроме того, немаловажно, что во всем мире стало, фактически, меньше детей — структура патриархальной семьи с множеством детей сменилась семьей нуклеарной, с одним-двумя детьми, а значит, ценность каждого отдельного ребенка для родителей также

возросла. В оценке качества жизни семьи вообще стали преобладать качественные характеристики: так, многим важнее не то, сколько в семье детей, или сколько лет брачному союзу, а то, как чувствует себя каждый член семьи. В этом свете физические методы дисциплинирования выглядят неуместными.

Итак, многие европейские страны пришли или приходят к полному законодательному запрету телесных наказаний. Эти опыты можно оценивать, как только первое поколение небитых детей достигает совершеннолетия и становится полноценными гражданами. При некотором просветительском усилии со стороны государства можно говорить о положительной реакции со стороны населения и явном улучшении качества жизни детей. Однако в каждом обществе, как принявшем такие законы, так и обдумывающем их, не обходится без жарких споров о целесообразности таких мер. Каково же место России в этой полемике, и какими историческими аргументами и контраргументами пользуются стороны?

Главная разница между историей наказаний в нашей стране и в Европе состоит в том, что положение взрослых было совершенно разным: в России, где наказывать взрослых долгое время считалось совершенно нормальным, например, для отношений барина и крестьянина; наказание детей, естественно, тоже не осуждалось. Кроме допустимых по закону и широко распространенных наказаний крепостных, широко распространено было и бытовое насилие, когда, например, крестьянин мог на глазах у детей избивать жену. Такая ситуация сохранялась и после отмены крепостного права, а в сочетании с церковным каноном и народной педагогикой эти моменты делали наказания детей совершенно естественным.

Вопрос об уместности телесных наказаний в школе встал раньше, чем аналогичный вопрос о семье, как и в Европе. После некоторых споров, к концу XIX века, гимназии и кадетские корпуса отказались от порки как метода воспитания, но в некоторых школах к ней прибегали вплоть до 1917 года. В семьях же многое зависело от социального статуса родителей: рабочие, крестьяне и купцы били детей

чаще и считали это естественным, а в дворянских семьях и семьях интеллигенции порка постепенно сходилась на нет. Ученые связывают такую разницу не только с положением родителей в обществе, но и с уровнем, например, религиозности семьи.

Многие классики русской литературы затрагивали вопрос телесных наказаний в семье и часто осуждали такую практику. Но, что интересно, и применяли ее на собственных детях тоже часто: например, Пушкин, по свидетельствам очевидцев, «был строгий отец, фаворитом его был сын, а с дочерью Машей, большой крикуньей, часто и прилежно употреблял розгу» (цит. по: Вересаев, 1984). В некоторых романах Достоевского порку можно считать одним из главных героев, и в дневниках он часто связывал телесные наказания детей с обычной крестьянской практикой избияния жен. Однако в целом русская классическая литература сыграла огромную роль в том, чтобы наказания постепенно становились морально неприемлимыми.

С приходом советской власти телесные наказания в школе наконец запретили. Первые сторонники такого запрета, кроме классиков литературы, были и в досоветской русской педагогике, но принципиальным моментом отсутствие телесных наказаний стало только в советской школе. Этот запрет был формальным, и проверить каждого учителя, разумеется, невозможно, а кроме того, наказания в семье оставались на усмотрение родителей, но своеобразными «центром» телесных наказаний в этом периоде перестала быть школа. Ее место заняли всевозможные закрытые учреждения — детские дома, приюты, исправительные колонии и т. п. В семейные дела государство вмешивалось только в том случае, когда над ребенком нависла откровенная угроза здоровью, в остальном же родители продолжали считать степень и уместность физического воздействия на ребенка личным вопросом.

Постепенная либерализация жизни общества в России началась с 1960-х годов и продолжается по сей день. Разумеется, этот процесс касается и частной проблемы того, какие формы дисциплинирования можно использовать в воспитании детей. Как и во многих других

вопросах, спектр мнений о применении телесных наказаний сегодня крайне широк. В нашем обществе есть сторонники полного их запрета, сторонники полного невмешательства государства в вопросы воспитания, сторонники порки как воспитательного метода, сторонники сохранения и охраны традиций. Интересно, что государство в России XXI века стало уделять теме детской безопасности: физической, психологической, информационной — пристальное внимание, как это принято во всем мире, и многие заявления политиков, доклады, законопроекты и программы социального развития прямо или косвенно затрагивают эту тему. И. С. Кон цитирует, например, председателя Следственного комитета Александра Ивановича Бастрыкина, который, выступая по телевидению 17 апреля 2010 года в программе «Насилие над детьми», сказал: «У меня есть статистика по стране» — и подчеркнул, что это «точная статистика»: «Сегодня в России каждый четвертый ребенок становится жертвой изнасилования, каждый третий — ребенок, втянутый в занятия проституцией».

Сложно представить себе общество, в котором такие цифры были бы реальными. Однако, судя по вниманию к этому вопросу, Россия в настоящий момент далека от того состояния общества, которое можно было бы назвать безопасным для детей. Исследований по современному состоянию вопроса немного, но общую картину по ним составить можно: телесные наказания все чаще критикуют, но применяют, и в массовом сознании они часто выглядят необходимыми. Судя по опросам Фонда общественного мнения, каждый второй респондент был бит в наказание за провинность единожды или неоднократно. Чаще детей наказывают женщины, чем мужчины (возможно, потому, что матери берут на себя ответственность за «воспитательную работу»). Самая большая доля родителей, склонных к порке как методу воспитания, относится к семьям военных и сотрудников милиции, однако и все остальные социальные слои прибегают к ней время от времени. «Допустимыми» телесные наказания признали 54% россиян (ВЦИОМ, 2004).

Как видно, телесные наказания прошли через эпохи, континенты и политические режимы — и до сих пор с нами. И. С. Кон задался вопросом, в чем состоят аргументы тех, кто предлагает хранить эту традицию, и тех, кто полемизирует. Легко предположить, что практика, пользующаяся популярностью повсеместно и веками, чем-то полезна людям, которые ее придерживаются. Обычные доводы в пользу наказаний выглядят приблизительно так:

- наши предки всегда наказывали детей, значит, это действует;
- в Библии, Коране, Торе говорится о полезности телесных наказаний;
- дети становятся более послушными;
- дети больше уважают родителей или другого наказывающего;
- дети усваивают урок и не повторяют проступков.

Интересно, что подобную аргументацию история знает. Как пишет И. С. Кон, «американские критики телесных наказаний подметили, что аргументы сегодняшних апологетов порки слово в слово повторяют аргументы, которые в XIX в. приводили противники отмены рабства. Те и другие утверждают, что Бог на их стороне и что Библия говорит то же, что они. Только защитники порки цитируют Соломоновы притчи («Кто жалеет розги своей» и т. д.), а защитники рабства — книгу Левита (Левит 25: 44–46). Те и другие ссылаются на право собственности: «Это мои рабы/дети, я их купил/породил, и никто другой не может ими распоряжаться!» Те и другие уверены, что африканцы/дети радикально отличаются от других людей, поэтому с ними нужно обращаться иначе. Те и другие ссылаются на пример великих людей, которых пороли или которые владели рабами, и это им не повредило. Те и другие уверяют, что рабство/порка полезны для своих жертв. Рабов порка облагораживает, а детей очеловечивает. Те и другие уверяют, что все, что они делают со своими детьми/рабами, направлено исключительно к пользе последних.

Чтобы понять, откуда ноги растут и откуда, точнее, куда дует ветер, это очень полезное наблюдение».

Учитывая, что такая аргументация не нова, можно предположить, что она проверена годами. Однако даже поверхностный обзор научных исследований по детской психологии и педагогике показывает обратное. Чем чаще употребляются телесные наказания, тем агрессивнее, а не послушнее, становятся дети. Многие из битых детей оказываются сами склонны к насилию и зачастую к правонарушениям. Отношения с родителями, как правило, натянутее в тех семьях, где применяются телесные наказания. Поротые дети перестают доверять родителям, могут сбежать из дома, у них снижается чувство защищенности и уверенности в себе. Достаточно вспомнить современную статистику подростковых самоубийств, чтобы понять, что даже кратковременная утрата доверия к родителям может привести к необратимым последствиям.

По результатам ряда исследований, наказания влияют на интеллектуальное развитие вообще (и на учебу в частности) отрицательно! То есть, поколения родителей порят детей, чтобы они лучше учились, и достигают ровно противоположного результата. К такому выводу приходят отнюдь не все изучающие телесные наказания, но вот исследований современных обществ с противоположным результатом наука не знает вообще. Таким образом, положительное влияние наказаний на учебу не подтверждено ни опросами общественного мнения, ни психологами, ни социологами, ни какой-либо статистикой.

Зато многие исследования показывают, что риск нанесения прямого вреда здоровью ребенка при злоупотреблении телесными наказаниями довольно высок. Вообще, тонкая юридическая грань между телесным наказанием, жестоким обращением и халатным отношением часто становилась предметом споров специалистов, но определить разницу все-таки можно законодательно. Хуже, что «бытово» ее определить сложно: обычные люди, просто часто шлепающие детей за провинности, могут забыться и выйти

за рамки дозволенного. И для тех, кто привык физически наказывать детей, такой риск, конечно, гораздо выше, чем для тех людей, которым в принципе сложно представить применение физической силы по отношению к ребенку.

Важен и такой момент. В обществах, где все и всегда били детей, психологическая травма от того, что родители наказывают, гораздо менее значительна, чем в обществах, где сверстников (одноклассников, друзей) не бьют. То есть, если в крестьянской России телесное наказание было нормальной практикой, то ребенку было наверняка больно и некомфортно, но повода задуматься над собственной ущербностью у него не возникало. При этом в современной, скажем, Европе, где любые телесные наказания запрещены, психологическая травма будет гораздо более ярко выражена: ведь это будет означать, что твои родители относятся к тебе хуже, чем остальные родители — к своим детям. Следовательно, во всех исследованиях влияния телесных наказаний на формирование личности, психику и здоровье ребенка необходимо учитывать, в каком обществе этот ребенок живет.

Противоположная точка зрения представляет собой набор доводов в пользу полного запрета телесных наказаний. На 2010 год в список стран, запретивших наказывать детей не только в школе, а где бы то ни было, вошли: Швеция, Финляндия, Норвегия, Австрия, Кипр, Дания, Латвия, Болгария, Хорватия, Германия, Израиль, Венгрия, Исландия, Румыния, Украина, Греция, Нидерланды, Новая Зеландия, Португалия, Испания, Уругвай, Венесуэла, Коста-Рика, Молдова, Польша, Кения, Тунис. Этот список продолжает пополняться. Почему все эти государства решили, что вмешиваться во внутрисемейные вопросы нормально? Яснее всего на этот вопрос отвечает ООН:

«Во-первых, телесные наказания нарушают права ребенка на соблюдение его физической неприкосновенности, человеческого достоинства, а также его права на равную судебную защиту. Во многих случаях телесные наказания могут подорвать права ребенка на образование, развитие, охрану его здоровья и даже само право на жизнь.

Во-вторых, они могут принести серьезный вред физическому и психологическому состоянию ребенка.

В-третьих, они приучают ребенка к тому, что насилие — вполне приемлемый и подходящий метод решения спорных вопросов и получения от других желаемого.

В-четвертых, они неэффективны как мера дисциплинарного воздействия. Существуют позитивные методы обучения, исправления поведения или же дисциплинарного воздействия на ребенка. Они в большей степени способствуют его развитию и построению отношений с внешним миром, основанных на доверии и взаимоуважении.

Наконец, трудно оградить детей от телесных наказаний в том случае, если они остаются узаконенными».

Россия — одна из стран, подписавших международную Конвенцию о правах ребенка в 1990 году. Но готово ли российское общество к полному запрету телесных наказаний? Этот вопрос можно адресовать светским и духовным властям, а также самим гражданам. Власти в этом вопросе на данный момент едины: западные практики нам не подходят. Это мнение — лейтмотив бесед уполномоченного по правам ребенка при президенте РФ Павла Астахова с патриархом Кириллом: считается, что семья и детство — те темы, в которых светские власти должны советоваться с церковью. П. Астахов так и рассказывает о формировании политики по вопросам ювенальной юстиции (тема, тесно связанная с телесными наказаниями и требующая согласия тех же инстанций для претворения в жизнь): «Я приезжал поздравить патриарха, и мы в разговоре затронули эту тему. Тогда я просто сказал: «Ваше Святейшество, я поступлю так, как Вы благословите. Потому что для меня это важно. Без Вашего благословения я не буду ничего делать»».

Таким образом, ответ со стороны властей на настоящий момент понятен. Российское общество, как говорилось выше, не едино во мнениях о целесообразности телесных наказаний или их запрета. То же можно сказать о многих обществах: едины по фундаментальным вопросам вообще очень редкие и, как правило, построенные

на авторитарной власти социумы. Однако И. С. Кон приводит один яркий пример «инициативы снизу»: в 2000 году муниципалитет города Кавасаки (Япония) по собственному почину принял «Правило о правах ребенка в городе Кавасаки». Этим правилом полностью запрещались телесные наказания детей где бы то ни было, при том, что в стране в целом запрета на телесные наказания не было. Этот случай доказывает, что многое зависит не только от властей, чиновников, инстанций и политиков, но и от самих родителей и окружающих их людей, способных принимать собственные взвешенные решения и реализовывать их.

Игорь Семенович Кон в заключении книги предложил читателям «решать самим». А мы в конце этого обзора предлагаем тем, кому важна и интересна данная тема, целиком прочитать работу И. С. Кона «Бить или не бить?» и при желании воспользоваться библиографическим аппаратом в ее конце, чтобы узнать, что еще пишут о телесных наказаниях современные западные и российские ученые.

Наталья Осипова, Вера Горчакова

Подростки и взрослые отвечают на вопросы о наказании

Чтобы понять, как в нашей стране относятся к физическим наказаниям, в 2012 году мы провели опросы среди подростков и взрослых. Мы составили две анкеты*, которые заполнили заключенные: 31 женщина и 65 мужчин в возрасте от 16 до 49 лет, и вольные: 60 женщин и 31 мужчина в возрасте от 13 до 51 года. Первая анкета касалась способов наказания детей в их семьях, когда они сами были детьми, а также их собственное отношение к наказанию детей, вторая затрагивала вопросы отношений с родителями, домашней обстановки, школьного поведения, доверия к людям, чувства справедливости и др.

Естественно, контекст опроса для вольных и заключенных был различным. Заключенные ожидали разговор об отношении к их нахождению в тюрьме, и поэтому вопрос анкеты: «Расскажите, как Вас наказывали в детстве» вызвал у некоторых женщин шоковую реакцию. Так, эти заключенные принимали слово «наказывали» за слово

* Анкеты были составлены Р. Чиркиной и Н. Осиповой (см. Приложение 1). Кроме того, с несовершеннолетними заключенными проводились полуструктурированные интервью: автор и интервьюер — Наталья Малкина (см. Приложение 2).

«называли» и начинали припоминать свои детские имена и прозвища, уходя, таким образом, от ответа на вопросы анкеты.

Готовность отвечать на вопросы анкеты зависит и от отношения заключенного к своему наказанию тюрьмой. Например, молодой человек, осужденный за попытку сексуального насилия и не признавший своей вины, на вопросы анкеты ответил предельно кратко: что самого его в детстве не наказывали и что наказывать детей не надо.

Хотя ответы пока не могут стать базой для серьезного научного исследования, можно, однако, попытаться наметить некоторые закономерности. Очевидно, что людей, которых в детстве наказывали физически, гораздо больше, чем тех, кого не наказывали никогда — как среди вольных, так и среди заключенных. Но именно заключенные рассказывают о постоянных жестоких избиениях детей в семьях, и только воспитанники детских домов-интернатов, позднее ставшие заключенными, говорят о систематических унижениях и притеснениях в школе.

Как среди заключенных, так и среди вольных гораздо больше людей, отрицающих пользу физического наказания детей, чем тех, кто является его сторонниками.

* * *

«Нужно ли наказывать детей? За что, как, для чего?» Анкеты с подобными вопросами мы попросили заполнить обычных школьников и подростков, находящихся в воспитательной колонии, и обычных взрослых и взрослых, работающих с «трудными подростками».

Если бы к нам подошел ребенок и спросил: «А что такое “наказание”?», думаю, в первую минуту мы бы немного растерялись такому вопросу, потом задумались, перебирая в уме наиболее правильные слова, возможно, вспомнили что-то из личного опыта. Наверняка каждый из нас сталкивался с наказанием, пусть и не физическим, пусть и в семье с любящими и понимающими родителями.

Как правило, воспоминания и рассказы о наказании мысленно возвращают нас в то состояние, когда мы или находились в положении жертвы, или зависели от более сильного взрослого, а иногда были возмущены и обижены несправедливостью случившегося.

Видимо, по этим причинам откровенно писать о наказании, вспоминать моменты, когда нам было плохо, довольно трудно. В ответах подростков, отбывающих тюремное заключение, практически в каждой второй-третьей анкете изображалась картина «идеальной» семьи: любящая мама, отец, являющийся примером для ребенка. Только почему-то многим хотелось убежать из такой «счастливой» семьи. Думаю, что подростку, который отбывает заключение, очень хочется верить во что-то светлое, что «там», на воле у него и правда есть любящая семья, которая ждет его назад домой, которой он нужен. Пусть это и расходится с действительностью. Так, разговаривая с сотрудниками воспитательной колонии, я узнавала, что далеко не все родители готовы продолжать общение со своими детьми, совершившими преступление. И на День матери в колонию приезжает все меньше родственников, сейчас примерно к пятой части всех заключенных. Не есть ли это дополнительный вид наказания за преступление — теперь уже от самих родителей?

Девушек из рязанской колонии мы попросили дать определение слову «наказание», закончив следующее предложение: «Наказание — это...». Вот «протокольный» вариант, высказанный сухо, с использованием юридической терминологии. «Наказание — это мера воздействия на человека за совершение преступления. Мера воздействия направлена на исправление человека» (С. Е., 18 лет). Для некоторых, и хочется верить, что написано это искренне, «Это правильный ход государства. Мы хотя бы понимаем то, что совершаем. Это моя точка зрения» (Ц. Е., 17 лет). Кто-то, рассуждая по-взрослому, связывает воедино категории «наказания» и «ответственности». «Это ответственность за наши поступки, которые мы совершили» (Л. А., 17 лет). «Это способ отучить ребенка от плохих

поступков» (К. Ш., 18 лет). Встречаются ответы, проникнутые гуманистической идеей о том, что настоящая цель наказания заключается в помощи заблудившемуся человеку вернуться на правильный путь. *«Наказание — это попытка исправить ошибку, точнее, помочь человеку понять, что он совершил ошибку»* (А. К., 18 лет). *«Способ показать нам на то, что мы что-то делали неправильно»* (А. С., 16 лет). *«Действие, которое должно идти на пользу человеку, который провинился»* (К. П., 18 лет). Однако не все ответы подростков такие бодрые. Есть те, которые говорят о болезненной стороне «наказания», о том, что не всегда наказание выполняет свое назначение. *«Наказание — это жестокость жизни нашей. Разлука с людьми, которых ты любишь. Иногда полезно побыть в таких местах, в которых можно осознать свои ошибки тяжелой жизни нашей»* (П. Е., 18 лет). А кто-то коротко и четко резюмирует: *«Наказание — не решение проблемы»* (Э., 16 лет).

С подростками, отбывающими заключение, вроде бы все понятно — их наказало государство за совершенное уголовное преступление. Далеко не все, но около трети подростков соглашаются с тем, что они заслуженно оказались в заключении и даже *«благодарны за то, что им дали время подумать о своих ошибках»* (П. Е., 18 лет). Что же является причиной наказания «обычных» детей? Против чего направлен гнев современных родителей, что не нравилось в своих детях более раннему поколению родителей? Какие подручные средства и способы вместо слов используют родители, пытаясь донести до своих детей, что им что-то не нравится в их действиях или поведении? Вот что нам рассказали взрослые и дети.

Прогулы в школе и / или уход из дома — особенность, а точнее, даже грустная реальность жизни, которая сразу бросается в глаза при чтении ответов подростков, которые находятся в заключении. *«Меня наказывали, когда я очень часто прогуливала школу, в результате меня закрывали под домашний арест, потом я искала любой удобный случай, чтобы выйти из дома и сбежала*

на недели. Бывало, доходило до того, что я брала свои вещи, закидывала в пакет и под предлогом выкинуть мусор выходила в подъезд, переодевалась и убегала» (Ш. Е., 18 лет). Здесь стоит отметить, что не все подростки, пропускающие школу, обязательно становятся преступниками. Но семейные ссоры, скандалы, разногласия с родителями могут провоцировать желание уйти из дома, и об этом открыто писали подростки, обучающиеся в обычной общеобразовательной школе.

Наказание за позднее возвращение домой является одним из лидеров по наказаниям не только у современных родителей, но и наших бабушек и дедушек. «Бабушка лозинкой была, если поздно приходила домой» (А., 28 лет). Вот здесь и получается замкнутый круг. Родители, переволновавшись за ребенка, наказывают для профилактики, чтобы в будущем так больше не поступал. А ребенок, не разобравшись в переживаниях и волнениях родителей, обижается и продумывает дальнейшие планы ухода из дома или более поздних возвращений.

Плохие отметки в школе — следующая по популярности причина наказания. Складывается впечатление, что отметки детей в школе были и остаются важнейшим мерилom будущей успешной и счастливой жизни. Современное общество, ориентированное на успех и культ достижений, только усугубляет такое положение вещей. Вот что пишет Е. Г., 51 год: «Меня редко наказывали в детстве. Может быть, были мелкие наказания, но я их не помню. А одно наказание было не мелкое. Мама отхлестала ремнем за первую двойку в школе. Я была почти отличница, и вот тебе двойка. У меня была обида, так как это было несправедливо и несоразмерно. А еще мне было дико, что у моей мамы может быть такая неадекватная реакция на двойку, это же не конец света». И еще одно очень наглядное и искренне признание теперь уже взрослого о том, что чувствует ребенок в минуты физического наказания за оценки. М., 31 год: «Часто наказывала мама, почти каждую неделю, за оценки в школе или какие-то поступки

нехорошие, била ремнем. Было очень обидно, думала, что я не нужна ей, плакала».

Самое грустное в этих историях заключается в том, что родители в момент физического наказания за плохие оценки забывают о том, что перед ними находится их любимый ребенок, а видят перед собой его негативно окрашенную социальную функцию в обществе — нерадивого ученика. Но школа заканчивается, а вот душевные раны остаются гораздо дольше. Плоды подобных наказаний могут быть разными: заниженная самооценка, неуверенность в себе, подозрительность, озлобленность на окружающих, заедание своих проблем и, как следствие, борьба с лишним весом и т. п. Вчерашние дети, усвоившие истину о том, что свой гнев за нереализованные надежды и ожидания можно выплеснуть на более слабого: например, своего ребенка, одноклассника, прохожего на улице, бездомную собаку — продолжают поступать по образу и подобию своих родителей.

Другие поводы для наказания. Составить классификацию причин наказания не такое простое дело. Так как поводом для наказания может стать абсолютно все. Вот только неполный перечень названных в анкетах причин: уголовно наказуемые преступления (убийство другого человека, кража), грубость взрослым, вранье, болтовня на уроках, плохое поведение в школе, невыполненное поручение, плохо убранная квартира или прополотая грядка, неудачно проигранное задание по музыке, вылитый из термоса суп, потерянные ключи и даже лишний вес. Действительно ли стоит бить ребенка за пролитый суп? Мне видится, что гораздо важнее самому взрослому разобраться, что для него значит неуклюжесть ребенка, какой он вкладывает в это смысл? Какие видит негативные последствия проступка, и станет ли физическое наказание спасением от негативного прогноза будущего, нарисованного родителями? Каков процент вероятности исполнения негативного прогноза, если ребенок не всегда ловок и аккуратен? Не менее важно разобраться в истинной причине эмоционального, физического, интеллектуального и духовного состояния,

в котором совершалось наказание или акт возмездия над родным ребенком или незнакомым человеком.

О способах наказания и его последствиях

Наши респонденты перечислили те способы наказания, которые к ним применялись.

Побои: ремнем, домашним тапком, лозинкой, подзатыльники. А., 23 года: *«Родители били сильно и жестоко, ремнем и руками. Последствия наказания: снижение зрения, агрессивное отношение к окружающим».*

Словесные оскорбления: крики, унижения, наклеивание ярлыков (бестолочь, дура/дурак), постоянное напоминание о прошлых проступках, за которые уже наказывали. Б. Д., 37 лет: *«В основном ругали. Мама и бабушка. Раз в неделю случалось. За беспорядок в комнате, грязь в тетради, невежливое, по их мнению, поведение, неразумные, по их мнению, поступки. Последствия наказания: я боялась совершить неправильный поступок. Даже если толком не понимала, какой правильный. Чувствовала себя виноватой. Даже если ругали непонятно за что (за лишний вес, например, хотя ясно было, что я ем столько, сколько положат). Могла расплакаться. Старалась угадывать настроение взрослых. Мама и бабушка могли долго вспоминать какой-то проступок».*

Другая крайность — молчание, игнорирование ребенка. В некоторых случаях молчание может исчисляться днями и даже годами. Б. К., 35 лет: *«Физически никогда не наказывали, папа мог по полгода со мной не разговаривать. Последствия наказания: думаю, главное — это отношение к людям с подозрением, ожидание от них предательства».*

Введение домашних ограничений: поставить в угол, лишить или сократить время прогулки, телевизора, компьютера, сладкого. Этот вид наказания или, точнее, ограничения в чем-либо, по мнению взрослых и детей, является наиболее приемлемым.

Наказывая ребенка, важно помнить, что наказание не должно переходить в насилие над ребенком: физическое (побои, подзатыльники), эмоциональное (депривация: дистанция, уход в молчание или игнорирование потребностей и нужд ребенка), интеллектуальное (словесное унижение, навязывание обидных прозвищ, клише, высказывание своих предположений, что вашего ребенка не ждет ничего хорошего в этой жизни и он воплотит негативный сценарий). Дети очень нуждаются в нашей поддержке и ободрении, в том, чтобы мы ими гордились.

Нужно ли наказывать детей? За что, как, для чего?

Мнения, комментарии, опыт взрослых и детей, которых мы опросили, дают наглядный ответ на этот вопрос.

С самого детства мне объясняли, за что наказывали. Если это были пропуски школы, то сейчас я понимаю, как школа важна. Когда меня посадили за убийство, я стала понимать, как важна человеческая жизнь, как много она стоит и как легко ее оборвать. Я научилась ценить человеческую жизнь.

С. Е., 18 лет

Рязанская колония

Детей нужно наказывать, только если ребенок сделал что-то серьезное, оскорбил или побил другого ребенка, издевался над животными. Наказания: поставить в угол, ни в коем случае не кричать на ребенка!!! Поговорить с ним. Не давать сладкого, не купить что-нибудь. Все это нужно для того, чтобы воспитать личность.

Александр, 17 лет

учащийся общеобразовательной школы

Нужно. Как? Во-первых, наказание должно соответствовать проступку. Нельзя за незначительный проступок наказывать строго

(например, за баловство за столом ставить в угол «на горох» и т. п.). Во-вторых, наказание должно быть таким, чтобы ребенок учился нести ответственность за свои действия. Например, в случае баловства за столом, и как результат — пролитый суп — наказанием может быть то, что ребенок уберет все за собой и извинится перед окружающими за доставленные неудобства. Важно, чтобы ребенка не клеймили, а давали возможность самостоятельно исправить ситуацию. Наказание не должно вызывать чувство обиды и несправедливости, оно должно способствовать пониманию и осознанию того, что ты ошибся и причинил вред.

А., 25 лет

Наказывать нужно только в одном случае — если действия ребенка угрожают его или чьей-то жизни. Но родители постоянно должны быть нацелены на выявление таких ситуаций и объяснять последствия действий ребенку. Например, в метро нельзя стоять у края платформы: родители стоят далеко от края и, видя стоящего близко к краю человека, показывают его ребенку, подходят к человеку и просят его в целях безопасности отойти от края.

В., 55 лет

Важно, чтобы взрослые говорили детям о том, какие чувства и переживания в них вызывает детский поступок. И чтобы взрослые разговаривали с детьми о последствиях поступков и предлагали построить шаги по заглаживанию этих последствий.

И. А., 29 лет

Наказание должно следовать немедленно за поступком. Если он утром подрался, а вечером вы его наказываете — результата может не быть, уже все успело позабыться.

Е. Г., 51 год

Нужно добиться того, чтобы в голове у ребенка существовали причинно-следственные связи, чтобы он знал, что его поступки имеют последствия. Я склонен решать эти проблемы словами, но не против и наказаний, не физических, естественно. Но важно, чтобы это было именно про поступок и вину, нельзя унижать ребенка, а это очень тонкая грань.

Б. А., 31 год

© Осипова Н., Горчакова В., текст, 2013

10 декабря 2002 года, в Международный день прав человека, в Екатерининском зале Кремля состоялась встреча Владимира Путина с членами Комиссии по правам человека. На ней говорилось и о том, что несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы находятся среди наиболее уязвимых групп населения, их права нарушаются чаще всего.

Олег Зыков (президент Российского благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании», член Общественной палаты Российской Федерации) и Валерий Абрамкин (основатель Центра содействия реформе уголовного правосудия) представили президенту РФ свое видение эффективной организации системы работы с несовершеннолетними правонарушителями.

С тех пор прошло 11 лет. Многие предложения по-прежнему актуальны.

Тюремная система и уязвимость подростков*

Олег Зыков:

— Я хочу вам представить технологию защиты прав детей, которая во всем мире называется ювенальной юстицией. В начале прошлого века в России она существовала и называлась — автономная ювенальная юстиция.

Природа детской преступности, наркомании и беспризорности в основном имеет одни и те же корни. И связано это с внутрисемейным насилием, как правило, кстати, не физическим, а психологическим. Ребенку плохо в семье, он уходит на улицу, а улица предлагает свои сюжеты: сядет он на иглу, подвергнется насилию, сам станет

* Из стенограммы встречи В.В. Путина с членами Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации из сборника «Проблемы социального сопровождения несовершеннолетних, оказавшихся в местах лишения свободы» [Материалы семинара]. Изд. 2-е, дополненное. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2003. С. 50–51.

насильником или просто будет беспризорником — это дело случая. Но если мы не будем мыслить категорией возвращения ребенка в семью, если мы не будем внедрять технологии возвращения ребенка в семью, мы в принципе не поможем этому ребенку.

Базовым элементом технологий являются не ведомства, потому что ведомства заинтересованы только в одном — в получении ресурсов, а судебные решения, причем судебные решения, адресованные конкретному ребенку в конкретной жизненной ситуации. И в этом случае все здание системы защиты прав детей будет строиться не на ведомственном принципе, а на принципе интересов ребенка через судебные решения.

При этом в любом случае, совершил ребенок правонарушение или нет, а ювенальная юстиция, прежде всего, рассматривает ситуацию, когда ребенку плохо. Ребенок всегда будет рассматриваться не как объект для репрессий, а как субъект реабилитации. Интерес общества вернуть ребенка назад, в общество, а не формально его наказать.

Сегодня, к сожалению, судебная система предлагает только два сценария (это в зависимости от возраста и степени правонарушений, тяжести): или его сажают в тюрьму и из тюрьмы он выходит бандитом, или ему назначают условное наказание. Последнее — псевдогуманность, потому что ребенок воспринимает это однозначно как безнаказанность, которая также безнравственна, как тупое наказание. Ребенок совершает повторное правонарушение, как правило, более тяжкое и все равно садится в тюрьму. То есть фактически сегодня судебная система работает, как фабрика по «штамповке бандитов», и это не вина, это беда российской судебной системы, это совершенно очевидно.

Валерий Абрамкин:

— Сокращение численности тюремного населения до подъемного для нас уровня, это 300–350 тыс. человек (сейчас 900 тыс., напомню), требует не только изменения характера уголовной политики,

но и проведения разумной социальной политики. Задачу можно определить так: тех, кому надо помогать, должно стать меньше. Ювенальная юстиция — это одно из направлений. Второе — создание социального патроната, который будет направлен на преодоление безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних и преодоление общего кризиса семьи. В частности, в детских домах и интернатах должны быть сотрудники, которые занимаются устройством сирот в патронажные семьи. Здесь должны работать специалисты, социальные работники.

И еще есть предложения, которые направлены на то, чтобы изменить структуру наказаний в виде лишения свободы. Время пребывания в местах лишения свободы для большинства осужденных не должно превышать, по нашему мнению, двух лет. Российский опыт: средний срок наказания в виде лишения свободы в конце XIX — начале XX века — два-три месяца. В основном этот вид наказания использовался для острастки и вразумления, а не для исправления и перевоспитания, как говорят сейчас. Поэтому по относительному количеству заключенных мы занимали одно из последних мест в мире — 60 заключенных на 100 тыс. населения. Сейчас у нас — 620.

Короткие сроки наказания крайне эффективны и в смысле реабилитации тоже, потому что самые страшные и самые тяжелые в тюрьме — это первые дни, первые месяцы. Многие знают об эффективности именно коротких сроков наказания, потому что через некоторое время человек перестает бояться тюрьмы, начинает бояться свободы. Для мужчин этот срок три-четыре года, для женщин и подростков — вдвое короче. А у нас средний срок наказания: для мужчин — пять лет, для женщин — четыре с половиной, для детей — четыре года.

По поводу реабилитации. Сейчас тюремная наука и практика переходят к доктрине нормализации, отказавшись от доктрины перевоспитания и исправления. Главная идея этой доктрины — «как можно меньше тюрьмы в тюрьме». Это не значит, что жизнь заключенного должна стать проще и комфортней, она должна стать проблемнее,

но проблемнее по-человечески. Пока же у нас создают проблемы, затрудняющие возвращение человека в жизнь. Вот, например, в женских колониях женщины отделены забором от своих детей и имеют право на два часа в день на короткое свидание. Ежедневно мать и ребенок переживают страшнейший стресс, который сказывается на их психике, ежедневно. И некоторые женщины начинают ненавидеть источник этого раздражения, этой ежедневной пытки.

Женщины, имеющие детей, и девочки — это самые малочисленные группы тюремного населения России, и от этого самые страдающие и самые бедствующие. Всего 11 женских колоний, где есть Дома ребенка, и всего три колонии для девочек. Поэтому девочки обречены на мучительный этап, на отрыв от семьи, от близких, на трудности после освобождения. Младенцев, их матерей и девочек не так много, всего две тысячи. И я думаю, что, не дожидаясь принятия всех хороших законов, о которых мы говорили сегодня, можно было бы эту проблему начать решать, принять специальную программу по социальному сопровождению этих групп, оказания им помощи не только в тюрьме, но и на воле.

Следующие статьи — работы специалистов, занимающихся проблемами подростковой преступности. Римма Чиркина, руководитель лаборатории ювенальных технологий МГППУ, рассказывает о системе подростковых наказаний в России и о судьбе некоторых из своих подопечных. Эдвин Пютц, судья суда первой инстанции, руководитель арестного учреждения для молодежи г. Дюссельдорфа, делится своим опытом работы в Германии.

Римма Чиркина

Тюрьма: вред или польза. 45 интервью и 4 истории из жизни

Некоторое время назад мы взяли интервью у 45 воспитанников колоний (39 из них на момент интервью уже вышли на свободу). И оказалось, что изменения в личности подростка, сидящего в тюрьме, становятся практически необратимыми уже после двух лет пребывания в местах лишения свободы (по данным других психологических исследований, необратимость деформаций наступает через пять лет). К этому времени воспитанники прочно отвыкают от свободной жизни, пропитываются духом неволи и ее ценностями и интересами, приобретают цинизм и привычку к внешней регламентации своего поведения под дамокловым мечом незамедлительных санкций, отчуждаются от семейных и дружеских связей. Многие воспитанники отмечают, что утратили живость характера и остроту ума, интерес к происходящему вне стен колонии, оптимизм и уверенность в себе. Подростки с хорошими интеллектуальными и лидерскими способностями приобретают опыт статусного возвышения и самовыражения по законам тюремной субкультуры, переживая возвращение на свободу как попадание в «статусную дыру».

Конечно, есть и позитивные эффекты от пребывания в воспитательной колонии. Ребята из неблагополучных семей получают среднее образование и рабочие специальности в ПТУ, навыки дисциплины, ремесел и творчества (там, где хорошо поставлена воспитательная и культурно-образовательная работа). Происходит формирование полезных бытовых и организационных привычек. Но негативные последствия, тем не менее, заметно проявляются на свободе: бывшие воспитанники не могут устроиться практически во всех жизненных сферах. Даже у ребят с образованием и специальностью, у тех, кого ждут на воле любящие родные, процесс реабилитации и социальной интеграции проходит очень болезненно.

Опыт пребывания в неволе формирует две неравнозначные тенденции.

1. Дассимиляция (от латин. *dissimilis* — несходный). Распознавание, изменение, разрушающее сходство, подобие. Встречается, как правило, при краткосрочном пребывании подростков в СИЗО или колонии, особенно у ребят, семьи и окружение которых ориентированы на соблюдение законов и правил поведения. Это проявляется как страх заключения, отвращение к тюремному миру, ненависть к сокамерникам (т. е. негативные эмоции высокого градуса).

2. Ассимиляция (лат. *assimilatio* — уподобление). Отмечается у подростков при более длительном лишении свободы, при изначально лояльном отношении к заключению, при наличии судимых родных, при высокой криминальной вовлеченности друзей и знакомых. Характеризуется проявлениями следующего типа:

- терпимое отношение к неволе («не хочется, но жить можно»);
- сознательное принятие ее уклада и правил (в тюрьме жить проще, чем на свободе, все понятно и предсказуемо);
- иногда стремление попасть в места лишения свободы впервые или снова (сделать криминальную карьеру, вернуть статус, больше нигде выжить не сможет).

Адаптировавшись к жизни за решеткой (а это, по свидетельству наших респондентов, происходит уже на втором году пребывания в колонии), потом ребята не могут вписаться в очень сложно регламентированную свободную жизнь. И тогда мы получаем два основных вектора развития событий.

Первый — продолжение криминального сценария: в течение самого кризисного, первого года после освобождения из колоний и закрытых воспитательных учреждений новые преступления совершают до 30% воспитанников, всего прогноз рецидива у молодых в некоторых регионах может достигать 60% (информация РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия на 2003 год). Второй — изменение способов действия притом, что цели остаются прежними (не соблюдение закона, а избегание санкций). То есть, в местах лишения свободы фактически происходит обучение несовершеннолетних навыкам социально-ненормативного и криминально-нормативного поведения. Особенно этот «обучающий» эффект заметен в тех случаях, когда после совершеннолетия воспитанники детских колоний переводятся во взрослые учреждения. В целом, происходит усвоение субкультурной тюремной традиции *prison* («призонизация», как называл ее известный правозащитник В. Ф. Абрамкин), которое закрепляет установки на совершение все новых преступлений.

Судя по материалам интервью, выйдя на свободу, бывшие воспитанники ВК часто продолжают балансировать на грани между проступком и преступлением. Почти 50% освободившихся (17 из 39) достаточно долго не попадали в поле зрения уголовного правосудия и сохраняли внешне социальные модели поведения, т. к. они: 1) либо изменили характер преступлений (например, отказались от банальной уголовщины в пользу экономических и интеллектуальных преступлений — мошенничества, афер, нелегального бизнеса), 2) либо сузили диапазон преступлений (от сбыта наркотиков перешли к их хранению, от самостоятельных насильственных действий — к подстрекательству и пр.), 3) либо стали тщательнее продумывать процесс преступления.

Остальные признавались, что некоторые их действия могут быть признаны уголовно наказуемыми (например, контакты с криминально ориентированными группами, хранение и употребление наркотических веществ, неконтролируемое поведение при злоупотреблении алкоголем и т. п.) — хотя сами они эти проявления к преступлениям не относят. И только 2 человека из 39, самых взрослых в данной выборке (старше 25 лет), осознанно и убежденно избегают всего, что так или иначе связано с риском рецидива.

Таким образом, одновременно с адаптацией к неволе — а может быть, и вследствие этого — у подростков постепенно формируется особое отношение к жизни на свободе, не связанное с необходимостью соблюдать закон. Более того, подавляющее большинство наших респондентов намеревались построить свою жизнь после освобождения по социально одобряемым в обществе лекалам и одновременно признавали возможность (а то и неизбежность) нового попадания в колонию: «от сумы и от тюрьмы не зарекайся». В результате, стремление жить на свободе, ориентация на социальные ожидания общества реализуются в изменении не мировоззрения, а стратегий поведения: «преступления совершать можно, но так, чтобы не поймали».

Тем не менее, у определенной части ребят, особенно из тех, кто уже долго находится на свободе после отбывания наказания, формируются социально приемлемые стратегии поведения.

И практически всем для адаптации на воле после тюрьмы крайне важен социально-личностный фактор — несмотря ни на что, они ищут одобрения общества (не криминального, а социально-нормативного), и им необходим реальный ресурс социальной поддержки, в роли которого выступают не только члены семьи и другие близкие люди, но и общественные организации, группы самопомощи и другие сообщества, в которые вовлечены испытуемые.

Для того, чтобы лучше понять, что происходит с подростками в тюрьме и после нее, что необходимо человеку, чтобы вернуться к нормальной жизни на воле, приведем четыре короткие

истории — истории ребят, с которыми я познакомилась, работая в общественной организации.

Тимофей К. — «Баян в законе»

Когда я брала у Тимы интервью для одного своего исследования, он два года как освободился из колонии. Возраст — 21 год.

История Тимы разворачивалась на наших глазах с самого детства. Известность юного баяниста, который с 10 лет занимал первые места в конкурсах самого высокого уровня, вышла за пределы музыкальной общности города и области благодаря прессе, когда от Фонда поддержки талантливых музыкантов им. В. Спивакова его семья получила квартиру в районном центре. В поле зрения психологов Тима попал в 14 лет, когда мама привела его на консультацию к специалисту по работе с трудными подростками. К тому времени он практически бросил не только музыкальную, но и обычную школу, был поставлен на учет в КДН за целый ряд административных правонарушений. На приеме Тима прямо заявил, что не собирается быть как все, хочет сделать криминальную карьеру, которая в отличие от музыкальной даст ему быструю славу, а также деньги и власть над людьми. Его случай в силу своей неординарности рассматривался на медико-психолого-педагогическом консилиуме.

Результаты психодиагностики показали наличие у Тимы: «акцентуации характера демонстративно-истероидного типа, склонности к патологической лживости, проявлению негативистских тенденций, завышенный уровень самооценки, ориентацию на ценности криминально-ориентированной референтной группы, снижение критичности и рефлексии при высоком уровне вербального интеллекта».

Тима — единственный ребенок в неполной семье, которого воспитывали мама и бабушка: обе имеют средне-техническое образование, у обеих — сложное наследственное эндокринное заболевание. У Тимы тоже диагностирована начальная форма гипертиреоза.

Дедушка по материнской линии был судим за уголовное преступление, с семьей не жил, но с Тимой общался до 9 лет. После развода родителей из-за пьянства и жестокости отца (Тиме было 5 лет) жили в доме барачного типа в старинном центре районного города рядом со школой искусств. Музыкальные и артистические способности мальчика проявились рано, уже в 5 лет он освоил программу подготовительного курса по классу баяна. Высокая обучаемость помогала ему и в общеобразовательной школе быть первым учеником. Успехи в учебе, музыке и конкурсной деятельности подкреплялись в семье щедрыми психологическими и материальными стимулами. Стиль воспитания по типу «кумир семьи» быстро сформировал у Тимы манипулятивный стиль отношения к близким и высокий уровень притязаний и самолюбия. Квартиру от Фонда Спивакова они получили во второй половине 1990-х годов: подростком Тима резко сменил среду обитания. Из старого центра с его сложившимися культурными традициями и укладом жизни семья переехала в новый район, где среди жилых новостроек единственными «очагами культуры» были казино, игровые клубы и многочисленные торговые точки. Кроме того, новоселами в те времена становились только те, у кого водились большие деньги, — понятно, что компания в микро-районе подобралась не самая законопослушная. Щедрый дар Фонда укрепил у мальчика уверенность в собственной исключительности, а новое окружение — желание «красивой жизни» по образцу масс-медиа «лихих 90-х». Что вошло в непримиримое противоречие с реальными возможностями семьи, живущей на бабушкину пенсию, бюджетную зарплату матери и нерегулярные алименты отца-«летуна». Денег на карманные расходы Тиме не давали, не разрешали и подрабатывать (надеясь на продолжение музыкальной карьеры талантливого мальчика). А в 14 лет работать он уже и сам не хотел, т. к. начал активно играть в клубах (автоматы, карты, рулетка). Его дружеский круг в то время состоял из более старших по возрасту ребят, имеющих явную криминальную ориентацию. Статус Тимы в компании — приближенный к лидеру — авансом и с некоторой иронией

был закреплен в прозвище «Баян в законе», сам себя он называл «Мистер Джекил и Доктор Хайд», подчеркивая незаурядную двойственность своей натуры.

Отношения с мамой и бабушкой на тот момент были на стадии полного разрыва: Тима не ночевал дома, пил, крал у родных деньги и вещи, требовал абсолютной свободы и выполнения всех желаний. В 15 лет уехал к отцу в другую область, чтобы «обрести наконец мужскую поддержку и понимание». Вторая семья отца Тиму приняла, но желанной свободы и удовлетворения желаний он не получил и там. Свое 16-летие отметил тем, что в группе с тремя пьяными взрослыми (случайными знакомыми) совершил разбойное нападение на магазин, где был взят с полочным. Вину всю один взял на себя и был осужден к 5,5 годам лишения свободы.

Поскольку это произошло в другой области, семья скрыла сей факт от знакомых, озвучив версию успешной учебы Тимы в прославленном музыкальном училище. И все годы его заключения поддерживала эту легенду, боясь «потерять лицо и испортить репутацию мальчику». В колонии Тима в силу своих несомненных дарований быстро занял привилегированное положение среди остальных воспитанников. Он возглавил вокально-инструментальный ансамбль, солируя на всех имеющихся инструментах. Полтора года занимал место старшего по карантину (командовал отрядом вновь прибывших в ВК осужденных). При штабе выполнял огромный объем работы на компьютере, был допущен даже к служебным документам. В последний год закрутил роман с сотрудницей охраны. Между делом окончил с отличием 11 классов и получил рабочую специальность наладчика швейного оборудования. Собирался поступить на дистанционное обучение в один из экономических вузов. Но тут стараниями матери подоспело условно-досрочное освобождение (после четырех лет пребывания в ВК). Пока Тима находился в колонии, он писал домой традиционные покаянные письма, строил планы на будущее в соответствии с ожиданиями родных. Охотно помогал нам в реализации программ социально-психологического тренинга (в рамках проектов

«Социума»), готовился стать волонтером в программе постпенитенциарного сопровождения. В картотеке воспитательного отдела карточка Тимы находилась в разделе АКТИВ, а графа «Прогноз» оптимистически заверяла — «благоприятный, сознательно стал на путь исправления». Освободившись, Тима часто навещал нас с рассказами о том, как проходит его адаптация к свободе. Основным эмоциональным рефреном первых двух месяцев после выхода из ВК было — «все плохо!». За четыре года Тима выпал из всех общностей, с которыми был связан до своих дальних странствий. На 21-м году жизни он оказался без престижного образования и перспектив, без профессии и друзей, без средств удовлетворения своих взрослых потребностей.

К тому времени вышел на экраны сериал «Бригада», и первыми пунктами в списке желаемого у Тимы оказалось длинное черное кашемировое пальто и «черный бумер». И если пальто две большие женщины ценой невероятной экономии на своих нуждах смогли ему купить, то для покупки машины Тима потребовал продать квартиру. Причем требования его усиливались в состоянии алкогольного опьянения и часто заканчивались побоями матери и бабушки. Об этом мы узнали от них самих лишь год спустя, т. к. по привычке все скрывать и приукрашивать они долго делали вид, что все благополучно, пока не дошли до полного отчаяния. Тима же продолжал рассказывать нам о том, как познакомился и стал жить с хорошей девушкой, подготовился к поступлению в вуз, купил желанную машину, наладил бизнес, хотя и не совсем легальный, но прибыльный (прием черных и цветных металлов), приобрел вес и уважение в кругах предпринимателей. Этот правдоподобный сюжет он воспроизводил регулярно и настойчиво, не зная, что мы располагаем реальными фактами из его жизни. Видимо, желание произвести на нас благоприятное впечатление отражало его потребность быть принятым и уважаемым в нашей организации, где он всегда встречал доброжелательное внимание и интерес к своей личности. Реальная же картина такова: металлом он действительно занимался в качестве «черного»

приемщика, но своя машина, жилье, постоянная девушка и студенческая жизнь — всего лишь фантазия.

Результаты психодиагностики (по методике Кеттелла) характеризуют Тиму как хитрого, светского и проницательного, даже утонченного человека. Наблюдаются тенденции к тревожности в трудных ситуациях, преобладание плохого настроения, мрачного беспокойства, опасений быть непринятым группой. Он предпочитает работать и принимать решения совместно, любит общаться и вызывать восхищение, зависит от мнения окружающих, ведом, нуждается в поддержке со стороны группы.

Из списка целей в числе главных оказались: «иметь много денег», «заслужить уважение на свободе» (уточнение — среди авторитетных людей, куда входят и «крутые пацаны»), и сотрудники «Социума», «создать здоровую семью» (10, 9,9 баллов из 10 соответственно). Важность позиции «не попасть больше за решетку» оценена в 8 баллов, а «не нарушать закон» в 3 балла, так же, как «получить прощение пострадавших и измениться, исправить свои недостатки». Причем в числе жертв, на которые он готов ради цели, отмечает, что легко может пойти на нарушение закона и разрыв дружеских и семейных связей.

В рейтинге ситуаций, которые нельзя «разрулить» законным путем, у Тимы с 10-ю баллами лидируют «самооборона», «аффект», «невозможность хорошо заработать честным путем и безднежье», замыкают список «скука» и «беспечность» (4 и 3 балла). Предел допустимого в решении собственных проблем он декларирует так: «Никогда не причиню боль людям, ну если только надо защищаться или по пьяни, но государство обойти не грех, только так и можно прожить нормально в этой стране». Случаев, когда он мог совершить преступление, но не стал этого делать, было много. Например, «когда пьяные малолетки нарывались на драку, я их игнорировал» и делал это только «ради себя, любимого». А еще он никогда не пойдет на заведомо невыгодное дело. Тима до сих пор на свободе. С семьей не живет, но иногда приезжает за деньгами.

Отношение к закону и правонарушениям: «можно и нужно делать все, что для тебя выгодно, но только с умом и не пачкая рук». Прогноз своего будущего: «от сумы и тюрьмы не зарекайся», — сопровождает комментарием: «Но в тюрьму я больше не пойду». Он до сих пор звонит и приходит в «Социум», чтобы рассказать о своих успехах.

Александр Р. — «Санек из Поливановки»

С Сашей мы познакомились в 2003 году, когда он по решению суда находился в спецшколе. Основания для помещения в спецшколу: неоднократные административные нарушения (злостные прогулы школы, нарушение дисциплины и порядка в общественных местах, хулиганские действия) и несколько эпизодов участия в групповых кражах. В спецшколе, где вся атрибутика и антураж режимного содержания практически не отличаются от таковых в колонии, он был на хорошем счету у воспитателей и на плохом у учителей. Учился он с трудом, хотя согласно диагностике школьного психолога интеллектуальные способности у него были на уровне возрастной нормы, — сказывался многолетний (с 4 класса) стаж педагогической запущенности. Но в плане поведения и общественной активности Саша оказался на высоте: пел в художественной самодеятельности, оформлял стенгазету, был старостой отряда и просто надежным и добрым парнем, которому воспитатели могли доверить любое ответственное дело. В спецшколе Саша пробыл с 12 до 15 лет. После освобождения пытался вернуться в свою школу в 9 класс. Но его оттуда грубо выгнали, не приняв документы. Учиться дальше, например, в вечерней школе он не захотел. Как выяснилось в ходе интервью, школьные проблемы начались у него с первого класса, т. к. он пришел туда совершенно не подготовленным. И вся история его школьной жизни оказалась историей унижений, неуспешности и вытеснения.

Саша — третий ребенок в деревенской семье с пятью детьми. Родители не получили даже основного образования (мать доярка, отец

сторож). Все пятеро детей были активно включены в домашнее хозяйство. Отец сильно пьющий, инвалид 2 группы, из семьи ушел, когда Саше исполнилось 7 лет. С хозяйством пришлось расстаться и переехать поближе к городу. Мать устроилась работать на уличный рынок. Жила семья в пригороде Саратова в частном доме без удобств. Мальчик из деревни, с ее специфическим устройством социальных сетей поддержки, сразу попал в жесткий мир городских улиц, где правила игры задают лидеры подростковых стай и где невыполнение этих правил карается клеймением и даже насилием. Неуспеваемость в школе, отсутствие семейной защиты, покладистый характер и привычка уважать авторитеты — этот комплекс проблем, по словам самого Саши, и заставил его присоединиться к криминальной компании. Хотя ни одно «дело» не было ему по душе. Он не пристрастился к алкоголю и наркотикам, не использовал феню и мат, никогда не конфликтовал с родными.

После возвращения из спецшколы прежние «друзья» снова начали активно вовлекать его в прежние авантюры, несколько раз избивали до тяжелого состояния. Саша сопротивлялся как мог, звонил и приезжал в «Социум», его поручили защите участкового и районного отдела КДН. Но однажды его попросили отнести кому-то из знакомых сумку с вещами, которые оказались краденными. В результате доказать в суде свою непричастность к краже он не смог и получил два года колонии. Мы помогли ему опротестовать решение суда, дело пересмотрели, Сашу освободили. После нескольких месяцев безуспешных попыток найти работу Саша снова пришел в «Социум» за помощью. Наконец, когда ему исполнилось 17 лет, мы смогли устроить его на лесопильню простым рабочим. Уже через несколько месяцев он стал правой рукой начальника, получал зарплату втрое больше учительской, забрал из деревни окончательно спившегося отца, освободил мать от тяжкого стояния на рынке, стал кормильцем своих младших сестер. Свои успехи он объяснял бесхитростно: просто работал на совесть. Устное интервью с Сашей (вернее, подробный рассказ о жизни), снятое на видео, мы показывали ребятам

в колонии и спецшколе в рамках проектного тренинга в разделе «Трудоустройство и социальные навыки». На вопрос о том, что позволило Саше так хорошо устроиться и стать фактическим главой большой семьи, воспитанники коллективными усилиями отвечали так: «Он непьющий и уже этим вызывал уважение и доверие начальства (особенно на фоне беспробудно пьющих рабочих-прогульщиков). Он всегда готов был поработать сверхурочно и всегда выполнял задания. Его целью было стать опорой в семье, и все, что он делал, он делал ради этого. Он легко мог отказаться от удовольствий и отдыха, личные выгоды он мог отодвинуть на задний план, чтобы помочь кому-то. А самое главное, он твердо решил не совершать преступлений и не поддавался ни на какие провокации и даже насилие. Такая позиция невольно вызывает уважение».

В нашей исследовательской программе Саша, кроме интервью, ни в каких других процедурах не участвовал. Но до сих пор он поддерживает с нами связь, делится своими проблемами. Главное — что он уже почти пять лет осознанно и устойчиво избегает любых нарушений закона. Хотя его историю отношений с правоохранительной системой нельзя считать типичной. Его противоправное поведение изначально определялось не криминальной мотивацией, а соображениями социальной мимикрии, задающей противоправную направленность его действиям, но не мировоззрению. И когда он вырос, окреп, получил внешнюю поддержку, он открыто оказал сопротивление провокациям окружения, выбрав социально одобряемую модель поведения. Вопрос о том, каковы его индивидуальные мотивы, какова природа его выбора, представляет особый исследовательский интерес. Одна из наших версий — это особый сельский уклад жизни, в котором он провел свое дошкольное детство и в котором сформировался комплекс ценностей, ориентированных на труд, уважение традиций, мужскую роль кормильца и главы семьи, порицание антиобщественных проявлений. И хотя в деревне этот уклад сохранился только фрагментарно, судя по интервью с Сашей, ему больше всего запомнилось, как в деревне он со всеми здоровался и любой человек

мог сделать ему замечание или помочь, когда родителей не было рядом. И конечно, в большей степени такая жизненная позиция обусловлена личностными особенностями Саши, которые он образно выразил так: «Я стойкий оловянный солдатик. Даже с одной ногой я все равно солдат».

Павел Л. — «Артист»

Павел попал в исследовательскую программу через год после освобождения из ВК. Возраст — 19 лет. В колонии провел около 2 лет. Был осужден по статье 158, ч. 2, условно, потом по статье 158, ч. 1. (кража), получил реальное лишение свободы. Преступления совершал один.

История жизни Павла в двух словах может быть определена как поиски любви. Он родился вне брака у несовершеннолетней матери от случайной связи. Эти обстоятельства разрушили отношения юной мамы с ее матерью, женщиной холодной, амбициозной и властной. Мальчик был позором семьи, мать его стыдилась, а лет с четырех, когда начали проявляться странности в его поведении (называл себя девочкой, кривлялся, приставал ко взрослым с просьбами приласкать его), и вовсе оказался изгоем и среди сверстников, и в семье. С детства у Павлика обнаружили целый букет хронических заболеваний: астму, гастродуоденит, тахикардию. Когда ему было 5 лет, мать вышла замуж и одного за другим родила трех сыновей. Паша очень любил братьев и пытался понравиться отчиму, но братья были малы, а отчим пил и не обращал на него внимания. Мать же старалась ограничить его пребывание в семье, отправляя мальчика то к своей подруге, то к бабушке, которая к тому времени смягчилась и пыталась дать ему хорошее воспитание: водила в художественную школу, театральную студию и на балльные танцы, помогала делать уроки, благо, Павел был очень способным и интеллектуально развитым мальчиком. Когда ему исполнилось 14 лет, бабушку нашли повешенной (версия — самоубийство), и он вернулся к матери. В то же время посадили брата матери. Первого отчима, пьющего и агрессивного, сменил

второй. Павел попробовал алкоголь, начал курить анашу, потом перешел на кокаин, получил первую судимость и бросил школу. Мать пыталась с помощью ремня и других насильственных мер искоренить его пороки и в том числе нетрадиционную сексуальную ориентацию, которая к тому времени определилась окончательно. Пытаясь оградить младших детей от дурного влияния брата, мать купила ему комнату в коммуналке в ближнем Подмоскovie и отселила туда одного. Оплату квартиры и скромное ежемесячное содержание он получил в обмен на полное исключение из семьи. Красивая внешность, утонченные манеры, ласковый характер быстро открыли для Павла вход в мир известных личностей определенного круга интересов. Основным занятием его было посещение ночных гей-клубов и «раскрутка» на угощение богатых посетителей. Первую кражу он совершил в 15 лет в одном из таких клубов, когда «раскрутка» не удалась, и не было денег на еду и дорогу домой. На второй краже попался, получил условный срок. Следующая кража привела его в колонию. Неожиданно это печальное событие активизировало материнское участие в его судьбе, она наняла хорошего адвоката, хлопотала перед администрацией о том, чтобы его защитили от возможного насилия, передавала посылки, но писем не писала и не навещала.

В колонии Павел благодаря своему обаянию, доброте и разносторонним дарованиям сразу приобрел друзей, поддержку неформального лидера, особое отношение со стороны сотрудников воспитательного отдела. В ВК он за два года освоил программу 9–11 классов (с отличными оценками по всем гуманитарным предметам), поступил заочно на отделение дизайна в колледж. В колонийском театре, организованном психологом О. Тищенко, Павел получил прозвище Артист, т. к. переиграл все женские роли, совершив революцию в сознании воспитанников: после него исполнение женских ролей перестало там быть позором. А участие в качестве художника комиксов в проектных мероприятиях общественной организации стало для него мостиком к свободе. После освобождения Павел продолжил сотрудничество с НКО, охотно соглашался на интервью

и диагностику, поддерживал телефонную связь с психологом колонии. Но отношения с матерью вернулись к прежнему конфликту: она обещала принять его, только когда он станет нормальным. Пытаясь соответствовать ожиданиям, он стал встречаться с девушками, заявлял, что в 30 лет женится и будет нормальным семьянином. Но обнаружил, что никакие отношения не приносят ему радости и не вызывают желания.

После колонии Павел многое переосмыслил, стал более осмотрительным, больше заботится о своей репутации. Он продолжает учебу, выполняет дизайнерские заказы, иногда снимается в массовке и рекламе. Но основным источником дохода для него по-прежнему остаются богатые покровители нетрадиционной ориентации из числа артистов, политиков и бизнесменов. При этом работником коммерческого секса он себя не считает — это унижительный статус. Никогда не пойдет на то, чтобы совершить кражу там, где его принимают и знают. О будущем говорит с воодушевлением, но оно отстоит от настоящего не менее чем на пять лет: на этот период он разрешил себе принимать кокаин, вести бисексуальную жизнь, зависеть от расположения покровителей. Понимая, что такая жизнь балансирует на грани между опасной свободой и неволей.

Павел — единственный из всех респондентов, чья самооценка по качествам *одаренность* и *инициативность* оказалась на уровне 10 баллов из 10. 4 и 3 балла — минимум в его шкале — получили *обязательность*, *выносливость* и спокойствие (средний балл самооценки 7,9). Психодиагностика (методика Кеттела) выявила его легкость в общении, внимательность к людям, приспособляемость, мягкосердечие, ориентацию на коллективные социально активные формы сотрудничества; при этом имеют место разборчивость, капризность, женственность, непрактичность, зависимость от внимания и помощи, творческий и нравственный эстетизм, чувствительность и невротизм. А также высокая обучаемость и сообразительность, способность к абстрактному мышлению.

В числе наиважнейших целей — создание семьи, саморазвитие, завершение образования и поиск любимой работы. Также максимально важно (10 баллов) не попасть снова за решетку, тогда как удержание от нарушения закона важно лишь на 4 балла. Для реализации своих целей готов терпеть усталость, много и тяжело работать, переехать в другую местность и снова нарушить закон.

От совершения преступлений Павла удерживали различные соображения: не мог подвести психолога колонии и сотрудников НКО, которые в него поверили, не хотел еще больше разочаровать мать, боялся потерять репутацию в своих клубных кругах. Рассказал, как однажды в гардеробе ресторана увидел норковую шубу своей мечты и уже придумал, как можно ее украсть. Но представил себе, как будет горевать хозяйка, для которой эта шуба тоже, наверное, была мечтой, и передумал. «Все-таки совесть у меня есть. А шуба такая у меня все равно будет, — сказал он. — Я попрошу N, и он мне купит».

Владимир Д. — «Аутрич»

На момент нашего разговора Владимиру было 27 лет, он вышел из колонии 5 лет назад. Был судим дважды, первая судимость в 16 лет за кражу (условное наказание), вторая за наркотики (ст. 228). Отсидел около двух лет, причем в воспитательной колонии всего 3 месяца, потом был переведен во взрослую ИК и освобожден уже оттуда.

Владимир — поздний ребенок, родившийся во втором браке родителей. Отец — хронический алкоголик, ушел из семьи, когда Владимиру исполнилось 16 лет. До 8 класса учился почти на одни пятерки, потом успеваемость снизилась до троек. Но познавательная активность всегда была высокой: посещал кружки и спортивные секции, собирался поступать в вертолетную школу. Подростковый период пришелся на первую половину 1990 годов. Материальное положение в семье было трудным (мать работала медсестрой в больнице). Подрабатывали вместе с сыном торговлей, но не очень успешно. Жили

в микрорайоне кирпичного завода, самом мрачном криминальном районе города. В 16 лет кумирами и авторитетами для Владимира были воры в законе. Пиво впервые попробовал в 3 года, более крепкий алкоголь в 14, в 16 — анашу. С 17 лет стал употреблять инъекционные наркотики. Опыт потребления наркотиков — результат целенаправленного сознательного поведения по принципу «в жизни надо попробовать все». Однако, несмотря ни на что, до того, как попасть в колонию, он успел окончить школу, поучиться в техникуме, жениться и стать отцом. Оказавшись в заключении, узнал, что заражен ВИЧ. Во время пребывания в колонии находился в ремиссии, но, выйдя на свободу, снова стал употреблять наркотики. На момент интервью он являлся студентом-заочником аграрной академии (факультет землеустройства) и работал по этой специальности. Кроме того, в течение 4 лет участвовал в проектах общественной организации по снижению вреда ВИЧ-СПИДа в качестве «аутрича» — агента по распространению мер безопасности в среде потребителей инъекционных наркотиков. Живет Владимир с матерью и сыном (его жена умерла от передозировки наркотиков, когда он сидел), собирается жениться на девушке, с которой познакомился в программе для ЛЖВС (людей, живущих с вирусом СПИДа). Поддерживает отношения с сотрудниками НКО, регулярно посещает консультации психолога, программу «12 шагов», ездит на конференции и симпозиумы по линии проектов по снижению вреда*, прошел сертифицированный курс тренера для работы с ЛЖВС. Потребление наркотиков не прекратил, но пока удерживается на уровне 1–2 доз в месяц. Длительные (до 3–4 месяцев) ремиссии связаны с командировками, сессиями и стационарным лечением (дважды в год). Считает себя православным верующим, раз в год исповедуется и причащается (крестился после освобождения).

Пройти весь массив диагностики с Владимиром не удалось из-за его постоянной занятости. Главная его цель — создать здоровую

* Проекты по снижению вреда — класс проектов, направленных на профилактику распространения ВИЧ-СПИДа среди инъекционных наркоманов и представителей других групп ВИЧ-риска.

семью. Ради этого готов трудиться, терпеть боль и усталость, отказаться от удовольствий и прежних компаний. Самое трудное для него испытание — разлука с близкими. Легко, кроме прочего, нарушить закон, но не потому, что хочет это сделать, а потому что, имея при себе наркотики и статью в прошлом, легко может стать фигурантом уголовного дела. Поэтому прогноз будущего традиционный — «от сумы и от тюрьмы не зарекаюсь», но сейчас от любых криминальных авантюр старается держаться подальше. Хотя до сих пор считает, что Уголовный кодекс — это условность и предмет манипуляций, он не гарантирует справедливого вердикта и потому уважать его нельзя. В списке ситуаций риска лидируют с 9 баллами из 10 «самооборона» и «трагическое стечение обстоятельств» («это непредсказуемо»), а замыкают нулевые — «зависть», «аффект гнева» и «сознательное желание».

Анализируя криминальный опыт юности, вспоминает, что кроме того, за что имел судимость, были еще многочисленные эпизоды воровства, но они остались нераскрытыми, что и подстегивало к новым «подвигам». Действовал по принципу «деньги сейчас — расплата потом». Отказываться от некоторых преступлений его заставлял здравый смысл и прогностическая оценка ситуации: заведомый риск, небольшая выгода, недоверие к поделщикам.

Сейчас удерживают от преступлений иные побуждения: «совесть будет мучить по отношению к жертве»; «понимание того, что деньги, пришедшие легко, так же и уйдут»; «честно зарабатывать не тяжелее, но надежнее, эти деньги бережешь»; «есть много нормальных способов решить любую проблему»; «есть что терять» (семью, любовь, мнение подросткового сына, уважение людей, перспективы, здоровье).

Ценность всего этого Владимир начал понимать, только пройдя неволю и узнав свой диагноз. В заключении много думал о закономерностях судьбы, пережил несколько ситуаций крайнего унижения и две попытки суицида. Сделал для себя один очень важный вывод: *криминальных путей много, а результат у них один*. Признается, что участие в программах «Социума» и участие сотрудников

«Социума» в его жизни открыло ему новые горизонты, перспективы жизни, укрепило в намерении наладить нормальную жизнь, повысило уверенность в своих силах. Но пока его социальная и личностная устойчивость зависит от этого, остается страх оказаться без поддержки.

Для того чтобы удерживать судимую молодежь от рецидива, а несудимую от первых преступлений, Владимир предлагает развенчивать ореол криминальной героики в СМИ, рассказывать о тех, кто смог изменить свою жизнь и добился успеха. И обязательно после освобождения «подхватывать» молодежь в специально организованные программы, где им помогали бы постепенно перейти к самостоятельной жизни.

В этих четырех, таких разных историях очень много общего. Во-первых, все четыре мальчика росли в тяжелой семейной ситуации: развод родителей, отсутствие любви к ребенку (или, как в случае «Баяна в законе» — потакание всем капризам), насилие. А во-вторых, те, кому удавалось изменить свою жизнь к лучшему, всегда опирались на «значимого другого»: Саша решил стать опорой своей семье; Павел не хотел подвести психолога колонии и сотрудников НКО, старался оправдать ожидания матери; Владимир дорожил семьей (матерью, сыном, девушкой) и опирался на помощь сотрудников общественной организации. Вспоминается фильм «Трактир на Пятницкой», любимый многими воспитанниками колоний. Успешная криминальная карьера Пашки-Америки и признание его авторитета в определенных кругах не предвещали перемен в его жизни (кроме неизбежных периодов отсидки, что входило в джентельменский набор уважающего себя вора). Но тут судьба сталкивает его с двумя людьми: любимая девушка, начальник угрозыска — именно эти «значимые другие» привнесли в жизнь героя новые цели, ценности, новую деятельность. Ради сохранения любви, доверия, уважения этих людей Пашка полностью изменился.

Римма Чиркина
Три этапа

Исследования криминологов показывают, что длительная изоляция, отрыв от семьи, специфический режим, влияние тюремной субкультуры в местах лишения свободы усиливают первичные отклонения в поведении, которые привели подростка на скамью подсудимых, довершают процесс деформации личности, что, в конечном счете, определяет дальнейшее преступное поведение. Противостоять этим деформирующим воздействиям могли бы близкие, родные, другие значимые для подростков люди, транслирующие им позитивные модели поведения. Но и без того нарушенные социальные связи ребят к моменту их выхода на свободу ослабевают еще больше, а иногда полностью разрушаются. Часто воспитанникам колоний и спецшкол некуда возвращаться, и они — даже те, кто собирается вести правопослушную жизнь, — обречены на беспризорность, безнадзорность и бродяжничество.

Наше государство, увы, на работу с неблагополучными семьями, беспризорными и безнадзорными детьми, подростками, осужденными к условной мере наказания и, тем более, освободившимися из воспитательных и других колоний, сколько-нибудь значимых ресурсов не выделяет. Потому что по большому счету никто из чиновников не верит, что такая работа принесет результат. Российская система общественного и государственного реагирования на социальное

неблагополучие предпочитает простые и неэффективные действия, например, выплаты несущественных пособий или гуманитарной помощи малообеспеченным семьям. Вместо профилактики преступности государство, пытаясь решить проблему просто, пугает наказаниями и увеличением сроков осуждения все общество целиком.

В первичной профилактике асоциального поведения детей также происходит подмена проблемы и целей работы. Распространенная практика использования в школах и на телевидении образовательных программ, призванных устранить пробелы в правовых знаниях детей и тем самым «спасти» их от асоциальных поступков, также не работает, потому что связывает проблему с примитивно понятой причиной правонарушений и преступлений — низким уровнем правосознания. Столь же простым, а потому и противоположным по эффекту способом борьбы с рецидивами является применение репрессивных мер по отношению к тем, кто уже провинился перед законом. А у сложных проблем простых решений не бывает. И если молодежная преступность — это явление системное, то и подходы к преодолению вызванных ею проблем должны носить системный характер.

Одним из факторов снижения преступности юристы и криминологи считают неотвратимость наказания. Добавим сюда еще и справедливость санкций, и само содержательное наполнение наказания. Известно, что осознание несправедливости назначенной меры, бессмысленность или неадекватность предписанных действий вызывают протест и только закрепляют процессы деформации социального поведения. Страх наказания — а именно он чаще всего сдерживает криминальное поведение — в большинстве случаев приводит не к изменению смысловых установок, а лишь к переориентации на иные способы достижения прежних целей. А ощущение безнаказанности приводит к новым преступлениям.

Совершив первое уголовное преступление из числа нетяжелых, подростки, как правило, получают условную меру наказания, включающую определенный перечень ограничений и предписаний на срок от нескольких месяцев до двух-трех лет. В практике уголовного суда

такая мера рассматривается как предупредительная, профилактическая, как шанс осужденного на исправление, изменение поведения. Но кроме необходимости еженедельно отмечаться в уголовно-исполнительной инспекции, не попадаться на глаза милиции и не пропускать учебу/работу, ничего другого обычно подросткам не предлагают. В то время как, например, в других странах, в частности, в Германии, этот испытательный по сути срок наполнен работой подростка и его семьи с социальными и психологическими службами, процедурами восстановительного характера. В Германии после первой судимости преступления совершают от 12 до 18% подростков — в основном, мигранты (данные Института криминологии Кельнского университета). В нашей стране нарушения, ведущие к замене условного наказания реальным, или повторные преступления на фоне условного наказания, по статистике МВД, совершают 35–40% подростков.

Сейчас в нашей стране три основных функции наказания подростков: 1) обеспечить безопасность общества; 2) пресечь рецидив; 3) дать поучительный пример для других. А должна существовать и четвертая: воспитательная и реабилитирующая. Эту функцию в европейских странах, например, выполняют альтернативные наказания, существующие в двух формах: учебной и трудовой. Трудовые наказания создают условия для исполнения наказания в обычном социальном окружении. Учебные имеют форму тренинга или помощи, направленных на преодоление проблем в поведении.

А что после тюрьмы? Поскольку подавляющее большинство осужденных в несовершеннолетнем возрасте выходят на свободу уже после 18 лет, государство на «законных» основаниях игнорируя их проблемы, создает эффект дополнительного наказания полным социальным отвержением. Но если объектом государственной молодежной политики являются лица от 14 до 30 лет, то возникает вопрос, почему нет ни одного государственного института, отвечающего за социализацию судимых молодых людей, как это делается в других странах.

Если обобщить, то вот какой путь проходит подросток, совершивший преступление.

1. До тюрьмы. Условную меру наказания подростки не считают наказанием, не воспринимают как шанс задуматься о жизни и изменить свое поведение. В их жизни практически ничего не меняется. Испытательный период не наполнен никакой осмысленной деятельностью. Поэтому так велик процент повторных преступлений еще до окончания срока приговора (по разным оценкам, от 30% до 60%).
2. Тюрьма. В местах лишения свободы после двух лет происходит полная адаптация к жесткой системе репрессивного контроля и усвоение норм тюремной субкультуры. После пяти лет (особенно у тех, кто попал за решетку в несовершеннолетнем возрасте) личность меняется необратимо. Разрушаются социальные связи, закрепляются установки всех уровней, направленные на решение проблем и удовлетворение потребностей в обход закона.
3. После тюрьмы. После выхода на свободу общество отвергает судимых молодых людей, а государство не помогает им социализироваться. У многих даже нет документов, жилья, их не берут на работу, многие больны. Большинство — в отдельных регионах до 60% — идут на повторные преступления.

Те меры, которые, на наш взгляд, могли бы значительно улучшить нынешнюю систему, приведены в таблице.

Уровни профилактики	Направления	Эффекты
1. ДО ТЮРЬМЫ		
А)	<p>Законодательно закрепить альтернативные меры наказания (в том числе общественные работы), процедуры восстановительного правосудия и медиации (досудебного примирения).</p> <p>Усилить штаты УИИ (уголовно-исполнительных инспекций) социальными работниками и психологами.</p> <p>Ввести институт пробации.</p>	<p>Осознание осужденными последствий и личная компенсация ущерба пострадавшим и государству.</p> <p>Усиление реального коррекционного ресурса условной меры наказания.</p>
Б)	<p>Ввести принудительные меры коррекции отклонений: лечение наркомании и алкоголизма, специальные тренинги для семейных групп.</p> <p>Организовать социальную помощь тем, кто в ней нуждается.</p> <p>Проводить индивидуальные и групповые социально-психологические тренинги.</p> <p>Вовлекать подростков в общественно-полезную деятельность, ввести ответственный контроль системы профилактики.</p>	<p>Шанс на выход из состояния зависимости при любом материальном положении семьи.</p> <p>Получение навыков социально приемлемого решения проблем.</p> <p>Нейтрализация криминальных установок.</p> <p>Повышение качества жизни и смена круга общения.</p>
2. В ТЮРЬМЕ		
А)	<p>Пересмотреть процессуальные нормы в отношении сроков лишения свободы. Увеличить штат психологических лабораторий воспитательных колоний.</p> <p>Провести экспертизу эффективности предложенных общественными организациями технологий работы в пенитенциарных учреждениях с последующим внедрением их в практику воспитательной работы.</p>	<p>Снижение влияния тюремной и криминальной субкультур на личность осужденных.</p> <p>Снижение фактора отчуждения и социального исключения.</p>
Б)	<p>Комплексно создавать социально-нормативное пространство в ВК: сюда входит работа, общение со сверстниками, учеба, творчество, контакты с родными.</p> <p>Максимально вовлекать подростков в тренинги, работу с психологами.</p>	<p>Повышение рефлексивных способностей осужденных молодых людей.</p> <p>Повышение значимой вариативности поведения в трудных жизненных ситуациях.</p>

Уровни профиллактики	Направления	Эффекты
3. ПОСЛЕ ТЮРЬМЫ		
А)	<p>Создать государственный институт сопровождения тех, кто вышел на свободу (службы пробации, социальные гостиницы и реабилитационные центры для освобожденных).</p> <p>Ввести ответственность государства по отношению к лицам, попавшим в систему уголовного правосудия в несовершеннолетнем возрасте.</p> <p>Распространить все социальные гарантии и помощь, положенные несовершеннолетним, на возраст не менее 21 года или в течение 2 лет после освобождения, если окончание срока заключения произошло после совершеннолетия.</p> <p>Восстановить систему квот или иных механизмов трудоустройства бывших заключенных.</p>	<p>Снижение криминогенного риска объективных факторов: бедности, бездомности, безработицы.</p>
Б)	<p>Ввести должности социальных кураторов по месту жительства бывших осужденных, которые регулярно общались бы со своими подопечными и помогали им в решении жизненных проблем.</p> <p>Регулярная работа бывших заключенных с психологами и участие в тренингах.</p>	<p>Персонифицированная поддержка лиц, повзрослевших в неволе, активизирует установки на социально одобряемые способы поведения.</p>

В целом, все эффективные системы работы с несовершеннолетними построены на создании социально-правовой инфраструктуры, включающей в себя не только и не столько репрессивные меры, сколько воспитательные и реабилитационные. Примером тому может служить ювенальная система в Германии: наказание для несовершеннолетних сугубо анонимно, понятие «судимость» отсутствует. Сам судебный процесс носит не карательный, а воспитательный характер. Подробнее об этом читайте в статье судьи из Дюссельдорфа Эдвина Пютца (см. далее).

Эдвин Пютц
Деятельность
ювенального судьи
и важные принципы
воспитания трудных
подростков*

Когда меня спрашивают о моей деятельности в качестве ювенального судьи или о смысле и цели правосудия по делам несовершеннолетних, то обычно я отвечаю, что являюсь последним звеном в цепи воспитательных мер. На это звено возлагается надежда, что оно решит проблемы в воспитании молодого человека, прежде всего — исправит ошибки и упущения прошлого.

Формулируется множество ожиданий к судье по делам несовершеннолетних и его деятельности по вынесению приговора. От такого человека требуется многое.

Ему необходимо тщательно изучить обвиняемого или обвиняемую.

Ему надо быть строгим и справедливым.

* Пютц Э. Краткое введение в практику немецкого уголовного права по делам несовершеннолетних и применения ареста в земле Северный Рейн-Вестфалия [Электронный ресурс] / Перевод И. Н. Карповой под ред. Л. М. Карнозовой // Психология и право, 2012. № 4. psyjournals.ru/psyandlaw.

Решение судьи должно быть нацелено на помощь.

Назначенные меры воздействия должны иметь продолжительный эффект.

В целом, судья должен — в самом прямом смысле слова — направлять.

Прежде чем подробно остановиться на опыте вынесения приговоров несовершеннолетним, я хотел бы представить несколько норм законодательного регулирования, которые задают твердую основу этой практики.

Наш закон исходит из того, что реагирование на преступления несовершеннолетних в меньшей мере уголовное право, чем воспитание.

Уголовное право для несовершеннолетних — «Закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних» (*Jugendgerichtsgesetz — JGG*) — скорее воспитательное, и именно так оно должно применяться.*

В этом отчасти заключен ответ на вновь и вновь задаваемый вопрос: «Помогать или наказывать?». В соответствии с законом ясно: нужно помогать посредством воспитания.

Но это проще сказать, чем сделать. Назначенная судьей мера может пониматься как наказание, однако — или именно поэтому — она довольно часто помогает. Но этот вопрос все еще не получил исчерпывающий ответ.

Ювенальное уголовное необходимо применять в каждом конкретном случае, полностью учитывая индивидуальные личностные качества и «пробелы» в воспитании каждого обвиняемого.

* В немецком праве Закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних включает как нормы материального, так и процессуального права в области реагирования на преступления несовершеннолетних, а термин *Jugendstrafrechts* означает уголовное право по делам несовершеннолетних в «широком смысле» и в словарях обозначается как совокупность норм уголовного и уголовно-процессуального права в этой области. — *Примеч. ред.*

Педагогика — но как?

Если ювенальный судья ориентирован на воспитание, меры, которые он может применить в соответствии с JGG, весьма разнообразны: от напоминания или предупреждения — через назначение часов отработки и денежных взносов — до обязанности участия в социальном тренинге или тренинге против насилия. Я часто использую на практике «курсы для магазинных воров» или «левых шоферов», «курсы для несовершеннолетних наркодилеров» и даже «взвалил» на некоторых несовершеннолетних участников дорожного движения тренинг по безопасности. Я могу также обязать молодого человека подчиняться предписанию о надзоре, регулярно посещать школу, извиниться перед жертвой или принять другие меры, которые сочту разумными в конкретной ситуации.

Все это может комбинироваться в одном судебном решении, преследуя одновременно несколько целей.

Меры, которые в соответствии с JGG применяются к несовершеннолетнему, необходимо подбирать индивидуально. В соответствии с законом, они должны быть точно «подходящего размера». Также как разным людям нужна одежда разного размера. Некоторые художавы и носят 36 размер, следовательно, все остальное им не подходит, и не пришлось бы по вкусу, мешало и было бы снято из-за того, что коротко или длинно.

Вопрос, который здесь возникает, заключается в следующем:

Как я найду «правильный размер» для молодого человека, который стоит передо мной? Что значит «педагогика» в правосудии для несовершеннолетних?

Ну, прежде всего, это «не что иное, как воспитание». При этом каждому, у кого есть дети, маленькие или уже взрослые, достаточно знать важный принцип.

Воспитание должно быть ситуационно обусловленным, последовательным, ясным и определенным, а именно:

Не нужно действовать по жесткой схеме и от этого ожидать чуда.

Не годится, если девятнадцатилетний выпускник должен быть наказан за что-то, что он совершил как шестнадцати- или семнадцатилетний незрелый школьник.

Не нужно сегодня запрещать вещь, которая будет разрешена завтра.

Оперативность мер

Для молодого человека период в полгода или больше — почти вечность и огромная часть его жизни.

Чем раньше наступят последствия деяния, тем скорее они окажут действие, для которого предназначены. Поэтому цель всех, кто занят в сфере преступности несовершеннолетних, состоит в том, чтобы за деянием как можно быстрее последовала реакция. И слишком часто наказание, озвученное судьей, оказывается первой воспитывающей мерой, которую ощущает несовершеннолетний. К сожалению, сегодня далеко не во всех семьях воспитывают.

Для практики уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних это означает, что мера должна назначаться как можно быстрее вслед за деянием, и при условии адекватности индивидуальным воспитательным потребностям конкретного несовершеннолетнего правонарушителя, она будет эффективно воздействовать на него (или на нее).

Поэтому дела несовершеннолетних не должны рассматриваться также как обычные уголовные дела. Уголовное преследование должно адаптироваться к темпу быстрого развития, которое, как правило, происходит у молодых людей между 14 и 18 годами. Отсюда одна из первых моих целей, как ювенального судьи, — по возможности быстрое проведение судебного процесса и вынесение точно соответствующего делу решения.

К сожалению, нередко приходится констатировать, что процесс слишком часто осуществляется схематично по единому образцу.

Имеется, как многие из вас знают, ступенчатый канон санкций. Сначала прокуратура прекращает уголовное преследование на стадии напоминания, без возложения обязанностей; следующая стадия — только возложение обязанностей. Во всех случаях правонарушитель ни перед кем персонально не несет ответственности, исключая, может быть, полицию. Несовершеннолетний нарушитель имеет дело только с печатными документами. Если по поводу следующего деяния обвинение предъявлено, суд, вероятно, вновь прекратит дело, и только при еще одном обвинении будет наконец вынесен приговор. Таков общепринятый сценарий, это типичный порядок действий.

Хотелось бы, чтобы для совершившего правонарушение молодого человека всегда быстро и целенаправленно искались индивидуальные решения. К ним во многих случаях относится и применение краткосрочного «тайм-аута», именуемого «арест».

Как руководитель изолятора для молодежи (*Jugendarrestanstalt* — JAA), я кратко опишу, что я пытаюсь сделать, чтобы достичь этой желаемого.

Итак, цель состоит в том, чтобы арест производился как можно быстрее, и это должно происходить в тесном согласовании всех структур.

В Дюссельдорфе благодаря согласованной работе JAA, ювенального судьи и службы помощи несовершеннолетним в конфликте с законом сложилась практика, когда молодой человек в день или на следующий день после вынесения соответствующего приговора (об аресте), имеющего законную силу, заключается под арест — это мера, которая никогда не теряет своей действенности.

Можно живо представить себе, как только сам факт, что утром он еще был у мамы, а в полдень уже за решеткой, может воздействовать на юношу, который до этого жил дома, как маленький принц. Для получения требуемого эффекта нужен быстрый арест, который при его оперативности уже частично работает на достижение цели, на чем, конечно, нельзя останавливаться.

Поскольку, речь идет, к сожалению, чаще всего о первом воспитательном последствии совершенного несовершеннолетним противоправного деяния, то возможность, чтобы он на короткое время был лишен всех других внешних воздействий, должна быть использована максимально.

Определенность воспитательных мер

Отсутствующая поддержка родителей — актуальная тема для практики уголовного процесса и уголовного права для несовершеннолетних; это аспект, на котором я остановлюсь лишь кратко.

Понятно, что все лица, участвующие в воспитании молодого человека, должны действовать согласованно.

Вот простые примеры. Ребенку не помогает, если папа говорит «нет», а мама разрешает и говорит «да»; или наоборот: папа говорит «да», поскольку хочет сохранить свой покой и просто, без раздумий отменяет мамину позицию «нет», завоеванную в острой борьбе. Ребенок это замечает и оттачивает и совершенствует свою технику игры на противоречиях мамы и папы.

В повседневной практике правосудия в отношении несовершеннолетних и применения ареста обнаруживается проблема, которую вы, вероятно, знаете: родители не воспитывают своих детей, а лишь обеспечивают их существование. Со своей чрезмерной заботой, которая не обнаруживает никаких признаков критической рефлексии, родители очень затрудняют деятельность работников ювенальной юстиции; они продолжают вести себя, как и раньше, даже когда их ребенок находится в закрытом учреждении для несовершеннолетних.

Неблагоразумные несовершеннолетние укрепляются в своей позиции, прежде всего благодаря родителям, и надо приложить все усилия, чтобы объяснить молодому человеку, что у него неверный образ мыслей.

К сожалению, влияние ювенального судьи на родителей и их поведение и его возможности в сфере воспитания очень малы, поэтому я не буду останавливаться на этом подробнее.

Все участники уголовного процесса по делам несовершеннолетних должны уяснить, что воспитание выполняет свои функции только тогда, когда вы последовательны.

Здесь не надо ничего доказывать: для многих несовершеннолетних правонарушителей помещение в закрытое учреждение является первым действительно серьезным сигналом, который они получают как следствие отклоняющегося поведения. Поэтому не без основания можно сказать, что большая часть ареста уходит на так называемый слом привычных представлений.

Но ясный, ранний и очень четкий сигнал, что граница уже преодолена, по моему мнению, лучше, чем зачастую слишком длительное снисхождение, которое нередко неверно понимается.

И в заключение я хотел бы сказать следующее.

Из моих разговоров с несовершеннолетними заключенными я понял, что арест был для них поучительным и даже целебным опытом. Часто я слышал дословно следующее: «Это было мне наукой!» Все остальные меры, которые предшествовали этому, не несли в себе столь ясный смысл.

© Пютц Э., текст, 2012

© Карпова И. Н., перевод на русский язык, 2012

Подавлять и наказывать — основной принцип общения с провинившимися детьми — и у родителей, и у государства. Мы надеемся, что когда-то это изменится. А пока — пока насилие остается и влечет за собой искалеченные судьбы и много боли.

Нильс Кристи

О боли*

Вместо эпилога

Одно из правил, которому нужно было бы следовать, таково: если есть сомнения, то нельзя причинять боль. Другое правило должно состоять в том, чтобы причинять как можно меньше боли. Ищите альтернативу наказанию, а не альтернативные наказания. Часто нет необходимости реагировать: преступник, так же как и окружающие, знает, что то, что он совершил, — плохо. Многие отклоняющиеся поступки представляют собой экспрессивную, неадекватную попытку что-то сказать. Пусть преступление послужит исходным пунктом для подлинного диалога, а не для столь же неадекватного ответа посредством причинения боли полной мерой. Социальные системы следует организовать так, чтобы диалог мог иметь место. Более того, некоторые системы устроены таким образом, что многие деяния естественно воспринимаются как преступления. Устройство других систем предрасполагает к тому, чтобы те же самые деяния воспринимались как проявления конфликтующих интересов. Для того чтобы уменьшить причинение боли людям, нужно поощрять создание систем второго типа. Моя позиция, представленная здесь в неизбежно упрощенном виде, но с полным пониманием сложности обсуждаемых вопросов, кратко сводится

* Нильс К. Причиняя боль / Кристи Нильс; [пер. В. Когана]. М.: Алетей, 2011. 164 с.

к тому, что социальные системы должны строиться таким образом, чтобы свести к минимуму ощутимую потребность в причинении боли с целью социального контроля. Неизбежна скорбь, а не ад, создаваемый людьми.

© Кристи Н., текст, 1982

© Коган В., перевод на русский язык, 1984

Благодарности

За помощь в работе над книгой авторы и составители сборника от всей души благодарят Можайскую, Новооскольскую, Рязанскую воспитательные колонии, УФСИН по Московской области, Лабораторию ювенальных технологий МГППУ, отделение ГБУ «Городской центр «Дети улиц»» (ЮВАО г. Москвы), Психологический центр на Белорусской, семинар «Культура детства» РГГУ, волонтеров Агафью Ткаченко, Наталью Кутина, Карена Арутюнянца и других постоянных участников посещений мест лишения свободы, активных распространителей профилактических материалов Центра и сотрудников Центра содействия — Елену Гордееву, организатора посещений, и Валерия Сергеева — самого строгого критика нашей работы.

Авторы

ВАЛЕРИЙ АБРАМКИН — основатель и бессменный директор Центра содействия реформе уголовного правосудия до января 2013 года, автор сборников «Поиски выхода», «Подросток в местах заключения» и других.

АННА ВАРГА — заведующая кафедрой системной семейной психотерапии Института практической психологии и психоанализа, председатель правления Общества семейных консультантов психотерапевтов (ОСКИП). Кандидат психологических наук, автор 54 научных и научно-популярных статей и двух монографий; состоит в ЕАР (Европейская психотерапевтическая ассоциация), IFTA (Международная ассоциация семейных психотерапевтов).

АННА ВОРОНКОВА — переводчик (МГУ им. Ломоносова), участник проекта «Респект — за уважение к разным нациям, культурам и религиям» Немецкого культурного центра им. Гете, волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия с 2010 года.

НАТАЛИЯ ДЗЯДКО — директор Центра содействия реформе уголовного правосудия с февраля 2013 года, член Общественной наблюдательной комиссии Московской области в рамках выполнения впервые

начавшего действовать в России Федерального закона РФ от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» с ноября 2008 года.

НИКА ДУБРОВСКАЯ — автор детских книг, блогер, сотрудничает с Центром содействия реформе уголовного правосудия с 2009 года.

ИРИНА ГОРЕЛОВА — переводчик (МГПИИЯ им. Мориса Тореза), волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия с 2009 года.

ВЕРА ГОРЧАКОВА — психолог-консультант, сотрудник Межведомственного ресурсного центра мониторинга и экспертизы безопасности образовательной среды МГППУ, участник проекта «Трудные дети», волонтер Центра содействия реформе уголовного правосудия.

ОЛЕГ ЗЫКОВ — общественный деятель, к. м. н., доцент, президент Общероссийского общественного благотворительного фонда «Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», член Общественной палаты Российской Федерации трех созывов.

ДИНА ЙОШПА — психолог, ведущий эксперт Института права и публичной политики, участник круглых столов и дискуссий, посвященных проблемам подростков в местах заключения, сотрудничает с Центром содействия реформе уголовного правосудия с 2001 года.

АННА КРАСНИКОВА — лингвист, редактор, преподаватель РГГУ. Соавтор выставки «Осторожно, тюрьма», редактор некоторых сборников Центра. Организатор и ведущая круглого стола «Куда приводит порка», участник проекта «Трудные дети». Сотрудничает с Центром содействия реформе уголовного правосудия с 2007 года.

Нильс Кристи — знаменитый норвежский криминолог, ратующий за отказ от института тюрьмы. Профессор Университета Осло, член Академии наук Норвегии и Швеции, член редакционного совета международного журнала «Теоретическая криминология» (Theoretical Criminology), в прошлом — директор норвежского Института криминологии и уголовного права Университета Осло, президент Скандинавского Совета по криминологии*. Автор многих книг, монографий и статей.

Александра Кувшинова — историк, преподаватель Историко-архивного института РГГУ. Изучала социологию детства в Университете г. Линчопинг, Швеция. Занимается проблемами социального восприятия детства и телесных наказаний в разные эпохи. Принимала участие в международных исследовательских проектах и семинарах и проекте «Трудные дети».

Виктория Ломаско — одна из самых востребованных в России художников-графиков, прославилась графическими репортажами о воспитанниках колоний, митингах протеста, громких судах по политическим делам.

Наталья Малкина — психолог-консультант, сотрудник Лаборатории проблем социокультурной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья Института проблем интегративного (инклюзивного) образования МГППУ. Помимо этого, социальный работник в Благотворительном фонде развития паллиативной помощи детям.

Алиса Миллер — известный польский психолог и писатель (13 книг), доктор философских, психологических и социологических наук.

* Кристи_Нильс/Википедия. ru.wikipedia.org/wiki/Кристи,_Нильс.

Исследовала разные формы насилия над детьми, пропагандировала ненасильственное воспитание.

НАТАЛИЯ ОСИПОВА — психолог, сотрудник Психологического центра на Белорусской.

ВЕРА ПАНОВА — зам. начальника ФКУ Можайской ВК УФСИН России по МО, подполковник внутренней службы.

АЛЛА ПОКРАС — руководитель программ московского офиса Penal Reform International (Международная тюремная реформа). Наши организации сотрудничают с 1999 года, выполняя общие проекты, решая общие задачи, посвященные, в частности, осужденным подросткам и подросткам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

МАРИНА ПОЛИВАНОВА — психолог Московского телефона экстренной психологической помощи и Центра содействия реформе уголовного правосудия. С ноября 2008 года — член Общественной наблюдательной комиссии Московской области в рамках выполнения впервые начавшего действовать в России Федерального закона РФ от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

ЭДВИН ПТЮЦ (Дюссельдорф, Германия) — окружной судья по делам несовершеннолетних, руководитель «Центра заключения несовершеннолетних (Jugendarrestanstalt)».

ТАТЬЯНА ПУДКОВА — заведующая отделением Городского центра «Дети улиц» ЮВАО г. Москвы (специализированное учреждение, работающее с подростками «группы риска» и членами их семей на территории округа).

Михаил Резин — протоиерей Знаменского собора Нижегородской епархии, почетный житель города Ардатова.

Светлана Рейтер — журналист, специальный корреспондент журнала *Esquire*, автор многочисленных публикаций на социальные темы, лауреат премии Пола Хлебникова. Сотрудничает с Центром содействия реформе уголовного правосудия с 2010 года.

Игорь Свиначенко — писатель и журналист, член Союза писателей, автор 20 книг и статей на злободневные темы.

Ольга Тищенко — педагог-психолог ГОУ НПО ПУ-№ 97 (Можайск), в прошлом — начальник психологической лаборатории МВК, более десяти лет сотрудничает с Центром содействия реформе уголовного правосудия.

Людмила Улицкая — российский писатель, общественный деятель, лауреат множества премий. В 2007–2010 годах инициатор и куратор серии детских книг «Другой, другие, о других». Учредитель «Фонда Людмилы Улицкой по поддержке гуманитарных инициатив».

Юрий Чижов — культуролог, сотрудник Центра содействия реформе уголовного правосудия с 1990 года (тогда — Центра содействия гуманизации пенитенциарной системы). Соавтор книги «Как выжить в советской тюрьме» (1992).

Римма Чиркина — кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права МГППУ, возглавляет Лабораторию ювенальных технологий, больше десяти лет сотрудничает с Центром содействия реформе уголовного правосудия, оказывая методическую и экспертную поддержку проектам, организатор и участник совместных круглых столов и конференций.

Воспитанники Можайской, Новооскольской, Рязанской и Шаховской воспитательных колоний.

Осужденные Ардатовской женской колонии (ИК-18) и Челябинской женской колонии (ИК-5).

Приложение 1.
Анкеты о наказаниях*

Дата
Имя М Ж
Возраст
Образование, профессия
Есть ли дети сколько

1. **Вспомните, как вас наказывали в детстве (как часто, кто, за что, как)?**
2. **Что вы чувствовали при этом? Как реагировали?**
3. **Какие последствия для вас имели эти события?**
4. **Нужно ли наказывать детей? За что, как, для чего?**

* Составитель опросника — Римма Чиркина. Автор анкеты на следующих страницах — Наталья Осипова.

	Верно	Неверно	Примеры, подробности	Хотел бы пропустить этот вопрос
В детстве большую часть времени я чувствовал себя счастливым.				
Бывало, что в школе из-за озорства меня вызывали к директору.				
Часто я сразу забываю, что мне говорят.				
Одно время в детстве или отрочестве мне нравилось совершать мелкие кражи.				
В моей семье есть очень нервные люди.				

	Верно	Неверно	Примеры, подробности	Хотел бы пропустить этот вопрос
Моя мать – хороший человек.				
В детстве мне иногда очень хотелось убежать из дома.				
Мне нравится путешествовать, я бы даже сказал (-ла), что у меня есть страсть к перемене мест.				
Обычно я предпочитаю не рассказывать другим людям о своих серьезных неприятностях.				
Родители часто были настроены против моих знакомых.				

	Верно	Неверно	Примеры, подробности	Хотел бы пропустить этот вопрос
Мужчина, который больше других занимался мной в детстве, бывал очень строг со мной.				
Мой отец – хороший человек.				
Я редко забываю свои обиды.				
Когда меня ругают, даже несправедливо, я все равно чувствую себя виноватым.				
Я верю в возмездие.				

Приложение 2.
Интервью «Опыт взаимодействия
с несовершеннолетними
правонарушителями, отбывающими
наказание в виде лишения свободы»*

До интервью

Цель данной работы — обобщенное знакомство с опытом взаимодействия с несовершеннолетними правонарушителями через интервью. В качестве итога предполагается включение текста интервью целиком или его фрагментов в сборник, посвященный феномену наказания.

Продолжительность интервью — приблизительно 1 час. Ведется аудиозапись. Далее аудиозапись будет расшифрована, незначительно отредактирована и предоставлена в качестве подтверждающей достоверность.

Соблюдается принцип конфиденциальности: при расшифровке и дальнейшей публикации конкретные данные (имена, места и пр.) будут изменены.

К респондентам озвучена просьба говорить подробно и максимально открыто (эмоции, мнение).

* Автор текста и интервьюер — Наталья Малкина.

Описание опыта взаимодействия с несовершеннолетними правонарушителями

— Я знаю, что Вы приезжали в одну из колоний с целью помощи ребятам, отбывающим там наказание. Пожалуйста, опишите этот опыт.

— Когда Вы приезжали? И что было мотивом Вашего первого визита в колонию?

— Какова периодичность Ваших визитов?

— Как Вы взаимодействовали с ребятами и какие задачи ставили перед собой?

— Какими были Ваши первые впечатления, когда Вы оказались на территории колонии и когда встретились с ребятами? Какие чувства Вы испытали?

— Как изменились/изменяются Ваши чувства и отношения к ребятам и колонии в целом со временем (если человек приезжал/приезжает в колонию неоднократно)?

Представление о причинах, приведших несовершеннолетних к нарушению закона

— Понятно, что все несовершеннолетние, оказавшиеся в местах лишения свободы, находятся там потому, что стали правонарушителями, совершили преступление или преступления. Понятно и то, что есть какие-то причины и того, почему они нарушили закон и совершили преступления. Наверное, жизненный путь каждого уникален, а причинно-следственные связи далеко не всегда просто установить. Но, возможно, у Вас сложилось представление о том, что все-таки привело большинство ребят в колонию?

— Возможно, в их жизненном пути значительную роль играет опыт наказания (когда они были наказаны)?

Значение отбывания наказания в виде лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей

— Как Вы полагаете, связывают ли ребята наказание в виде лишения свободы, пребывание в колонии с фактом их правонарушения?

— Как Вы считаете, является ли пребывание в колонии для ребят наказанием? Воспринимают ли они этот опыт как наказание?

— Чего ребята лишаются в связи с пребыванием в колонии? Какие минусы Вы видите в такой форме наказания за преступление?

— Что ребята приобретают благодаря пребыванию в колонии? Что подобный опыт позволяет приобрести им?

Будущее несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание в виде лишения свободы

— Каким Вам представляется будущее ребят, отбывающих наказание в виде лишения свободы?

Конец интервью

Есть ли что-либо, что Вам хотелось бы добавить? Что кажется Вам важным для раскрытия темы наказания вообще и наказания в виде лишения свободы в частности?

После интервью

Как Вы себя чувствовали во время интервью?

Содержание

<i>Людмила Улицкая. Предисловие</i>	7
<i>Наталья Дзядко. Как появилась эта книга</i>	9

ЧАСТЬ 1. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

«Невозвратимая пора детства»	17
«Несчастен не потому, что виноват»	25
«И ненависть, и страх, и животный ужас»	33
Как я наказывал. Признания взрослых	46
Наказание тюрьмой	53

ЧАСТЬ 2. ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Анна Варга. Домашнее насилие</i>	69
<i>Анна Варга. Современное воспитание</i>	94
<i>Анна Варга. Что делать, если ребенок ворует у посторонних</i>	109
<i>Алиса Миллер. Размышления о порке</i>	112
<i>Александра Кувшинова. Бить или не бить? История и современность телесных наказаний в книге И. Кона</i>	115
<i>Наталья Осипова, Вера Горчакова. Подростки и взрослые отвечают на вопросы о наказании — размышления психолога</i>	126
<i>Тюремная система и уязвимость подростков. О. Зыков и В. Абрамкин на встрече с В. Путиным</i>	136

<i>Римма Чиркина. Тюрьма: вред или польза. 45 интервью и 4 истории из жизни.</i>	140
<i>Римма Чиркина. Три этапа.</i>	159
<i>Эдвин Птюц. Деятельность ювенального судьи и важные принципы воспитания трудных подростков.</i>	165
<i>Нильс Кристи. О боли (Вместо эпилога).</i>	172
<i>Благодарности.</i>	175
<i>Авторы</i>	176
<i>Приложение 1.</i>	183
<i>Приложение 2.</i>	187

Трудные взрослые — трудные дети

О домашнем насилии
и подростковых правонарушениях

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря
2010 года маркируется знаком

Редколлегия:

Наталья Дзядко, Анна Красникова, Александра Кувшинова,
Наталья Малкина, Наталья Осипова, Ольга Тищенко,
Римма Чиркина

Составитель: Анна Красникова

Верстка: Валерий Харламов

Выпускающий редактор: Мария Соболева

На обложке: иллюстрация воспитанника Можайской ВК.
Использованы работы воспитанников Можайской,
Новооскольской и Рязанской ВК.

Подписано в печать 12.01.2014

Формат издания 60x90/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 13. Тираж 1800 экз.

Заказ №

ООО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»

101000 Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7.

Тел./факс (499) 978-29-82, (495) 621-10-24

www.prison.org; sodeistvie@prison.org